Проф. М. М. Гродзинский

ОБВИНЯЕМЫЙ

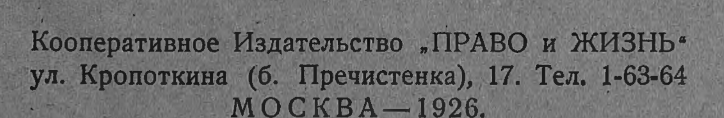
ЕГО ОБЯЗАННОСТИ И ПРАВА
В
ПРОЦЕССЕ

Кооперативное Издательство „ПРАВО и ЖИЗНЬ“
ул. Кропоткина (б. Пречистенка), 17. Тел. 1-63-64
М О С К В А — 1926.

Проф. М. М. Гродзинский

ОБВИНЯЕМЫЙ

ЕГО ОБЯЗАННОСТИ И ПРАВА
в
ПРОЦЕССЕ

Кооперативное Издательство „ПРАВО и ЖИЗНЬ“
ул. Кропоткина (б. Пречистенка), 17. Тел. 1-63-64
МОСКВА—1926.

Отпечатано в Ржевской тип. УИК'а
Главлит № 48743. Тираж 3.000 экз.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА I.

Всякое лицо, участвующее в уголовном процессе в той или иной роли, может быть названо процессуальной фигурой; таковы, например, судья, обвинитель, защитник, свидетель, эксперт и др.; все они выполняют свою особую задачу и—соответственно этому — имеют свои, определенные законом, права и обязанности. Такой процессуальной фигурой является и обвиняемый, который, будучи центром всего процесса, выступает одновременно в нескольких ролях, чем и определяется круг лежащих на нем обязанностей и принадлежащих ему прав. Прежде всего обвиняемый является тем лицом, чьи действия составляют предмет судебного расследования и рассмотрения, ибо основная задача уголовного процесса в том и заключается, чтобы решить, совершило ли данное лицо приписываемое ему социально-опасное деяние (преступление), и, в случае утвердительного ответа—решить также, должна ли быть назначена данному лицу мера социальной защиты и какая именно. В виду этого тот, кто привлечен к делу в качестве обвиняемого, может оказаться впоследствии осужденным и к нему может быть применена та или иная мера социальной защиты; иначе говоря, обвиняемый является объектом применения в будущем определенной меры социальной защиты, указанной в судебном приговоре. Так как, далее, всегда возможно предположить, что лицо, которому угрожает в будущем осуждающий его судебный приговор, может уклониться от ожидающей его участи, то в отношении этого лица могут быть приняты такие меры, которые помешали бы уклонению обвиняемого от следствия и суда.

Но обвиняемый не является молчаливым зрителем того, что вокруг него происходит; в действительности, он не только объект уголовного процесса, но и участник его. Обвиняемый, будучи привлечен к делу, либо признает правильность предъявленного ему обвинения, либо стремится опровергнуть последнее; в том и другом случае он дает суду показания, которые рассматриваются судом, как и все другие материалы, имеющиеся в деле, при чем из этих показаний суд извлекает сведения, которые могут лечь в

основу того или иного приговора. Иначе говоря, показания обвиняемого являются таким же доказательственным материалом, как и показания свидетеля или заключение эксперта, почему обвиняемый, поскольку он дает показания по существу дела, выступает во второй своей роли, именно в роли источника доказательств.

Наконец, обвиняемый выступает в процессе еще и в качестве стороны, спорящей с другой стороной — обвинителем. Теория различает два вида уголовного процесса, имеющие существенные и глубокие отличия друг от друга: это процесс розыскной, иначе называемый следственным или инквизиционным, с одной стороны, и процесс состязательный или обвинительный—с другой. Сущность розыскного процесса заключается в том, что судья сам собирает доказательства, как поддерживающие обвинение, так и опровергающие его, и сам же эти доказательства рассматривает, после чего выносит тот или иной приговор; таким образом, судья выполняет здесь обязанности не только судьи, но и обвинителя и защитника, почему нет надобности в участии в деле специальных органов обвинения и защиты, которые выступали бы пред судьей в качестве спорящих между собой сторон. Что же касается процесса состязательного, то здесь доказательства, поддерживающие обвинение, собираются и представляются в суд обвинителем, в то время как доказательства, опровергающие обвинение, собираются и представляются в суд обвиняемым или его защитником; при этом как обвинитель, так и защитник не довольствуются собиранием и представлением доказательств, но, кроме того, дают пред судьей объяснения, в которых излагают свои соображения, после чего суд, рассмотрев представленные доказательства и выслушав доводы сторон, выносит приговор.

Таким образом, основное различие между процессом состязательным, с одной стороны, и розыскным, с другой, заключается в том, что в первом участвуют стороны (обвинение и защита), из которых каждая имеет свои определенные права и обязанности и при том представлена обычно особыми органами; в розыскном же процессе судья заменяет собой стороны, почему нет надобности в участии обвинителя и защитника. В прямой зависимости от того, будет ли процесс розыскным или состязательным, различно будет и положение обвиняемого: в первом случае он выступает пред судьей (сам или через своего защитника) в качестве стороны, участвующей в судебном состязании; в розыскном же процессе роль обвиняемого сводится к даче объяснений и показаний по требованию судьи и к ходатайствам о том, чтобы судья добыл и рассмотрел те или иные доказательства, могущие служить в пользу обвиняе-

мого; при этом право иметь защитника у обвиняемого отсутствует, так как предполагается, что лучшим защитником его является сам судья.

Таковы состязательный и розыскной процесс, взятые в теории; что же касается действительности, то она нигде не дала примеров чистого розыскного и состязательного процесса, и известные истории формы процесса всегда содержали в себе отклонения в ту или иную сторону. В частности розыскной процесс никогда не был проведен до конца и нигде не существовал в такой форме, при которой вполне и совершенно отсутствовали бы стороны в деле. Так, например, французский процесс эпохи, предшествовавшей Великой Революции 1789 года, был строго розыскным, но в то же время допускал некоторое участие прокурора в качестве стороны обвинения, равно как предоставлял обвиняемому право присутствовать при допросе свидетелей и опровергать их показания; кроме того, как обвиняемый, так и прокурор и потерпевший имели в известном объеме право обжаловать судебный приговор в высшую инстанцию. Равным образом, русское уголовно-процессуальное право до реформы 1864 года, хотя и строило процесс по розыскному принципу, но все же предоставляло обвиняемому некоторые права стороны, каковы, например, право принесения жалоб на неправильное производство следствия и право обжалования в известных случаях судебных приговоров. Более того, история знает случаи, когда розыскной процесс допускал участие защиты, примером чему может служить Баварский Кодекс 1813 года, который предоставлял обвиняемому не только право представлять доказательства, и обжаловать судебные приговоры, но также и право иметь защитника; задача последнего заключалась в ознакомлении с материалом, собранным на следствии, указании на обстоятельства, требующие расследования, и в занесении в акты производства всего того, что может служить в пользу обвиняемого. В свою очередь состязательный процесс не в состоянии провести строго до конца ту мысль, что судья является только органом, выслушивающим стороны и не проявляющим никакой инициативы. Вместо того, реальная действительность создает такое положение вещей, в котором, в большем или меньшем объеме, судье предоставляется право и возможность собирать доказательства как против, так и в пользу обвиняемого, и осуществлять, таким образом, в известной части то, что по общему правилу является задачей сторон.

Несмотря, однако, на то, что в историческом своем осуществлении розыскной процесс содержит в себе известные элементы состязательности, равно как обратно, состязательный процесс носит в себе некоторые черты, заим-

ствованные из процесса розыскного, — основное различие между этими двумя видами процесса сохраняется, и, в частности, состоит в том, что в состязательном процессе обвиняемый принципиально признается стороной, равноправной с обвинителем, в то время как в процессе розыскном, даже при наличии известных прав, обвиняемый стороной не признается и рассматривается только как объект возможной в будущем меры социальной защиты и как источник доказательств.

Это различие, одинаково существенное как с принципиальной, так и с практической стороны, необходимо иметь в виду не только тогда, когда идет речь об установлении роли и положения обвиняемого в уголовном процессе того или иного исторического периода, но также и при выяснении прав обвиняемого в отдельных стадиях (частях) процесса, взятого в данных условиях места и времени. Последнее особенно важно потому, что в подавляющем большинстве случаев современный уголовный процесс построен по, так называемому, смешанному началу и представляет собой соединение двух частей: стадии предварительного расследования дела, где проведено начало розыскное, и стадии судебного рассмотрения, где господствует начало состязательности; в частности, такова система, принятая в действующем УПК.

Таким образом, обвиняемый выступает в процессе одновременно в трех ролях: объекта возможной в будущем меры социальной защиты, источника доказательств и, наконец, стороны, при чем первые два момента, присущие обвиняемому в процессе как состязательном, так и розыскном, в то время как в качестве стороны обвиняемый выступает только там, где проведены начала состязательности. Наличие этих трех свойств определяет сущность и положение обвиняемого, как особой процессуальной фигуры и отличает его от всех остальных участников процесса, из которых некоторые имеют часть черт, присущих обвиняемому, но только часть. Так, например, свидетель и эксперт являются таким же источником доказательств, как и обвиняемый, но они не выступают в качестве сторон; потерпевший, выступающий в качестве обвинителя или гражданского истца, вместе с тем может быть и свидетелем, как это имеет место, например, по действующему УПК (примечание к ст. 284), иначе говоря, является не только источником доказательств, но и стороной подобно обвиняемому; но в то же время только последний является тем объектом, к которому может быть применена в будущем та или иная мера социальной защиты в связи с тем деянием, которое составляет предмет судебного расследования и рассмотрения.

Именно, эта последняя особенность, присущая обвиняемому и только ему одному, имеет своим последствием то, что на обвиняемом лежат такие обязанности, которые не могут быть возложены в процессе ни на кого более, именно обязанность подчиниться принудительным мерам, имеющим своей целью обеспечить явку обвиняемого к следствию и суду. Речь идет о мерах, имеющих целью помешать обвиняемому уклониться от следствия и суда, иначе говоря о мерах, которые обеспечивают неуклонение обвиняемого от следствия и суда и которые носят в действующем УПК сокращенное название „мер пресечения".

Меры эти преследуют двойную задачу и стремятся обеспечить как исполнение приговоров, так и самую возможность правильного расследования дела. Так, поскольку обвиняемый является тем лицом, в отношении которого возможен в будущем обвинительный приговор, необходимо принять меры к тому, чтобы обвиняемый не скрылся и тем самым не сделал невозможным приведение в исполнение приговора; кроме того, для правильного расследования и рассмотрения дела, по общему правилу, чрезвычайно важно иметь возможность выслушать обвиняемого, почему суд в праве принять принудительные меры, которые бы помешали обвиняемому уклониться от присутствования при расследовании и рассмотрении дела.

От мер пресечения необходимо отличать другие меры, также носящие принудительный характер, но имеющие своей целью обеспечить для судебных органов возможность производства тех или иных отдельных следственных или судебных действий. Таков, в частности, привод, заключающийся в том, что вызываемый при вручении ему повестки о явке, тут же препровождается соответствующим должностным лицом к судебному органу, производящему вызов. Привод может быть применяем не только к обвиняемому, но и к другим лицам, чья явка к судебным следственным органам представляется необходимой; таковы, свидетели, эксперты, переводчики и понятые (ст.ст. 62, 64, 73 и 76 УПК), при чем все эти лица могут быть подвергнуты приводу лишь после того, как они не явились по первому вызову без уважительной на то причины; что же касается обвиняемого, то в отношении его может быть применен на предварительном следствии привод даже без предварительного вызова, при наличии условий, указанных в ст. 131 УПК, именно, когда следователь признает, что обвиняемый скрывается от следствия и суда или не имеет постоянного места жительства или места постоянных занятий. Кроме того, привод может быть применен судом в отношении подсудимого, не явившегося без уважительной причины к открытию судебного заседания (ст. 267).

Таким образом привод в применении его к обвиняемому несколько отличается от привода, применяемого ко всем другим лицам, и до известной степени сближается с мерами пресечения; тем не менее он не сливается с этими мерами и не может быть включен в число их, так как здесь имеется коренное различие, заключающееся в том, что привод имеет целью обеспечить явку обвиняемого только на данный случай, в то время как меры пресечения стремятся к тому, чтобы обвиняемый всегда находился в распоряжении следственных и судебных властей; поэтому привод и применение той или иной меры пресечения (кроме лишения свободы) не исключают друг друга и могут существовать рядом; так, например, вполне возможен случай, когда обвиняемый, давший подписку о невыезде или освобожденный под поручительство, откажется явиться к следователю по вызову его или откажется от явки в судебное заседание; в этих случаях уместен привод и сверх того, возможно также и изменение меры пресечения на более строгую; такое усиление меры пресечения в указанных условиях предусмотрено ст. 267 и несомненно может иметь место и в стадии предварительного следствия (хотя УПК прямых указаний на это не содержит), ибо самый факт неявки к следователю без уважительной на то причины может дать основание полагать, что обвиняемый намерен вообще уклоняться от явки и тем затруднить расследование дела.

Меры пресечения перечислены в ст. 144 и заключаются: 1) в подписке о невыезде, 2) в личном или имущественном поручительстве, 3) залоге, 4) домашнем аресте, 5) заключении под стражу и 6) кроме того,—для красноармейцев и военных моряков—в ближайшем наблюдении в тех частях, где они состоят на службе. Перечень этот является исчерпывающим, почему применение каких-либо других мер, кроме указанных (как, например, отобрание удостоверения личности, членского билета, выданного профессиональным союзом и др.)—является неправильным и не может иметь места. Список, приведенный в ст. 144-й, должен быть пополнен задержанием, которое—при указанных в законе условиях—может быть произведено органами дознания и которое является по существу своему такой же мерой пресечения, как и заключение под стражу, отличаясь от последнего лишь тем, что имеет место только в стадии дознания в то время как заключение под стражу может быть применяемо как при дознании и предварительном следствии, так и в течение всего дальнейшего движения процесса.

Задержание может быть применено органами дознания лишь в том случае, когда имеется основание полагать, что подозреваемый уклонится от следствия и суда; всякие же другие соображения, как, например, опасение, что подозре-

ваемый помешает ходу дознания, не могут служить основанием к применению задержания. При этом задержание допускается лишь в том случае, когда на лицо имеется какое-либо из условий, указанных в пунктах 1—6 ст. 100 УПК, каковой перечень является исчерпывающим.

Кроме задержания, органы дознания в праве—на основании ст. 102—принимать в отношении подозреваемых лиц и те меры пресечения, которые указаны в ст. 144, если преступление влечет за собой лишение свободы свыше одного года; так как, при этом, меры пресечения (согласно ст. 102) могут быть приняты лишь после допроса подозреваемого, то до такого допроса органы дознания в праве прибегнуть к задержанию, на основании ст. 100-й УПК. Наконец, на основании ст. 103 УПК, органы дознания в праве отобрать подписку о явке в суд. Таким образом, применяемые на дознании меры обеспечения явки обвиняемого сводятся к следующему. При наличии признаков преступления, влекущего за собой лишение свободы свыше одного года, органы дознания в праве применить задержание на основании ст. 100 УПК, и затем, избрать одну из мер пресечения, указанных в ст. 144 УПК; если же идет речь о преступлении, влекущем за собой лишение свободы на срок не свыше одного года, то необходимо различать два случая: при наличии условий, указанных в ст. 100-й, органы дознания могут прибегнуть к задержанию; при отсутствии же этих условий может иметь место только отобрание от подозреваемого лица подписки о явке в суд (ст. 103). Что же касается тех случаев, когда идет речь о преступлении, не влекущем за собой лишение свободы, то здесь возможно только отобрание подписки о явке в суд, хотя бы на лицо были условия, указанные в ст. 100 УПК, так как было бы совершенно неправильно допускать лишение свободы в виде меры пресечения по тем делам, где по судебному приговору лишение свободы не может иметь места (ср. ст. 158 УПК.).

Задержание, производимое органами дознания, будучи мерой, сводящейся к лишению подозреваемого свободы, поставлено законом в определенные границы, гарантирующие права задержанного. Так прежде всего, основания, вызвавшие применение задержания, должны быть объявлены задержанному. Эта обязанность, лежащая на органах дознания, не оговорена прямо в УПК, но вытекает из общего положения, согласно которому каждый в отношении кого приняты меры, ограничивающие его свободу, в праве знать, чем вызвана эта мера, для того, чтобы иметь возможность посредством принесения жалобы или иным путем отстаивать свои права. Подтверждение этому содержится в ст. 143, согласно которой следователь обязан предварительно при-

нятия той или иной меры пресечения объявить обвиняемому сущность предъявленного ему обвинения; если такая обязанность поставить обвиняемого в известность о сущности обвинения лежит на следователе, то нет никаких оснований полагать, что органы дознания в праве применять задержание и оставлять задержанного в неведении относительно того, чем именно мера эта вызвана. Далее, помимо того, что задержание может быть применено только на основаниях и при условиях, указанных в ст. 100,—оно подлежит контролю со стороны соответствующих судебных органов, именно со стороны следователя (в участке которого состоит орган дознания) или со стороны ближайшего Народного судьи, которым органы дознания обязаны в течение 24 часов с момента задержания направить соответствующее сообщение о произведенном задержании, при чем, как само собой разумеется, в этом сообщении должны быть указаны те основания, которыми задержание вызвано. Следователь или судья обязаны в течение 48 часов с момента получения сообщения либо отменить задержание (называемое в ст. 104 „арестом“), либо подтвердить его, при чем следователь или судья обязаны предварительно проверить правильность произведенного задержания, как со стороны формальной (в смысле наличия или отсутствия условий, указанных в ст. 100 и 103), так и со стороны его фактической основательности; иначе говоря, следователь и судья должны войти в рассмотрение вопроса о том, представляется ли задержание в данном случае необходимым. Указанная обязанность следователя и судьи проверять юридическую правильность и фактическую целесообразность задержания прямо не указана в законе, но вытекает из общего смысла ст. 104, которая для того и вводит контроль судебных органов над действиями органов дознания, чтобы таким образом была достигнута возможно большая охрана прав задержанного лица.

Второй существенной гарантией прав задержанного является установление в законе продолжительности задержания. Если задержание, произведенное органами дознания, было отменено следователем или судьей, то оно отпадает, как только органы дознания получили соответствующее извещение (ст. 104), почему может длиться не более как трое суток, с присоединением того времени, какое требуется для отсылки следователем или судьей и для получения органом дознания извещения об отмене задержания. В тех же случаях, когда задержание, примененное органами дознания, получило подтверждение со стороны следователя или судьи,—оно будучи мерой, принимаемой исключительно на дознании, отпадает с окончанием последнего и, следовательно, не может длиться более месяца, так как в течение указанного срока дознание должно быть закончено (ст. 105).

Кроме контроля следователя и народного судьи над применением органами дознания задержания, общее наблюдение за производством дознания принадлежит прокурору (ст. 107), который, поэтому, в праве проверять правильность применения в том или ином случае задержания и предложить в случае признания им этой меры неправильной или излишней—отменить таковую.

Если задержание возможно только на дознании, то меры пресечения, указанные в ст. 144-й, находят себе применение в течение всего процесса, вплоть до момента исполнения приговора. Так, меры пресечения могут быть назначаемы, изменяемы и отменяемы на дознании (ст. 102), на предварительном следствии (ст. 145, 146, 148), при предании суду (ст. 231, 242), при открытии судебного заседания (ст. 263), при вынесении приговора (ст. 341) и даже после того (ст. 402). Во всех этих случаях применяются основные положения, указанные в главе XII УПК, которая таким образом, несмотря на то, что находится в отделе, говорящем о предварительном производстве, имеет силу для всех стадий процесса с теми изъятиями, и дополнениями, какие содержатся по данному вопросу в соответствующих главах УПК.

Применение мер пресечения, по действующему УПК, является не обязательным, что определенно выражено в ст. 143, говорящей о том, что, „следователь в праве принять ту или иную меру пресечения“. Этим УПК отличается как от дореволюционного Устава Уголовного Судопроизводства, так и от ряда западно-европейских Кодексов, которые обязывают следователя и суд избирать ту или иную меру пресечения. Положение об обязательности мер пресечения является остатком той эпохи, когда господствовал розыскной процесс, который видел в обвиняемом только объект будущего наказания и источник получения нужных суду сведений, и не считался с правами и интересами обвиняемого как личности. Состязательный же процесс видит в обвиняемом гражданина, еще неосужденного и имеющего право на самое бережное к себе отношение; ввиду этого, мера пресечения рассматривается в состязательном процессе как нечто такое, что может иметь место только в случаях действительной необходимости и неизбежности.

Одну лишь меру считает закон обязательной—это отобрание от обвиняемого в стадии предварительного следствия подписки о явке в суд с обязательством сообщать каждый раз о перемене своего местожительства (ст. 143-я). Мера эта не включена в список, содержащийся в ст. 144-й, и не является мерой пресечения, ибо меры пресечения имеют целью помешать обвиняемому уклониться от след-

ствия и суда; указанная же подписка сводится только к тому, что обвиняемый предупреждается о лежащей на нем обязанности явиться по первому требованию и извещать о месте своего пребывания. Подписка эта не влечет за собой какого-либо стеснения прав обвиняемого и в частности, в отличие от подписки о невыезде (ст. 149), не лишает обвиняемого права менять свое местопребывание по своему усмотрению; единственное, что обязан при этом сделать обвиняемый—это своевременно извещать соответствующие судебные органы, так чтобы последние были осведомлены о том, где находится обвиняемый в каждый данный момент. Отобрание этой подписки имеет место как на предварительном следствии, где оно обязательно во всех случаях, так и на дознании, где, по смыслу ст. 103, отобрание подписки органами дознания имеет место в тех случаях, когда преступление не влечет за собой лишения свободы или же хотя и влечет лишение свободы на срок до одного года. но отсутствуют условия, указанные в ст. 100. Наконец, даже при наличии указанных условий органы дознания, если они не находят нужным применить задержание, в праве отобрать указанную подписку; положение это, хотя и не выражено прямо в законе, но вытекает из общего смысла ст. 100 и 103, так как по ст. 103 органы дознания в праве отобрать подписку о явке при отсутствии признаков, указанных в пунктах 1-6 ст. 100, то тем более право это должно быть им предоставлено при наличии указанных условий. При этом должно отметить, что хотя ст. 103 говорит лишь о подписке „о явке в суд", но по общему смыслу данной статьи, сопоставленной со ст. 143-й, надо прийти к выводу, что в обоих случаях речь идет об одном и том же, что, следовательно, в подписке, отбираемой органами дознания, может заключаться не только обязательство обвиняемого явиться в суд, но и обязательство извещать о перемене своего местожительства.

Как было уже указано, самое решение вопроса о том, необходимо-ли вообще принятие какой либо меры пресечения и какой именно, разрешается соответствующими органами по их усмотрению в соответствии со всеми обстоятельствами дела; при этом должны быть приняты во внимание все те обстоятельства, которые указаны в ст. 147-й УПК, каковая статья находит свое применение не только на предварительном следствии, но и в дальнейшем, в частности, при предании суду (ст. 231, 242); в этом случае, однако, не может уже быть принимаемо во внимание опасение, что обвиняемый помешает раскрытию истины, и весь вопрос заключается лишь в том, существуют ли опасения, что обвиняемый скроется от суда. Равным образом, только возможность того, что обвиняемый скроется, должна быть при-

нимаема во внимание при избрании меры пресечения во время вынесения приговора (ст. 341), при чем здесь уже учитывается не сила улик, а исключительно серьезность назначенной по приговору меры социальной защиты. При этом, как на предварительном следствии, так и во всех других стадиях процесса, в отношении обвиняемого может быть избрана только одна какая-либо мера пресечения, так как одновременное назначение двух или более мер пресечения (например, подписка о невыезде и поручительство; личное поручительство вместе с имущественным и т. п.) не предусмотрено УПК и явилось бы поэтому незаконным стеснением прав обвиняемого.

При избрании той или иной меры пресечения, следователь обязан, в силу ст. 146-й,—составить о том мотивированное постановление, в котором были бы изложены основания, приведшие следователя к выводу о необходимости назначения данной меры пресечения. Это требование закона имеет в виду создать гарантию для обвиняемого, так как в случае обжалования им действий следователя, вопрос о правильности и целесообразности избрания той или иной меры пресечения, может быть правильно разрешен прокурором (ст. 218) и судом (ст. 220) лишь в том случае, когда следователем изложены мотивы его действий в данной области. Равным образом, прокурор, имеющий право, на основании ст. 148-й, проверять действия следователя по вопросу об избрании меры пресечения, был бы лишен возможности произвести эту проверку надлежащим образом при отсутствии в постановлении следователя указаний на те соображения, какие привели к избранию той или иной меры. Что же касается органов дознания, имеющих право в случаях, указанных в ст. 102, принимать меры пресечения, то хотя в законе нет указаний на необходимость для этих органов мотивировать свои действия,—однако, правильным будет признать, что органы дознания, так же как и следователь, обязаны каждый раз, при избрании меры пресечения составлять о том мотивированное постановление; вывод этот вытекает прежде всего из того, что закон, требуя от следователя мотивировки его действий, не может предоставить органам дознания привилегию обходиться без такой мотивировки, а также из того, что о каждой избранной мере пресечения органы дознания обязаны доводить до сведения следователя. Для того, чтобы следователь мог надлежащим образом проверить правильность и целесообразность принятой органами дознания меры пресечения и прийти к тому или иному выводу, ему необходимо знать те основания, какие привели к избранию данной меры, почему основания эти и должны быть изложены в соответствующем постановлении, составляемом органами дознания.

Меры пресечения избираются, как уже было указано выше, потому, что возникает необходимость обеспечить правильное расследование дела и возможность приведения в исполнение будущего судебного приговора. Но если обвиняемый, являясь объектом возможной в будущем меры социальной защиты, обязан подчиниться принимаемым в отношении его мерам пресечения, то, с другой стороны, он, будучи еще не умаленным в своих правах гражданином, в праве ожидать, что меры пресечения, как стесняющие его права, будут приниматься лишь в пределах строгой необходимости. Исходя из этого положения и стремясь к возможно большей охране прав обвиняемого, закон обставляет применение мер пресечения целым рядом условий. Так, прежде всего, та или иная мера пресечения может быть принята лишь после того, как данное лицо привлечено к делу в качестве обвиняемого (ст. 145), иначе говоря после того, как данному лицу предъявлено определенное обвинение на основании имеющихся в деле доказательств. И только в виде исключения закон разрешает принять ту или иную меру пресечения в отношении подозреваемого лица до того, как ему предъявлено обвинение. Такой исключительный случай имеется тогда, когда не собран еще достаточный материал, на основании которого можно было бы предъявить подозреваемому то или иное определенное обвинение, и в то же время есть серьезное основание опасаться, что подозреваемый скроется. При этом закон устанавливает срок (14 дней), в течение которого может быть применена мера пресечения без предъявления обвинения, при чем, если в течение этого времени обвинение не будет предъявлено,—то избранная мера пресечения механически отменяется (ст. 145). Следующей затем существенной гарантией прав обвиняемого является соответствующий контроль в области назначения мер пресечения; так действия органов дознания в вопросе о мере пресечения подлежат проверке со стороны следователя (ст. 102), а также со стороны прокурора в порядке общего надзора (ст. 107); равным образом, избранная следователем мера пресечения может быть отменена или заменена по предложению прокурора; если же следователь не согласен с предложением прокурора, то вопрос разрешается судом (ст. 148); при этом примечанием к ст. 148-й (отсутствовавшим в первой редакции УПК 1922 г.)—введена дополнительная гарантия прав обвиняемого; именно если предложенная прокурором мера пресечения является более мягкой, нежели избранная следователем, то последний обязан даже в случае несогласия с прокурором исполнить его предложение и лишь имеет право затем предоставить свои соображения соответствующему суду, который и разрешает окончательно вопрос о мере

пресечения. Должно заметить при этом, что примечание к ст. 148-й говорит лишь о тех случаях, когда прокурор предлагает заменить избранную следователем меру пресечения другой—более легкой, почему остается открытым вопрос о том, как разрешается тот случай, когда прокурор предлагает следователю вовсе отменить меру пресечения. Так как общий смысл примечания к ст. 148 сводится к предоставлению известной льготы для обвиняемого, в целях возможно меньшего стеснения его прав. и так как, далее, предложение прокурора об отмене меры пресечения также ведет к ограждению прав обвиняемого, то примечание к ст. 148-й должно быть толкуемо распространительно и должно охватывать собой и те случаи, когда прокурор, в противоположность следователю,—считает излишним применение какой бы то ни было меры пресечения.

Дальнейший контроль по вопросу о принятии меры пресечения осуществляется судом как при несогласии следователя с предложением прокурора (ст. 148 и примечание), так и при предании суду, когда распорядительное заседание обязано в силу закона (ст. 242) войти в рассмотрение вопроса об отмене, изменении или назначении меры пресечения и, следовательно, обязано каждый раз проверить, является ли необходимой та мера пресечения, какая была избрана в отношении обвиняемого во время предварительного следствия. Наконец, определение, вынесенное в судебном заседании при открытии такового или при вынесении приговора (ст. 263 и 341), также подлежат проверке со стороны высшей инстанции. Определения эти—согласно ст. 347,—не подлежат обжалованию, но могут быть отменены или изменены в порядке надзора Губернским Судом, который тем самым осуществляет контроль над правильностью соответствующих действий Народного Суда. Такое-же право имеет и Верховный Суд в отношении определений, вынесенных Губернским Судом в качестве суда первой инстанции; это право Верховного Суда, особо в УПК не оговоренное, вытекает из общего принадлежащего Верховному Суду права надзора.

Представляя собой известное стеснение и ограничение прав обвиняемого, меры пресечения—по мысли закона—применяются лишь в пределах строгой необходимости, почему ст. 161 предписывает изменение или отмену избранной ранее меры пресечения, как только отпадает дальнейшая необходимость в мерах пресечения вообще или—в частности, в той мере, которая была избрана ранее. Положение это имеет общий характер и относится не только к предварительному следствию, но и ко всем остальным стадиям процесса, в частности и к дознанию и к преданию суду, почему требование ст. 161-й обязательно для всех судебных органов, соприкасающихся с вопросом о мере пресечения. Так,

указанной статьей должен руководиться следователь, проверяя меры пресечения, избранные органами дознания, а также прокурор в отношении мер пресечения, принимаемых следователем на предварительном следствии, как при начатии такового, так и в дальнейшем его течении, равным образом положения ст. 161-й должны быть руководящими для прокурора, когда он одновременно с предложением предать обвиняемого суду излагает свое мнение по вопросу о мере пресечения (ст. 231), а также судом, рассматривающим этот-же вопрос в порядке ст. 242 при предании суду обвиняемого, и, наконец, судом при вынесении обвинительного приговора. Независимо от этих общих положений, законодатель предусматривает особый случай отмены принятой ранее меры пресечения, именно при вынесении приговора оправдательного или освобождающего от мер социальной защиты, когда в силу ст. 340 принятая ранее мера пресечения немедленно отменяется. Если затем приговор этот обжалован стороной обвинения, то на основании ст. 402 Губсуд в праве избрать в отношении подсудимого ту или иную меру пресечения; право это не предоставлено Народному Суду, почему последний, в случае обжалования такого приговора, не в праве до отмены приговора второй инстанцией, принимать в отношении подсудимого какие-либо меры пресечения. При этом надо заметить, что текст ст. 402-й представляется не совсем точным. Так, по буквальному смыслу этой статьи принесение кассационного протеста приостанавливает исполнение приговора, каков бы он ни был, но в то-же время—за силой ст. 454—приговор, оправдывающий подсудимого или освобождающий его от мер социальной защиты, приводится в исполнение председателем суда немедленно после провозглашения приговора, каковая статья носит общий характер и находит свое применение и в Губернском Суде. В виду этого, ст. 402, в сопоставлении со ст. 454-й должна быть понимаема в том смысле, что обжалование приговора (как со стороны обвинения, так и со стороны защиты) приостанавливает приведение его в исполнение только в том случае, когда приговор этот назначает подсудимому какую-либо меру социальной защиты; если же вынесен приговор оправдательный или освобождающий от меры социальной защиты—то он приводится в исполнение немедленно и принятая ранее мера пресечения отменяется; однако, в случае обжалования приговора обвинителем, Губернский Суд в праве принять ту или иную меру пресечения.

Переходя к отдельным мерам пресечения, указанным в ст. 144-й, необходимо остановиться на отдельных их свойствах и условиях их применения. Наиболее легкой мерой является—по общему правилу—подписка о невыезде, в силу которой обвиняемый обязывается проживать в определенном,

в самой подписке указанном, месте, и не в праве отлучаться из такового (даже на короткий срок) без разрешения того органа, которым данная мера избрана; если же дело перешло к другому судебному органу (например, от следователя в суд), то требуется разрешение того органа, в производстве которого находится дело. В случае нарушения обвиняемым подписки о невыезде, таковая—согласно ст. 149-й УК—обязательно заменяется какой-либо из мер, указанных в пунктах 2-5 ст. 144. Кроме того, нарушение подписки о невыезде влечет за собой для обвиняемого назначение меры социальной защиты по ст. 223 УК.

Личное поручительство состоит в том, что граждане в числе не менее двух дают подписку в том, что они ручаются за явку обвиняемого по первому требованию судебных властей, а также в том, что они обязуются доставить обвиняемого к следствию или суду. Поручителями являются лица, заслуживающие доверия со стороны следователя или того органа, который избирает поручительство в качестве меры пресечения, при чём число поручителей определяется тем же органом (следователем, органами дознания, судом); закон требует лишь, чтобы число поручителей было не менее двух. При этом надо заметить, что согласно точному смыслу ст. 150-й поручителями могут быть лишь отдельные лица, но не организации. Такое поручительство коллективных лиц вводится лишь изданными ЦИК'ом СССР Основами Уголовного Судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик, где в ст. 10-й в качестве меры пресечения указывается поручительство „профессиональных и иных рабочих, крестьянских и общественных организаций“.

К мерам пресечения имущественного характера относится имущественное поручительство и залог. Первое выражается в обязательстве уплатить известную сумму в случае уклонения обвиняемого от следствия и суда, залог же состоит в деньгах или ином имуществе, вносимом в натуре в депозит суда. Залог может быть внесен как самим обвиняемым, так и всяким иным лицом или организацией; что же касается поручителей, отвечающих своим имуществом, то закон (ст. 152) говорит только о состоятельных лицах и организациях, не упоминая особо о самом обвиняемом. Было бы, однако, неправильно на этом основании считать, что обвиняемый не в праве представить свое собственное имущество в качестве обеспечения своей явки к следствию и суду. Такое ограничительное толкование ст. 152-й противоречит самой сущности имущественного поручительства, как меры пресечения; кроме того, если обвиняемый в праве представить свое имущество в качестве залога, то нет никаких оснований отрицать за ним права представить в виде поручительства это же имущество, на которое затем, в слу-

2

чае уклонения обвиняемого от следствия или суда, может быть обращено взыскание в той сумме, в какой поручительство было принято.

Наиболее серьезными по тяжести своей являются те меры пресечения, которые сводятся к лишению свободы, а именно: домашний арест и заключение под стражу. Домашний арест заключается в изоляции обвиняемого в месте его проживания и может сопровождаться назначением стражи для окарауливания обвиняемого. Условия назначения домашнего ареста в качестве меры пресечения не указаны в законе, но из самой сущности этой меры следует, что она может быть применяема там, где нет серьезных оснований опасаться побега обвиняемого, или же там, где заключение под стражу представляется по обстоятельствам дела невыполнимым (например, в виду болезни обвиняемого).

Наиболее стеснительной для обвиняемого мерой пресечения является заключение под стражу, почему УПК считает необходимым особенно тщательно остановиться на условиях применения этой меры и на тех гарантиях, какие являются необходимыми в целях охраны прав обвиняемого. Прежде всего закон в лице ст. 158-й, ограничивает применение заключения под стражу в качестве меры пресечения лишь теми делами, где преступление влечет за собой меру социальной защиты в виде лишения свободы, причем исчерпывающим образом перечисляются те основания, которые могут оправдать применение к обвиняемому заключение под стражу. Согласно прежней редакции ст. 158-й, таким основанием к избранию в виде меры пресечения заключения под стражу являлись только два обстоятельства: опасение, что обвиняемый скроется от следствия и суда или же, что находясь на свободе, он будет препятствовать раскрытию истины; новая же редакция ст. 158-й (принятая законом 23-го февраля 1925 г. и измененная законом 6-го июля 1925 г.) вводит еще одно основание, именно—признание обвиняемого социально-опасным; в этом последнем случае, если орган, принимающий меру пресечения, признает, что обвиняемый, будучи социально-опасным, не может быть оставлен на свободе, то может быть применено заключение под стражу, хотя бы не было опасений того, что обвиняемый может скрыться или помешать раскрытию истины, если речь идет об особо важных преступлениях, исчерпывающим образом указанным в ст. 158-й.

Общее положение, содержащееся в ст. 146-й, согласно которой следователь (и всякий иной орган, избирающий меру пресечения) обязан мотивировать эти свои действия, повторяется в ст. 158-й, применительно к заключению под стражу. При этом—согласно точному смыслу заключительной части ст. 158-й —следователь не может ограничиваться

общим указанием на наличие того или иного основания, например, на возможность побега, но должен указать на те факты, которые приводят следователя к выводу о том, что обвиняемый может скрыться от следствия и суда. В особенности, чрезвычайно существенно такое указание на определенные факты при заключении обвиняемого под стражу в виду опасения, что он, находясь на свободе, может помешать раскрытию истины, так как является весьма важным установить, в чем именно следователь усматривает такую опасность. Было бы неправильно заключать обвиняемого под стражу на том только основании, что он отказывается принести сознание и тем облегчить расследование дела, или же потому, что обвиняемый отказывается выдать своих соучастников. В этих действиях обвиняемого есть только нежелание содействовать правосудию; препятствование же раскрытию истины, о котором говорит ст. 158-я, имеется тогда, когда обвиняемый ставит своей целью сделать работу следователя невозможной или безрезультатной; таковы, например, уничтожение следов преступления, подкуп свидетелей и т. п.

Наконец, в качестве гарантии прав обвиняемого, взятого под стражу, закон устанавливает продолжительность этой меры пресечения. В тех случаях, когда основанием к лишению свободы является признание обвиняемого социально-опасным или возможность его побега — закон не устанавливает каких-либо заранее определенных сроков. Единственное ограничение, вводимое законом в данной области, заключается в том, что предварительное следствие должно, по возможности, продолжаться не более двух месяцев, каковой срок, однако, не является безусловным и может быть продолжен в зависимости от обстоятельств дела (ст. 116).

В развитие положений, содержащихся по данному вопросу в УПК, Народный Комиссариат Юстиции неоднократно в циркулярах своих давал указания, сводившиеся к установлению предельных сроков и общих условий применения лишения свободы в качестве меры пресечения (циркуляры 1924 г. № 7, № 20, № 48), при чем категорические указания даны последним циркуляром от 10 января 1925 года № 16. Здесь предлагается „принять к неуклонному руководству следующее: 1) в случаях, предусмотренных ст. 159 УПК, содержание под стражей в виде меры пресечения безусловно не должно превышать двухмесячного срока по делам, подсудным Нарсуду, и трехмесячного по делам, подсудным Губсуду; 2) в случаях избрания названной меры пресечения из опасения, что обвиняемый скроется от следствия и суда, срок предварительного заключения повышается соответственно до 3 и 6 месяцев, причем для дел, подсудных Нарсуду, этот повышенный (трехмесячный) срок является безусловно определенным; что же

касается дел, подсудных Губсуду, то дальнейшее увеличение срока возможно только по особому, каждый раз, разрешению Прокурора Республики".

Если же заключение под стражу назначено в виду опасения, что обвиняемый, находясь на свободе, будет препятствовать раскрытию истины, то закон категорически устанавливает продолжительность лишения свободы в два месяца, каковой срок—с согласия прокурора, наблюдающего за следствием—может быть продлен на один месяц, но не более, в виду чего наибольшая продолжительность лишения свободы в указанном случае равна трем месяцам. Это положение ст. 159-й основано на том что два или три месяца являются вполне достаточным сроком для того, чтобы были собраны важнейшие данные по делу, почему нахождение обвиняемого на свободе после указанного срока уже не может представлять опасности для правильного и успешного ведения предварительного следствия.

Ограничения личной свободы в виде мер пресечения и задержания представляют собой наиболее существенные стеснения, каким может быть подвергнут обвиняемый, как объект возможной в будущем по судебному приговору меры социальной защиты. Но на ряду с этим, действующее право знает и другие меры принудительного характера, которые могут быть применены к обвиняемому и которые также вытекают из того, что последний рассматривается как лицо, которое предполагается совершившим данное преступление и которое—следовательно—вызывает определенные подозрения в смысле его социальной опасности. К этим дополнительным ограничениям, которым может быть подвергнут обвиняемый, относится отстранение от занимаемой им должности; так, согласно ст. 142-й УПК, во всех тех случаях, когда по делу в качестве обвиняемого привлечено должностное лицо, следователь обязан обсудить вопрос о том, может ли быть обвиняемый оставлен на занимаемой им должности или же подлежит отстранению от таковой. Законодатель не дает никаких указаний по вопросу о том, чем именно надлежит руководствоваться при этом следователю, почему решающими будут соображения общего характера. Так как обвиняемый—до осуждения его судебным приговором—не может быть признан лишенным права занимать ту или иную должность и вообще состоять на службе, то отсюда следует, что мера, предусмотренная в ст. 142-й, носит характер исключительно предупредительный, подобно мерам пресечения. Если эти последние имеют целью помешать обвиняемому скрыться от следствия и суда и от ожидающей его в будущем по приговору суда меры социальной защиты, то мера, указанная в ст. 142-й, направлена к тому, чтобы помешать обвиняемому совершить те соци-

ально-опасные действия, каких можно ожидать от него при оставлении его на должности, ранее им занимаемой. Отсюда следует, что отстранение от должности может иметь место только в тех случаях, когда по самому характеру совершения преступления и по личности обвиняемого, как она выявилась на предварительном следствии, есть достаточно оснований полагать, что оставление обвиняемого на прежней должности может оказаться опасным.

При этом должно иметь в виду, что отстранение от должности по точному смыслу ст. 142-й, может иметь место только в отношении должностного лица, почему отстранение обвиняемого от должности, занимаемой им у частного лица или в частном учреждении, не может иметь места. Далее, по буквальному смыслу той же ст. 142-й, отстранение от должности может иметь место только „при привлечении в качестве обвиняемого", иначе говоря только после того, как соответствующим постановлением следователя данное лицо привлечено в качестве обвиняемого в порядке ст. 128 УПК. Наконец, постановление, содержащееся в ст. 142-й УПК, как представляющее собой определенное ограничение прав обвиняемого, должно быть толкуемо ограничительно, почему в силу указанной статьи следователь в праве отстранить данное лицо от должности им в настоящее время занимаемой, но не в праве лишить данное лицо права занимать какую-либо иную должность, так как в противном случае речь будет уже итти не об отстранении от должности, но о лишении права находиться на государственной и общественной службе. Постановление следователя об оставлении на службе или об отстранении от таковой должно быть мотивированным и подлежит обжалованию на общем основании наряду со всеми другими постановлениями следователя.

Право отстранения от занимаемой должности—согласно ст. 142-й УПК—принадлежит следователю; что же касается органов дознания, то так как ст. 101, определяющая права этих органов, не содержит в себе ссылки на ст. 142-ю, то должно признать, что органами дознания право отстранения подозреваемого от занимаемой им должности не предоставлено.

Мера социальной защиты, могущая быть назначенной по судебному приговору, может заключаться как в воздействии на личность преступника (лишение свободы, принудительные работы и др.) так и в отнятии его имущества (штраф, конфискация). Ввиду этого, на ряду с задержанием и мерами пресечения, имеющими своей целью обеспечить своевременную явку обвиняемого и возможность исполнения приговора в той его части, которая относится непосредственно к личности осужденного, закон знает и такие при-

нудительные меры, которые распространяются не на самую личность обвиняемого, но на его имущество и которые заключаются в наложении ареста на имущество в обеспечение могущей быть назначенной по судебному приговору конфискации. Именно, в силу ст. 121а следователь в праве, как по своей инициативе, так и по предложению Прокурора и суда, принять меры обеспечения в целях помешать сокрытию имущества в тех случаях, когда предъявлено обвинение по статье, назначающей конфискацию (полную или частичную) имущества. При этом, согласно точному смыслу ст. 121а, такие меры обеспечения могут иметь место только в тех случаях, когда данная статья влечет за собой конфискацию обязательную или же назначаемую по усмотрению суда.

На ряду с обязанностью подчиниться тем мерам социальной защиты, какие будут назначены по судебному приговору, обвиняемый несет на себе также ответственность за вред и убытки, причиненные совершенным им преступлением, почему принудительные меры, принимаемые в отношении имущества обвиняемого, могут также иметь своей целью обеспечение тех притязаний, какие предъявлены или могут быть предъявлены потерпевшим к обвиняемому.

По общему правилу, выраженному в ст. 14 УПК, потерпевший, понесший от преступного деяния вред и убытки, в праве предъявить к обвиняемому гражданский иск, который подлежит рассмотрению совместно с уголовным делом. Так как разрешение этого иска имеет место лишь при вынесении приговора (ст. 320, 327) и так как обвиняемый может скрыть свое имущество и тем самым сделать невозможным взыскание присужденной с него суммы, то закон предусматривает возможность обеспечения гражданского иска путем наложения ареста на имущество обвиняемого. При этом, охраняя интересы потерпевшего, закон, в лице ст. 121-й, дает право следователю принять такие меры обеспечения не только по соответствующему о том ходатайству гражданского истца, но и по собственной инициативе. Более того, стремясь возможно полнее обеспечить интересы потерпевшего, закон дает право следователю принять меры обеспечения не только в тех случаях, когда в деле имеется уже гражданский иск, но даже и тогда, когда гражданский иск еще не заявлен, но когда следователь по обстоятельствам дела имеет основание ожидать что такой иск будет иметь место (ст. 121 часть 2-я).

УПК умалчивает о праве органов дознания предпринимать те или иные действия по обеспечению гражданского иска. Но так как нет никаких оснований отрицать за потерпевшим право заявить свой иск в стадии дознания, то органам дознания должны быть предоставлены те же

права, что и следователю. Соответственно этому, циркуляры НКЮ от 23/VIII—1924 г. № 167 и от 23/IV—1925 года № 104 предоставляют органам дознания право признавать потерпевшего гражданским истцом, равно как принимать меры обеспечения гражданского иска, при чем постановление об обеспечении иска должно быть представлено на утверждение следователя того участка, в районе которого находится орган дознания, если дело должно быть направлено в порядке 3 п. ст. 105 УПК, или в Нарсуд, если дело направляется в порядке 2 п. ст. 105 УПК.

Далее, право обеспечения будущего гражданского иска предоставлено суду при вынесении обвинительного приговора, если иск не был заявлен и если судом усмотрено будет, что потерпевшему причинены вред и убытки тем деянием, за которое осужден подсудимый (ст. 330). Наконец, трибуналы (где предъявление гражданского иска не допускается) также вправе, при вынесении обвинительного приговора, принять меры обеспечения будущего гражданского иска (ст. 389).

ГЛАВА II.

Неся на себе ряд обязанностей, обвиняемый в то же время обладает и определенными правами, дающими ему возможность участвовать в деле и отстаивать свои интересы. Объем и характер этих прав находится в прямой и непосредственной зависимости от того, признается ли обвиняемый стороной в процессе или же свойства стороны за ним принципиально отрицаются, иначе говоря в зависимости от того, является ли процесс розыскным или состязательным; в тех же случаях, когда речь идет о т. н. смешанном процессе, каковым является и наш процесс по действующему УПК, объем и характер прав обвиняемого является различным в различных стадиях процесса в зависимости от того, построены ли они на розыскном начале (каковы дознание, предварительное следствие и предание суду) или же на начале состязательном (судебное расследование в первой и второй инстанции). Основная сущность всех этих прав сводится к предоставлению возможности обвиняемому принять участие в расследовании и рассмотрении дела, но характер и пределы осуществления отдельных прав являются различными, при чем одни права принадлежат обвиняемому в течение всего процесса, не изменяясь в своем объеме, другие находят свое осуществление только в определенных стадиях процесса, и, наконец, третьи, принадлежа обвиняемому во все моменты процесса, имеют различный объем в зависимости от того, о какой стадии процесса идет речь.

Принадлежащее обвиняемому право на язык заключается в том, что производство по делу должно вестись по возможности на родном языке обвиняемого. Советское уголовно-процессуальное право не знает одного какого-либо обязательного для всего Союза или для отдельных Республик языка, но проводить принцип, по которому производство по делу должно вестись на языке большинства данной местности, так ст. 22 УПК РСФСР устанавливает, что производство по делу ведется на русском языке или же на языке большинства данной местности. Равным образом и Основы Уголовного Судопроизводства СССР и Союзных Республик (ст. 15) проводят как общее правило, что рассмотрение уголовных дел ведется на языке большинства дан-

ной местности. Таким образом, согласно основным положениям советского права, обвиняемые, принадлежащие к большинству каждой данной местности, не только получают возможность пользоваться своим родным языком, но и имеют право требовать, чтобы все дело велось именно на этом языке; что же касается лиц, принадлежащих к другим национальным группам, имеющимся в данной местности, то их право пользоваться своим родным языком обеспечивается тем, что во всех тех случаях, когда производство ведется на языке, который неизвестен обвиняемому, приглашаются переводчики, которые обязаны ставить обвиняемого в известность о каждом действии, произведенном судом или иным судебным органом; такое участие переводчиков указано в законе в общей форме в ст. 22 УПК и является обязательным во всякой стадии процесса, если только при производстве того или иного процессуального действия присутствует обвиняемый. Но участие переводчика гарантирует обвиняемому лишь возможность понимать то, что происходит в его присутствии, между тем как для обвиняемого представляется весьма важным усвоить себе содержание тех документов, какие выдаются ему на руки; в виду того, что в этом случае может оказаться трудным обеспечить участие переводчика и так как, кроме того, устный перевод может оказаться недостаточным для усвоения обвиняемым содержания документа, то закон обязывает, чтобы обвинительное заключение и все другие документы, вручаемые обвиняемому (например, копия приговора), были предварительно переведены на язык обвиняемого, если он не владеет тем языком, на котором ведется производство по делу, а также чтобы, в случае требования о том обвиняемого, документы эти, если они подлежат оглашению, в присутствии обвиняемого, были оглашены на его родном языке. Наконец, обвиняемый имеет право подавать всякого рода бумаги на своем родном языке, независимо от того, на каком языке ведется производство по делу.

Другим основным правом, принадлежащим обвиняемому во всех стадиях процесса, является право на компетентный и беспристрастный суд. Компетентным будет тот судебный орган, который, на основании закона, имеет право расследовать и рассматривать данное дело, при чем пределы ведомства судебных органов исчерпывающим образом изложены в соответствующих статьях УПК (ст. ст. 24—29, 33—39, 449), которые определяют подсудность уголовных дел по месту совершения преступления (местная подсудность), по роду преступления (подсудность предметная) и, наконец, по особому положению обвиняемого (подсудность персональная).

Цель, преследуемая правилами о подсудности, заключается с одной стороны в том, чтобы отдать дела большей важности судам высшей категории или же особым судам (подсудность предметная и персональная), а также в том, чтобы суды одной и той же категории распределяли между собой дела надлежащим образом, могущим обеспечить наиболее полное и всестороннее рассмотрение их (подсудность местная). Так как всестороннее рассмотрение дела полностью совпадает с интересами обвиняемого, то отсюда следует, что соблюдение правил о подсудности обеспечивает не только правильную работу судебных органов, но и охраняет вместе с тем интересы и права обвиняемого, почему последнему должно быть представлено право добиваться восстановления правильной подсудности во всех случаях ее нарушения. Таким образом, восстановление нарушенной подсудности возможно путем как непосредственного усмотрения соответствующих судебных органов, так и путем требований о том обвиняемого, каковые требования могут иметь место в форме соответствующих заявлений, а также в виде жалоб, приносимых на неправильные действия судебных органов в данной области.

Порядок восстановления подсудности и последствия нарушения таковой будут различны в зависимости от того, идет ли речь о подсудности местной, предметной или персональной, а также в зависимости от того, в какой момент процесса установлено нарушение правил о подсудности. Останавливаясь прежде всего на подсудности местной, должно указать, что если установлено нарушение подсудности этого рода, т. е. если обнаружено будет, что данное дело подсудно суду той же категории, но другого района (например, Народному суду другого участка),—то направление дела по надлежащей подсудности является для суда обязательным в любой стадии процесса, если того требуют стороны; исключение представляют собой лишь те случаи, когда нарушение подсудности обнаружено уже после того, как суд приступил „к поверке доказательств на судебном рассмотрении дела“ (ст. 39 УПК), иначе говоря, когда началось судебное следствие, каковой момент определяется прочтением обвинительного заключения или постановления Прокурора о предании Суду или же жалобы потерпевшего; если же ни одного из указанных документов в деле не имеется, то началом судебного следствия считается тот момент, когда председатель разъяснил подсудимому сущность предъявленного обвинения (ст. 279 УПК). В этих случаях, когда подсудность дела другому суду той же категории обнаружена после указанного начала судебного следствия, данный суд в праве оставить дело в своем производстве и закончить его слушанием, равно как в праве

прекратить дальнейшее рассмотрение дела и предать его надлежащему суду.

Нарушение правил о местной подсудности имеет своим результатом то, что данное дело оказывается рассмотренным судом, не имевшим на то права, почему—согласно общему правилу, выраженному в І-м пункте ст. 419 УПК,—нарушение это должно влечь за собой, при наличии соответствующей жалобы стороны, отмены приговора кассационной инстанцией. Правило это, однако, не является безусловным и допускает весьма существенные исключения; именно, согласно 2-й части той же ст. 419, кассационная инстанция в праве не отменять приговора, если установлено, что несмотря на нарушение подсудности суд не превысил своей компетенции и вынес при том приговор, не вызывающий сомнений в своей правильности; оставление без последствий в этом случае нарушения подсудности объясняется тем, что при наличии правильного приговора, отмена такового и передача дела для нового рассмотрения была бы совершенно нецелесообразной тратой сил и времени соответствующих судебных органов.

Переходя к вопросам, связанным с нарушением предметной подсудности, необходимо различать два случая: когда дело, подсудное суду высшей категории (например, Губсуду), находится в производстве суда низшей категории (например, Народного Суда), и обратное положение вещей. В первом случае суд низшей категории, обнаружив, что дело подсудно высшему суду, обязан передать дело по надлежащей подсудности, хотя бы обстоятельство это было обнаружено во время судебного следствия или даже при вынесении приговора, но до оглашения последнего, так как приговор, если бы он был вынесен, не имел бы никакой силы и подлежал бы обязательной отмене в силу ст. 419 УПК: статья эта дает право кассационной инстанции не отменять приговора, постановленного с нарушением правил о подсудности в том лишь случае, если при этом не было допущено превышение компетенции соответствующего суда; между тем такое превышение компетенции имеет место именно в том случае, когда дело, подсудное высшему суду, рассмотрено судом низшей категории.

Что же касается второго случая, когда дело, подсудное низшему суду (например, Суду Народному), находится в производстве суда высшей категории (например, Губернского Суда), то и здесь передача дела по надлежащей подсудности является обязательной для суда, как только он обнаружит, что в его производстве находится дело, которое должно быть рассмотрено судом другой категории.

При этом, однако, такая передача дела по надлежащей подсудности может иметь место лишь в тех случаях,

когда неправильное принятие дела к своему производству обнаружено данным судом до начала судебного следствия; в противном случае, суд высшей категории в праве оставить дело в своем рассмотрении и вынести приговор, хотя бы выяснено было, что дело подсудно низшему суду. Это право суда не оговорено в главе УПК, говорящей о подсудности, но вытекает из смысла ст. 419, имеющей свое применение в Губернском Суде, действующем в качестве кассационной инстанции в отношении Суда Народного. Согласно ст. 419, нарушение правил о подсудности может не повлечь за собой отмену приговора в кассационном порядке в том случае, когда судом хотя и вынесен приговор по делу, ему не подсудному, но без превышения компетенции данного суда; между тем вынесение судом высшей категории приговора по делу, подсудному суду низшей категории, хотя и является неправильным, но вместе с тем не содержит в себе превышения компетенции со стороны высшего суда, так как этот последний, будучи уполномочен законом на разрешение более важных дел, естественно, может быть признан имеющим право и на рассмотрение дел менее серьезных. Поэтому, если имело место такое нарушение правил о подсудности со стороны высшего суда в отношении дела, подсудного суду низшему, то обстоятельство это может не повлечь за собой отмену приговора, если только последний будет признан правильным, так как отмена приговора в этом случае не вызывалась бы никакими соображениями практической целесообразности. Поэтому суд высшей категории, действуя в качестве суда второй инстанции и обнаружив уже во время судебного следствия, что данное дело подсудно низшему суду, в праве и даже должен оставить дело в своем рассмотрении, так как передача дела по надлежащей подсудности повлечет лишь излишнюю трату сил и времени.

Все сказанное о нарушении предметной подсудности в форме рассмотрения судом низшей категории дела, подсудного суду высшему, полностью применимо и к тому случаю, когда данным судом принято к своему рассмотрению дело, подсудное специальным судам (в частности, Военному Трибуналу) и обратно, когда в производстве специального суда (Военного Трибунала) находится дело подсудное общему суду (Народному или Губернскому). В этих случаях, передача дела по надлежащей подсудности является обязательной для суда, независимо от того, в какой стадии судебного процесса и в частности, в какой момент судебного заседания обстоятельство это обнаружено, причем вынесение приговора с нарушением правил о подсудности влечет за собой отмену приговора, так как рассмотрение специальным судом дела, подсудного общему суду

(и обратно), представляет собой то нарушение компетенции суда, которое предусмотрено в ст. 419 УПК, как условие, обязательно влекущее за собой отмену приговора.

К нарушению предметной подсудности полностью должно быть приравнено нарушение подсудности персональной. Поэтому, если будет обнаружено, что данное дело в виду положения, занимаемого обвиняемым, подсудно высшему суду, именно суду Верховному (ст. 449), то передача дела по надлежащей подсудности является обязательной, независимо от того, в какой момент процесса обстоятельство это обнаружено.

Подобно тому как правила о подсудности являются общими положениями, которые, будучи установлены в интересах правильной работы судебных органов, вместе с тем ограждают права обвиняемого на компетентный суд, как и правила, гарантирующие беспристрастие суда, носят общий характер и в то же время представляют собой одну из наиболее существенных гарантий обвиняемого. Правила эти в действующем УПК нашли свое выражение в положениях, регулирующих отводы (ст. ст. 41, 43—49, 122, 278) и, в основном, сводятся к тому, что определенные лица в определенных условиях лишены права участвовать в расследовании и рассмотрении дела. Так, прежде всего, не могут участвовать в одном деле в качестве судей лица, состоящие между собой в родстве (ст. 41), каковое постановление имеет целью гарантировать свободное разрешение каждым судьей данного дела по его внутреннему убеждению без какого-либо влияния со стороны близкого ему лица и без опасения разойтись во взглядах и выводах с этим лицом. Далее, согласно ст. 43, судья не может участвовать в деле, если он является стороной или родственником кого-либо из сторон; при этом, так как под сторонами, согласно пункта 6 ст. 23 УПК, подразумеваются не только потерпевший и обвиняемый, но и представители их интересов, а также и прокурор, то судья подлежит устранению из дела и в тех случаях, когда он является родственником прокурора, представителя интересов частного обвинителя, гражданского истца, или же родственником защитника. Равным образом, согласно той же ст. 43-й, судьей не может быть лицо, участвовавшее ранее в данном деле в качестве свидетеля, эксперта, лица, производившего дознание, или предварительное следствие; в качестве обвинителя, защитника, поверенного потерпевшего или гражданского истца. Далее, так как однажды сложившееся убеждение уже мешает судье подойти к данному делу вполне беспристрастно, то закон (ст. 44) запрещает судье, принимавшему участие в постановлении приговора и, — следовательно, уже создавшему себе определенный взгляд на дело—

рассматривать это же дело во второй инстанции, а также рассматривать это дело вновь в первой инстанции в случае отмены первоначального приговора.

Наконец, закон, исходя из того, что невозможно указать все обстоятельства, которые могут лишить судью нужного беспристрастия, предусматривает возможность такого случая, когда возникают сомнения в беспристрастии судьи по каким-либо иным основаниям, почему в этих случаях, если такие основания будут указаны кем-либо из сторон, судья устраняется от участия в деле (ст. 45). При этом надо иметь в виду, что во всех тех случаях, когда судья признается не имеющим права участвовать в деле, это относится не только к судебному, но и к распорядительному заседанию (ст. 43), почему, в частности, после отмены первоначального приговора, судья, участвовавший в вынесении этого приговора, не только не в праве участвовать во вторичном рассмотрении дела по существу, но не в праве также участвовать в распорядительном заседании по тому же делу по каким бы то ни было вопросам, связанным с данным делом. Так как далее, цель, преследуемая правилами, изложенными в ст. 43 и 45, заключается в достижении возможно большего беспристрастия судьи, то правила эти должны быть толкуемы расширительно, почему, например, не может быть судьей лицо, которое не только производило все дознание или следствие, но вообще участвовало в стадии дознания или следствия в том или ином объеме (например, произвело одно лишь действие, каковы обыск, выемка, допрос свидетеля) или же наблюдало за дознанием или следствием в качестве прокурора. С другой стороны лица, участвовавшие в распорядительном заседании по делу и вынесшие определение о предании суду, могут участвовать в рассмотрении дела по существу, так как УПК не знает соответствующего запрещения. При этом возникает вопрос о том, в праве ли член суда, составивший по поручению распорядительного заседания в порядке ст. 240 УПК новое обвинительное заключение, участвовать затем в распорядительном заседании, рассматривающем это обвинительное заключение, а также в судебном заседании при рассмотрении дела по существу. В обоих случаях ответ должен быть отрицательным по следующим соображениям: распорядительное заседание, рассматривающее дело на предмет предания обвиняемого суду, обязано войти в оценку обвинительного заключения и может признать его неудовлетворительным или неправильным; поэтому, в числе лиц, рассматривающих вопрос о предании суду и утверждающих обвинительное заключение, не может находиться автор этого обвинительного заключения. Равным образом, не может член суда, составлявший обвинительное заключение, участвовать

в рассмотрении дела по существу, так как при предварительном ознакомлении с делом и тем более при составлении обвинительного заключения, где находит свое выражение обвинение, предъявляемое обвиняемому, у данного лица может сложиться определенное убеждение, лишающее судью возможности подойти затем к делу при судебном его рассмотрении с полным беспристрастием. Вопрос это восходил на разрешение Пленума Верховного Суда РСФСР, который первоначально (постановление от 21 апреля 1924 г.) разъяснил, что „участие в судебном заседании члена суда, пересоставившего по поручению распорядительного заседания обвинительное заключение по делу, хотя и может служить касс. поводом, но не является обязательным поводом к отмене приговора"; но затем, в связи с изменением редакции ст. 236 УПК (отмена примечания к данной статье), Пленум Верховного Суда (постановление от 15/XII—24 г.) признал, что „участие члена суда, пересоставившего по поручению распорядительного заседания обвинительное заключение по делу, в составе судебного заседания по тому же делу, является кассационным поводом и влечет за собой, на основании I пункта ст. 415 УПК, обязательную отмену приговора".

Беспристрастие требуется не только от судьи, но и от других лиц, принимающих то или иное участие в расследовании и рассмотрении дела; таковы, в частности, прокурор и секретарь судебного заседания, которые подлежат устранению в случаях, указанных в ст. 43 и 45, при чем, однако, участие прокурора в деле в стадии дознания или предварительного следствия или же в форме поддержания обвинения при первом слушании дела не является основанием к отводу. Далее, даже такие лица, как переводчик и эксперт, также должны удовлетворять требованиям строгой беспристрастности, почему и они не могут участвовать в деле при наличии условий, указанных в ст. 43 и 45, с тем только ограничением, что предыдущее участие их в том же деле в качестве переводчиков или экспертов не влечет за собой их устранения.

Наконец, на основании ст. 122 отводу подлежит также и следователь в случаях, указанных в ст. 43 и 45. Что же касается органов дознания, то закон умалчивает об отводе их, но умолчание их не должно быть понимаемо в том смысле, что в отношении лиц, производящих дознание, отвод не может иметь места, так как такое толкование могло бы привести к выводу, что производить дознание по делу может лицо, непосредственно заинтересованное в исходе его или даже в нем участвующее. Само собой понятно, что такой вывод является совершенно неприемлемым и неправильным. Дознание имеет своей целью расследование дела, подобно

предварительному следствию, и в известных даже случаях может заменить собой последнее, почему, естественно, в этой стадии процесса требуется такое же беспристрастие со стороны органов, ведущих дело, как и в стадии предварительного следствия; в виду этого надо признать, что органы дознания подлежат отводу на тех же основаниях, что и следователь, т. е. при наличии условий, указанных в ст. 122-й УПК. Наконец, при тех же условиях подлежат отводу и органы, наблюдающие за дознанием, т. е. прокурор, а также следователь.

Как уже было указано, основания отвода распадаются на две категории. К первой относятся те обстоятельства, которые указаны ст. 41, 43 и 44 и которые влекут за собой безусловное устранение судьи, а также всех тех лиц, в отношении которых допускается отвод; при чем при наличии этих условий судьи и все другие лица, не могущие участвовать в деле, по точному смыслу ст. 45 УПК, обязаны сами устранить себя, не ожидая соответствующих заявлений стороны; если же такое заявление не последует, но суду все же станет известно о наличии указанных оснований к отводу, то суд обязан произвести такой отвод по своей инициативе. Что же касается второй категории оснований к отводу, то таковые указаны в ст. 45 УПК и заключаются в таких обстоятельствах, которые не охватываются постановлениями ст. 41, 43 и 44, но вместе с тем вызывают сомнение в беспристрастии судьи (например, наличие враждебных отношений у одного из судей с обвиняемым); при наличии этих обстоятельств отвод имеет место только по заявлению стороны, при чем орган, обсуждающий этот отвод, разрешает по своему убеждению вопрос о том, имеются ли на лицо обстоятельства, указанные стороной, как основание к отводу, а также действительно ли подвергается сомнению беспристрастие судьи в виду этих обстоятельств.

Кроме права на язык, на компетентный и беспристрастный суд, обвиняемому принадлежит еще совокупность других прав, сводящихся—по сущности своей—к предоставлению возможности участвовать в деле в качестве стороны; таковы, право представления доказательств и дачи объяснений; право присутствовать при производстве различных процессуальных действий по делу, право ознакомления с делом, право на принесение жалоб и, наконец, право на защиту. Право представления доказательств принадлежит обвиняемому во всех тех стадиях процесса, где происходит расследование дела и рассмотрение его по существу, при чем осуществляется это право путем возбуждения соответствующих ходатайств, в которых обвиняемый указывает на те доказательства, какие, по его мнению, должны быть включены в дело. В конечном счете вопрос о допущении тех или иных

доказательств разрешается тем органом (дознания, следствия или суда), который расследует или рассматривает данное дело, откуда, однако, не следует, что органы эти ничем не связаны в разрешении данного вопроса и действуют по своему ничем не регулируемому усмотрению. Согласно требованиям закона, судья обязан удовлетворить ходатайство обвиняемого на истребование доказательств, если признано будет, что те обстоятельства, которые обвиняемый намерен выяснить путем данных доказательств, имеют значение для дела (ст. 253, 254, 272); равным образом, такая же обязанность лежит на следователе (ст. 112) и на органах дознания (ст. 101), почему неправильный отказ в соответствующем ходатайстве, заявленном обвиняемым, является нарушением его прав как стороны и может повлечь за собой отмену приговора. Таким образом, обвиняемый имеет определенное, не зависящее от усмотрения судебных органов, право вносить в дело доказательства, если только те обстоятельства, которые он намерен выяснить, имеют значение для дела. Вопрос о том, удовлетворяют ли эти обстоятельства указанному требованию, разрешается органом, ведущим дело, причем решение это подлежит проверке вышестоящих органов и, в частности, кассационной инстанции, но раз вопрос этот решен в положительном смысле, право обвиняемого на внесение в дело определенных доказательств является бесспорным. Что же касается того, какие обстоятельства имеют значение для дела, то вопрос этот разрешается на основании ст. 113, указывающей, что таковыми являются все те обстоятельства, которые перечислены в ст. 24 и 25 УПК, а также и все те, „выяснение которых может иметь влияние на правильное расследование дела“.

В частности, с точки зрения интересов обвиняемого, согласно ст. 113 УПК, должны быть признаны имеющими значение все те обстоятельства, которые устанавливают отсутствие состава преступления или же наличие условий, исключающих возможность применения мер социальной защиты (как например, давность), кроме того, сюда относятся те обстоятельства, которые устанавливают наличие условий, меняющих квалификацию деяния; наличие т. н. смягчающих обстоятельств, а также все те обстоятельства, которые относятся к характеристике обвиняемого, поскольку они могут оказать влияние на решение вопроса о том, совершил ли обвиняемый данное преступление и необходимо ли применение к нему мер социальной защиты и каких именно. Наконец, имеющими значение для дела будут и все те обстоятельства, которые относятся к имеющимся в деле доказательствам и устанавливают степень их ценности.

Установление всех указанных обстоятельств, служащих к защите обвиняемого, является неотъемлемым пра-

вом последнего, принадлежащим ему во всех тех стадиях процесса, где имеет место расследование дела, и рассмотрение его по существу; каковы: дознание (ст. 101), предварительное следствие (ст. 112, 208) и судебное следствие (ст. 253, 254, 272, 273). Что же касается тех границ, в которых право это находит свое осуществление, то они определяются характером предъявленного обвинения, и собранным по делу обвинительным материалом. Это вытекает из другого основного права обвиняемого, именно из права на презумпцию невиновности, которая лежит в основе современного уголовно-процессуального права, и в том числе и советского УПК. Презумпция (предположение) невиновности заключается в том, что каждый гражданин предполагается невиновным, точнее говоря, не совершившим данное преступление, пока не будет доказано обратное, и приводит к тому, что каждый обвиняемый в праве требовать оправдания (прекращения дела), если не будут представлены доказательства, прочно устанавливающие факт совершения им преступления. Отсюда, в свою очередь, следует, что если имеются определенные доказательства, но они таковы, что не устанавливают с должной достоверностью факт совершения преступления данным лицом, и оставляют место основательным сомнениям, то сомнения эти идут в пользу обвиняемого и обвинительный приговор не может иметь место. Принцип, по которому „всякое сомнение толкуется в пользу обвиняемого“, находит себе применение в том случае, когда факт совершения преступления данным лицом установлен, но при этом не представляется возможным с достаточной достоверностью установить те обстоятельства, какие влекут за собой более серьезную квалификацию преступления и, следовательно, более тяжкую меру социальной защиты. Например, когда установлено, что подсудимый покушался на нанесение телесных повреждений потерпевшему, но не выяснено, какое именно по тяжести повреждение предполагал нанести подсудимый; в этом и ему подобных случаях считается доказанным факт совершения менее тяжкого преступления (применительно к взятому примеру — покушение на нанесение легкого телесного повреждения); иначе говоря, сомнение по вопросу о том, имело ли место более или менее тяжкое преступление, должно приводить к решению более благоприятному для обвиняемого.

Таким образом, исходя из своего права считаться невиновным, пока не доказано обратное, обвиняемый в праве требовать, чтобы всякое обвинение, ему предъявленное, было доказано с исчерпывающей полнотой и притом во всех своих частях, почему обвиняемый вынужден представлять доказательства в защиту себя только после того, как в

деле уже будет собран определенный обвинительный материал, который необходимо опровергнуть; до этого же момента обвиняемый может ограничиваться только отрицанием предъявленного ему обвинения. В виду этого обвиняемый играет в процессе роль только обороняющейся стороны, причем объем и способы защиты целиком определяются сущностью предъявленного обвинения и характером собранного по делу обвинительного материала. При этом на обвиняемом не лежит какой-либо обязанности, в формально-правовом смысле этого слова, представлять доказательства в свою защиту и, вместе с тем, к выяснению дела. Непредставление определенных, могущих служить целям защиты, доказательств может привести к неблагоприятному для обвиняемого исходу дела, почему — как правило — обвиняемый, в силу фактического положения вещей, вынуждается к представлению доказательств, но все же это остается его правом, от осуществления которого он волен в любой момент отказаться.

В тесной связи с правом представления доказательств находится право обвиняемого давать объяснения по делу. Объяснения эти могут иметь различный характер и заключаются в изложении того, что известно обвиняемому по делу, а равно в освещении тех или иных вопросов, возникающих в деле, при чем в последнем случае объяснения могут состоять как в разъяснениях, относящихся к фактической стороне дела, так и в представлении юридических соображений по вопросам формального характера (например, по вопросу о квалификации деяния). При этом дача обвиняемым объяснений по самой сущности своей зачастую тесно переплетается с представлением доказательств (например, когда обвиняемый, отрицая предъявленное ему обвинение, дает иное освещение имеющимся в деле уликам и указывает на те доказательства, которые могут подтвердить правильность его заявлений), либо даже переходит в представление доказательств, как это имеет место в тех, например, случаях, когда обвиняемый приносит сознание и излагает картину совершения преступления. Именно, в вопросе о даче объяснений особенно ярко выступают наружу основные черты современного процесса, построенного на началах состязательности, где обвиняемый является стороной, которая имеет право защищаться и отстаивать свои интересы, но не обязана помогать противной стороне в ущерб самому себе. Между тем, старый розыскной процесс стоял на иной точке зрения и видел в обвиняемом не сторону, но предполагаемого преступника, который обязан содействовать раскрытию истины, при чем если такое содействие не имело место, то закон считал возможным применять к обвиняемому определенные средства воздействия.

Средства эти менялись на протяжении истории и в определенную эпоху имели характер пытки, т. е. чисто-физических мучений, имевших целью принудить обвиняемого к даче объяснений по делу. Но и после того, как пытка отжила свой век, еще долгое время считалось возможным требовать от обвиняемого дачи объяснений по делу и угрожать в случае отказа от выполнения этой обязанности особыми мерами в виде т. н. наказаний за непослушание. Так, например, Австрийский Кодекс 1788 года назначает обвиняемому содержание на хлебе и воде, и телесное наказание, при отказе давать показания, а также в тех случаях, когда обвиняемый дает заведомо ложные показания с целью затянуть следствие. Подобные же постановления содержат в себе другие кодексы конца 18-го и начала 19-го века, каковы, например, Австрийский Кодекс 1803 г., Прусский Кодекс 1805 г. и др. Интересны постановления Баварского Кодекса 1813 года, который, при отказе обвиняемого давать ответы на предложенные ему вопросы, а также при симуляции глухоты, немоты и душевной болезни, — назначает наказание в виде помещения в карцер на три дня на хлеб и воду, а также в виде ударов (от 5 до 20) каждые три дня, но не более трех раз, после чего, в случае дальнейшего упорства, дело ведется без допросов обвиняемого, если имеются достаточные доказательства виновности; если же получить такие доказательства невозможно, то обвиняемый содержится в тюрьме до тех пор, пока не согласится дать показания. Постепенно, однако, по мере роста значения личности и ослабления тех основ, на которых строился розыскной процесс, применение этих „наказаний за непослушание“ становится все более редким и, наконец, исчезает, но тем не менее обвиняемому все еще вменяется в обязанность давать показания, и в частности, показания правдивые; нарушение этой обязанности уже не влечет за собой применения специальных мер воздействия, но все же ставится обвиняемому в вину и влечет за собой усиление наказания в случае его осуждения. В этом отношении чрезвычайно характерны постановления русского дореформенного процесса, нашедшие свое выражение в Своде Законов изд. 1857 года. Пытка уже не существует, и нет особых наказаний за отказ обвиняемого от дачи показаний и за дачу ложных показаний; но в то же время „упорство и ослушание дать ответы вменяется в вину подсудимому“ и, кроме того, предписывается „при суждении о преступлении прилагать к вине его (подсудимого) и упорство в ответах“, иначе говоря, запирательство обвиняемого является обстоятельством, усиливающим наказание.

Все указанные способы принуждения обвиняемого к даче объяснений, несмотря на разнообразие их внешних

форм, исходят из одного и того же основного положения, именно из взгляда на обвиняемого как на объект будущего наказания и на источник доказательств. Как только данное лицо однажды уже привлечено к делу в качестве обвиняемого, оно обязано содействовать раскрытию истины, хотя бы даже в ущерб самому себе; за обвиняемым признается право защищаться в известных пределах путем дачи соответствующих объяснений и представления доказательств, но право это обвиняемый может осуществлять только до тех пор пока это не противоречит интересам дела, так как их понимает следственный орган или суд. Если же такое противоречие имеет место, то обвиняемый — по мысли розыскного процесса, —уже не в праве действовать в своих интересах, но обязан поступиться ими; отсюда принуждение обвиняемого к даче показаний в ущерб самому себя и назначение наказаний в той или иной форме за отказ от дачи показаний или за дачу ложных показаний. В современном состязательном процессе, обвиняемый является, как было уже указано, не только объектом будущего наказания и не только источником нужных для суда сведений, но и стороной, которая в праве отстаивать свои интересы, хотя бы они расходились с интересами дела. Судья может притти к тому или иному выводу относительно характеристики обвиняемого в зависимости от поведения последнего, но не в праве требовать от него, чтобы он помогал обвинению и действовал в нарушение своих собственных интересов. Поэтому, современное право не только запрещает домогаться от обвиняемого сознания, и налагать на него взыскания за отказ от дачи показаний, или за дачу ложных показаний, но даже не дает оснований судье усиливать наказание за запирательство. Обвиняемый имеет право давать объяснения, но имеет право и отказаться от таковых, при чем это ни в каком случае не влечет за собой каких-либо предписанных законом отрицательных последствий для обвиняемого. На этой же точке зрения стоит и советское право, почему УК не указывает на запирательство, как на обстоятельство, влияющее на меру наказания. Наряду с этим, УК, перечисляя в ст. 104б лиц, на которых может быть наложено наказание за отказ от дачи показаний, не упоминает об обвиняемом, равно как не говорит о нем ст. 178, карающая дачу ложных показаний, откуда следует, что обвиняемый не несет никакой ответственности в уголовном порядке за отказ от дачи объяснений или за дачу ложных показаний. Равным образом, УПК нигде не упоминает о такой ответственности обвиняемого, откуда следует, что советский законодатель признает за обвиняемым право, вытекающее из самой сущности состязательного процесса, именно, „право молчания“.

Но „право молчания“ далеко не исчерпывают собой принадлежащего обвиняемому права на дачу объяснений, так как это последнее заключается не только в возможности отказаться от объяснений, но и, что гораздо важнее, в возможности давать таковые объяснения, если обвиняемый признает это для себя необходимым или желательным. В виду этого, обвиняемому принадлежит право требовать представления ему соответствующих процессуальных путей для дачи объяснений в свою защиту, а на органах, ведающих расследованием и рассмотрением дела, лежит обязанность удовлетворения этого требования обвиняемого. Положение это исчерпывающе выражено в отношении судебного следствия при рассмотрении дела по существу в суде первой инстанции, где, согласно ст. 277, обвиняемому принадлежит право „давать объяснения как по существу всего дела, так и по поводу отдельных обстоятельств в любой момент судебного следствия“, и где, кроме того, подсудимый в праве давать объяснения и в своей защитительной речи (если защитник не участвует в деле), а также в последнем слове.

Равным образом, право на дачу объяснений принадлежит обвиняемому и в суде второй инстанции, при рассмотрении жалоб частных и кассационных. Самая жалоба представляет собой не что иное, как ходатайство об отмене определения или приговора суда, с письменным изложением тех объяснений, какие подсудимый находит нужным дать по данному вопросу. Однако, кроме этих объяснений, выраженных в письменном виде в жалобе, подсудимый в праве давать объяснения в суде (ст. 410, 432, 435), при рассмотрении его жалобы, при чем содержание этих объяснений естественно определяется теми пределами, в которых дело рассматривается по кассационной или частной жалобе. Это право подсудимого давать объяснения в суде второй инстанции находит свое ограничение лишь в одном пункте, именно при рассмотрении частных жалоб на определения Губернского Суда, каковые жалобы, в силу ст. 405 УПК, разрешаются в распорядительном заседании Кассационного Отдела Губернского Суда без участия сторон, почему в этом случае подсудимый может представлять свои объяснения только в письменном виде, именно в виде частной жалобы.

Как уже указывалось, наиболее полно начало состязательности в действующем праве нашло свое выражение в тех стадиях процесса, где происходит рассмотрение дела судом первой и второй инстанции, почему именно здесь выступает наиболее отчетливо принадлежащее подсудимому, как стороне в процессе, право на дачу объяснений по делу. Но отсюда не следует, что на дознании, предварительном следствии и при предании суду, где преобладает розыскное начало, у обвиняемого отсутствует право требовать пре-

доставления ему возможности дать те или иные объяснения по делу. В этих стадиях процесса права обвиняемого, как стороны, значительно умалены, но, в то же время, основное право защищаться остается неотъемлемым, почему и здесь обвиняемый в праве требовать, чтобы была предоставлена возможность защиты, и чтобы объяснения его, в случае его желания дать таковые, были приняты и рассмотрены. Положение это, вытекающее из самой сущности современного процесса и из бесспорного права обвиняемого на защиту, не находит себе, однако, достаточно категорического выражения в букве закона, который указывает только на отдельный случай, к данной области относящийся, и притом исключительно в отношении предварительного следствия. Так, согласно ст. 109, предъявление обвинения обвиняемому и допрос последнего являются теми действиями, которые обязательно должны быть выполнены следователем, откуда следует, что последний обязан предоставить обвиняемому возможность дать свои объяснения по делу. Кроме того, такая обязанность лежит на следователе и при окончании им производства по делу, когда он, в силу ст. 207, должен опросить обвиняемого, чем он желает дополнить следствие, в каковой момент обвиняемый может дать те объяснения по делу, какие он найдет нужным. Таким образом, согласно букве закона, на предварительном следствии обвиняемому должна быть предоставлена возможность давать объяснения по делу не менее двух раз, именно при допросе, производящемся после предъявления обвинения и затем, при окончании предварительного следствия. Однако, обвиняемый не лишен права давать объяснения и в другие моменты предварительного следствия; право это является основной гарантией интересов обвиняемого как стороны, почему следователь должен допросить обвиняемого и предоставить ему таким путем возможность дать объяснения, если найдет это необходимым по обстоятельствам дела.

Что касается дознания, то здесь рассматриваемый нами вопрос не получает определенного разрешения в тексте закона. Согласно ст. 99 УПК, органы дознания в праве производить также допрос лица, подозреваемого в совершении преступления. Но этим не разрешается вопрос о том, обязаны ли эти органы произвести такой допрос в случае требования о том подозреваемого лица, каковой вопрос, поэтому, должен найти себе ответ в общих соображениях, связанных с сущностью дознания, как определенной стадии процесса. Возможный случай, когда дознание производится с таким расчетом и в таком направлении, чтобы данное лицо не знало о возникшем в отношении его подозрении; поскольку такое лицо не привлечено к делу в качестве подозреваемого, оно, естественно, не имеет в процессе опре-

деленной роли, равно как не имеет и прав, аналогичных правам обвиняемого. Но с того момента, как подозреваемому объявлено, что именно он является объектом производимого дознания, он в праве требовать, чтобы ему дана была возможность представить объяснения; требование это должно быть обязательным для органов дознания, так как допрос подозреваемого зачастую может осветить положение дела и ускорить его дальнейшее движение, и кроме того, отказ в таком допросе явился бы существенным стеснением прав гражданина, желающего защищаться от взведенного на него обвинения. Особенно важным является соблюдение указанной гарантии интересов подозреваемого лица в виде права его давать объяснения в любой момент дознания, в тех случаях, когда по делу применено задержание или та или иная мера пресечения, в частности, лишение свободы, так как в таких условиях отказ подозреваемому в предоставлении объяснений путем допроса может иногда повлечь за собой излишнее, не вызывающееся обстоятельствами дела, стеснение свободы лица, неосновательно заподозренного в совершении преступления.

Наконец, в стадии предания суду, где происходит лишь проверка собранного дознанием или следствием материала и где, поэтому, допрос обвиняемого как и другие следственные действия, не имеют места, естественно, исключена возможность для обвиняемого представлять какие-либо объяснения путем допроса. Так как, далее, предание суду по УПК происходит без участия сторон, то и устные объяснения обвиняемого, в форме заявлений, делаемых пред органом предания суду, являются невозможными, В виду этого, в указанной стадии процесса обвиняемый имеет возможность представлять те или иные объяснения лишь в письменной форме путем подачи соответствующих заявлений, которые должны быть рассмотрены одновременно с решением вопроса о предании обвиняемого суду (ст. 243).

Право представлять доказательства и давать объяснения по делу, являясь гарантией интересов обвиняемого, может быть осуществлено надлежащим образом лишь в том случае, когда обвиняемому известна сущность предъявленного ему обвинения и собранный против него материал. В виду этого обвиняемому, как стороне в процессе, принадлежит также право ознакомления с делом. Однако, право это в полной мере принадлежит обвиняемому только в той части процесса, где господствуют начала состязательности, т. е. при рассмотрении дела в суде первой и второй инстанции. Поэтому, с того момента, как состоялось предание суду, подсудимый получает „право знакомиться с делом и выписывать из него нужные сведения“ (ст. 252). Что же касается дознания, предварительного следствия и

предания суду, то здесь преобладание розыскного начала выражается именно в отрицании за обвиняемым принципиального права на полное ознакомление с делом. В соответствии с этим, УПК не предоставляет обвиняемому права ознакомления с материалами дела в стадии дознания, равно как такое право не принадлежит обвиняемому и во время производства предварительного следствия, почему исключительно от усмотрения следователя зависит предоставить возможность обвиняемому ознакомиться с той или иной частью производства или с отдельным документом, имеющимся в деле. Только по окончании предварительного следствия, следователь, согласно ст. 207-й, обязан предъявить обвиняемому, в случае его о том просьбы, все производство по делу, в каковой момент обвиняемый впервые получает возможность ознакомиться в полной мере со всем имеющимся в деле материалом. Это право обвиняемого на ознакомление с материалами предварительного следствия, в момент окончания такового, первоначально нашло свое выражение в ст. 211 УПК редакции 1922 г., согласно которой „признав предварительное следствие законченным, следователь объявляет об этом обвиняемому и, в случае его о том просьбы, предъявляет ему все производство по делу, а также обязан спросить обвиняемого, чем он желает дополнить следствие“. Затем, УПК в редакции 15 февраля 1923 г., отказал обвиняемому в праве ознакомления с материалами дела в момент окончания предварительного следствия, так как ст. 207-я, заменившая собой ст. 211 первой редакции, воспроизведя текст последней, не содержала в себе слов „и, в случае его о том просьбы, предъявлять ему все производство по делу“, вследствие чего обвиняемый должен был пополнять следствие, не зная, что именно, последним добыто по делу. Наконец, ст. 207-я в редакции 16 октября 1924 г. восстановила первоначальный текст ст. 211 УПК редакции 1922 г. и тем самым возвратила обвиняемому возможность ознакомиться с делом ранее передачи его в суд для слушания по существу. Что же касается дальнейших моментов, следующих за окончанием предварительного следствия, то здесь у обвиняемого снова отсутствует право ознакомления с делом, почему в частности обвинительное заключение, переданное для утверждения его органам предания суду, как и все производство в стадии предания суду, остается неизвестным обвиняемому вплоть до момента, указанного в ст. 252-й УПК.

Для надлежащей защиты своих интересов, обвиняемому должна быть предоставлена возможность присутствовать при производстве дела, чтобы тут же, в случае надобности, дать свои объяснения и представить соответствующие доказательства, почему к числу прав, принадлежащих обви-

няемому как стороне, относится также право присутствования при расследовании дела. Но подобно тому, как это имеет место в отношении права ознакомления с делом, право присутствования находит свое полное осуществление только в тех стадиях процесса, где проведены начала состязательности, именно при рассмотрении дела в суде первой и второй инстанции.

Что же касается предварительного следствия, то первоначальная редакция УПК (1922 г.) признавала за обвиняемым право присутствовать при осмотрах, допросах и других следственных действиях и даже право участвовать в допросе свидетелей и экспертов, при чем следователь мог отказать обвиняемому в осуществлении этих прав только в том случае, если находил, что присутствие или участие обвиняемого при производстве следственных действий может помешать раскрытию истины или сохранению в тайне тех сведений, преждевременное оглашение которых может помешать ходу предварительного следствия (ст. 117). При пересмотре УПК в 1923 г. статья эта была опущена, почему по ныне действующему закону за обвиняемым отрицается право присутствования при производстве следственных действий, каковое положение полностью относится также и к дознанию. Равным образом, стадия предания суду исключает присутствие обвиняемого при разрешении вопроса о дальнейшем направлении дела, каковой вопрос разрешается либо следователем (ст. 222) либо Народным Судьей (ст. 233) или же, наконец, судом в распорядительном заседании (ст. 235 и сл.), где участие обвиняемого допускается.

К числу основных и при том наиболее существенных прав, принадлежащих обвиняемому, относится право на жалобу в широком смысле этого слова. Интересы обвиняемого могут оказаться нарушенными, вследствие чего обвиняемому, в целях охраны его прав, должна быть предоставлена возможность перенести тот или иной вопрос на разрешение соответствующего высшего органа; ходатайство о пересмотре действий данного низшего органа с указанием тех обстоятельств, какие—по мнению обвиняемого—дают основание к признанию этих действий неправильными, и составляет то, что носит название жалобы. Так как интересы обвиняемого могут быть нарушены в различных стадиях процесса, то—соответственно этому,—право на жалобу также принадлежит обвиняемому на всем протяжении процесса, получая различное выражение и осуществление в зависимости от построения данной стадии процесса и от положения, занимаемого в ней обвиняемым.

Право на жалобу обвиняемый приобретает с того момента, как он вовлекается в процесс в качестве обвиняемого или хотя-бы даже в качестве подозреваемого, так как именно

с этого момента он становится тем лицом, в отношении которого производится дело. Согласно ст. 107-й УПК, на действия органов дознания могут быть приносимы жалобы следователю, причем право это принадлежит всем тем лицам, чьи интересы нарушены действиями органов дознания, а, следовательно, и подозреваемому. Равным образом, могут быть приносимы жалобы на действия следователя (ст. 212 и сл.), при чем право на такую жалобу принадлежит среди других лиц также и обвиняемому. Что же касается действий суда, то они также могут быть обжалованы обвиняемым путем кассационной и частной жалобы. Первое имеет своим предметом приговоры суда первой инстанции (см. п. 9 ст. 23 УПК) и заключается в ходатайстве об отмене или изменении этого приговора кассационным судом; частное же обжалование направлено против определений (см. п. 10 ст. 23 УПК) суда первой инстанции, при чем, по общему правилу, жалобы могут быть приносимы на все определения суда, за исключением случаев, точно перечисленных ст. 347 УПК. При этом, как и в других областях, право обвиняемого на жалобу получает более полное свое выражение или же, напротив того, осуществляется в ограниченном объеме в зависимости от того, преобладают ли в данной стадии процесса начала состязательности или розыскные. Так на дознании и предварительном следствии обвиняемый имеет право принести жалобу высшему органу, но лишен права присутствования и дачи соответствующих объяснений при рассмотрении этой жалобы; напротив того, кассационное и частное обжалование приговоров и определений суда первой инстанции заключается не только в принесении жалобы, но и в возможности присутствовать при рассмотрении жалобы и давать объяснения в судебном заседании; исключение представляет собой лишь обжалование определений Губернского суда, в каковых случаях частная жалоба рассматривается в распорядительном заседании Уголовно-кассационной Коллегии Губсуда без участия сторон (ст. 405).

Надо заметить, что имеющаяся у обвиняемого возможность отстаивания своих интересов путем принесения жалоб не исчерпывается жалобами, указанными выше, но включает в себе, кроме того, и обжалование в порядке надзора. При этом, однако, имеет место только фактическая возможность и не более того; право же на такое обжалование обвиняемый не имеет, что вытекает из самой сущности надзора по УПК. Порядок надзора является исключительным порядком исправления допущенных тем или иным судебным органом неправильностей, при чем исправление это имеет место не иначе как по инициативе соответствующих высших судебных органов, перечисленных в законе, каковыми являются председатель Губернского Суда, председательствующий в

заседании Уголовно-кассационного отделения Губсуда, Губернский прокурор и участковые прокуроры, председатель Верховного Суда, его заместитель, прокурор Республики и его помощник, состоящий при Верховном Суде (ст. ст. 427. 440 УПК). Поводом к тому, чтобы означенные лица подняли вопрос о применении порядка надзора, могут служить самые различные обстоятельства и в том числе и заявления заинтересованных лиц, а следовательно — и обвиняемого, почему в этом пункте существует некоторое сходство между порядком надзора и порядком кассационного или частного обжалования. Сходство это, однако, является чисто внешним и не исключает того глубокого внутреннего различия, каковое имеется между порядком надзора с одной стороны и порядком частного и кассационного обжалования—с другой. Там, где закон допускает подачу частной или кассационной жалобы, самый факт принесения таковой (при наличии известных формальных условий, как, например, соблюдение срока) влечет за собой обязательную передачу поднятого в жалобе вопроса на разрешение соответствующего высшего органа; иначе говоря, как частная, так и кассационная жалоба получают свое дальнейшее движение независимо от усмотрения тех или иных судебных органов, почему обжалование это находится целиком в руках сторон, и в частности, обвиняемого. То же может быть сказано и о жалобах, подаваемых на действия органов дознания и предварительного следствия, где подача жалобы обязывает соответствующий высший орган рассмотреть вопрос о правильности обжалованных действий низших органов и вынести по жалобе то или иное решение. Совершенно иное имеет место в отношении порядка надзора, где вопрос о том, необходимо ли затребовать дело в целях проверки соответствующих действий низших судебных органов, целиком и исключительно разрешается по усмотрению лиц и учреждений, указанных в законе; поэтому здесь подача обвиняемым жалобы, точнее говоря, заявления, нисколько не обязывает высшие судебные органы дать этому заявлению дальнейшее движение; отсюда следует, что обвиняемый имеет право лишь просить о применении порядка надзора, но не в праве требовать этого, в то время, как во всех указанных выше случаях подача жалобы означает по существу не что иное, как требование обвиняемого, направленное к соответствующим органам и заключающееся в том, чтобы были проверены те действия подчиненных органов, которые являются предметом жалобы.

Последней гарантией интересов обвиняемого, как участника уголовного процесса, является его право на защиту. Как уже указывалось, обвиняемый является стороной в процессе, имеющей свои определенные интересы, зачастую

резко-противоположные интересам других сторон, почему, как и всякая сторона, обвиняемый имеет право требовать, чтобы интересы его были по возможности полностью ограждены. В виду этого, современное уголовно-процессуальное право стремится организовать защиту обвиняемого таким образом, чтобы интересы его получили свое наибольшее осуществление и чтобы приговор, каков бы он ни был, был вынесен только при полном соблюдении всех прав, принадлежащих обвиняемому. При этом различается т. н. материальная защита и защита „формальная“: первая состоит в том, что весь процесс строится таким образом, чтобы обвиняемый мог защищаться и чтобы интересы его в смысле защиты получили свое наиболее полное выражение, причем обязанность охранять эти интересы лежит на всех судебных органах, независимо от желания на то обвиняемого; защита же формальная выражается в праве обвиняемого иметь специального защитника, который являлся бы защитником его интересов. Действующий УПК, подобно другим кодексам, проводит начало материальной защиты, которая осуществляется как самим обвиняемым, так и органами суда, в силу требований на то закона. К первой группе положений, проводящих материальную защиту, относятся все те постановления УПК, которые дают возможность обвиняемому самому отстаивать свои интересы, таковы, например: право обвиняемого представлять доказательства (ст.ст. 112, 253, 272), давать объяснения и участвовать в судебном следствии (ст. 277), право последнего слова, право принесения различного рода жалоб и все другие права обвиняемого, осуществляемые им в целях своей защиты. Что же касается материальной защиты обвиняемого, проводимой судебными органами по их собственной инициативе, то она также проходит через весь процесс, получая в отдельных случаях категорическое выражение в тексте закона. Так, согласно ст. 111 УПК, следователь должен иметь в виду не только интересы обвинения, но и интересы обвиняемого и „обязан выяснить и исследовать обстоятельства, как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а равно все обстоятельства, как усиливающие, так и смягчающие степень и характер его ответственности“, при чем положение это относится также и к органам дознания (ст. 101); соответственно этому, органы, наблюдающие за производством дознания и следствия, обязаны следить также за выполнением требования закона и, в случае его нарушения, должны давать соответствующие предписания, направленные к ограждению интересов обвиняемого; равным образом и органы, решающие вопрос о предании суду, обязаны охранять интересы обвиняемого и исправлять допущенные в данной области нарушения, если таковые имели место. Далее, ма-

териальная защита находит свое выражение в тех мерах, какие принимает закон для того, чтобы обеспечить обвиняемому возможность использовать принадлежащие ему права; сюда относится непременное вручение (не позднее, как за 3 суток до дня слушания дела) подсудимому копии обвинительного заключения или документа, его заменяющего (ст. 245); разъяснение подсудимому его права на представление доказательств, а также права иметь защитника (ст. 246); разъяснение подсудимому его прав в судебном заседании (ст.ст. 277 и 278); разъяснение в понятных подсудимому выражениях сущности предъявленного ему обвинения (ст. 280), и другие процессуальные действия, имеющие целью облегчить подсудимому его защиту и предпринимаемые по предписанию закона или по инициативе судебных органов независимо от просьбы о том подсудимого. Равным образом, начало материальной защиты получает свое выражение в предоставлении прокурору права отказаться от обвинения, если он придет к убеждению, что данные судебного следствия не подтверждают предъявленного подсудимому обвинения (ст. 306), а также в праве прокурора приносить протесты по поводу нарушения интересов не только стороны обвинения, но и других сторон, а, следовательно, и подсудимого (ст. 349), Далее, при рассмотрении дела в кассационном порядке, суд, действуя в ревизионном порядке, в праве отменить приговор, по основаниям в кассационной жалобе не указанным (ст. 412), причем естественно, суд обязан учитывать все имеющиеся в деле нарушения закона и в том числе и те, которые повлекли за собой нарушение интересов подсудимого; равным образом при том же кассационном рассмотрении суд обязан отменить приговор в отношении всех осужденных, в том числе и тех, в отношении которых приговор не был обжалован или опротестован, если осуждение состоялось при наличии условий, указанных в ст. 418 УПК (при осуждении за деяния, не содержащие в себе состава преступления или при непрекращении дела при наличии поводов к прекращению). Наконец, рассмотрение дел в порядке надзора, которое имеет своей целью исправление всех допущенных в деле нарушений, охватывает собой также и те из них, которые направлены в ущерб интересам обвиняемого, почему материальная защита последнего также получает здесь свое осуществление.

Наряду с материальной защитой действующий УПК знает также и защиту формальную и допускает к участию в деле специального защитника, на обязанности которого лежит специальное осуществление прав, предоставленных обвиняемому и охрана интересов последнего. Так как обвиняемый, за весьма редким исключением, не в состоянии сам

в полной мере использовать предоставленные ему права, то участие специального защитника является одной из самых существенных гарантий интересов обвиняемого. УПК допускает вступление защитника в дело только после того, как дело поступило в суд для рассмотрения его по существу, с какового момента защитник получает возможность ознакомления с делом (ст. 252) и осуществления всех тех прав, какие предоставлены ему как представителю интересов подсудимого, при чем участие защитника в деле имеет место как в суде I-й, так и II-й инстанции, а равно и при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора (ст.ст. 461 и 462). Надо, однако, иметь в виду, что недопущение формальной защиты на дознании, предварительном следствии и при предании суду означает лишь, что в указанных стадиях процесса защитник не имеет права непосредственно участвовать в деле, почему здесь обвиняемый должен сам осуществлять права, предоставленные ему законом; но при этом обвиняемый не лишен права, получать от компетентного лица (защитника) различного рода указания, служащие к защите его законных прав и интересов.

Рассматривая участие защитника в деле, как одну из существенных гарантий интересов подсудимого, УПК в то же время видит в защитнике лицо, которое должно содействовать суду в целях наиболее правильного разрешения каждого данного дела. Поэтому УПК считает участие защитника в деле не только желательным, с точки зрения интересов подсудимого, но в целом ряде случаев необходимым в интересах дела, почему в этих случаях закон объявляет участие защитника обязательным, и если со стороны подсудимого не последует приглашение защитника по соглашению, то защитник назначается соответствующими органами без особого о том заявления со стороны подсудимого. Такая обязательная защита, по первоначальной редакции УПК 1922 года (ст. 59) охватывала собой: 1) дела, рассматривающиеся с участием 6 народных заседателей; 2) дела, где подсудимый находится под стражей; 3) дела, в которых участвует обвинитель и, наконец, 4) дела немых, глухих и, вообще, лиц, лишенных в силу физических недостатков способности правильно воспринимать те или другие явления; в позднейшей же редакции УПК (15/II—23 г.) ст. 55-я сохранила только пункты 3 и 4-й указанной 59-й статьи.

Если в указанных в законе случаях (ст. 55 УПК) участие защитника является обязательным, то в праве ли подсудимый отказаться от помощи защитника, как приглашенного, так и назначенного. Вопрос этот должен быть разрешен в положительном смысле, так как помощь эта организуется законом в интересах подсудимого и составляет

собой определенное право последнего, почему он имеет возможность отказаться от осуществления этого своего права. Положение это, вытекающее из самой сущности защиты, как гарантии интересов подсудимого, находит свое подтверждение в пункте 1-м ст. 55-й УПК, а также в ч. 3 ст. 381 УПК, где указано, что отказ подсудимого от защиты не препятствует допущению обвинителя, откуда следует, что законодатель считает такой отказ вполне возможным. Но вместе с тем должно признать, что такой отказ подсудимого от помощи защитника не является обязательным для суда. Защитник, как уже было указано, является, по мысли закона, не только представителем интересов подсудимого, но и помощником суда; отсюда следует, что если суд признает участие защитника в деле необходимым в целях лучшего расследования дела, то он в праве отклонить ходатайство подсудимого об устранении защитника и может обязать последнего продолжать участвовать в деле. Особенно возможно такое положение вещей в тех случаях, когда суд признает, что подсудимый не в состоянии, по тем или иным причинам (например, в силу условий, указанных в пункте 2 ст. 55), надлежащим образом защищаться и не понимает того значения, какое может иметь для него помощь защитника.

Допуская участие защитника только после предания обвиняемого суду, УПК вместе с тем вносит некоторые дальнейшие ограничения в право подсудимого иметь представителя своих интересов, каковые ограничения, однако, имеют место только при производстве дел в Губернском Суде. По общему правилу, находящему себе применение в Народном Суде, подсудимый всегда имеет возможность осуществить свое право на защитника и пригласить такового по соглашению; при этом допущение такового защитника к участию к делу обязательно для суда, независимо от характера дела и серьезности или сложности его. Что же касается Губернского Суда, то здесь, согласно ст. 381-й, допущение обвинения и защиты не обязательно и разрешается каждый раз судом в зависимости от сложности дела, доказанности преступления или особого политического или общественного интереса дела. Те же права и полномочия предоставлены в данном вопросе и военным Трибуналам (ст. 380 УПК), а также Верховному Суду, действующему в качестве суда 1-й инстанции (ст. 448).

ГЛАВА III.

Переходя к изложению прав, принадлежащих обвиняемому в различные моменты процесса, и останавливаясь прежде всего на дознании, должно указать, что постановления УПК, относящиеся к данной области, являются наименее разработанными, почему ряд вопросов, здесь возникающих, не получают достаточно определенного своего разрешения. Начать с того, что самый термин „обвиняемый“ не употребляется УПК применительно к дознанию, где вместо этого идет речь о „подозреваемом лице“. Для разрешения вопроса о том, каково процессуальное положение этого лица, и может ли оно быть приравнено по своим правам к обвиняемому, необходимо обратиться к выяснению сущности и характера дознания, как определенной стадии уголовного процесса. Действующий УПК значительно сближает дознание и предварительное следствие: дознание не служит исключительно подготовительной ступенью для предварительного следствия, но, напротив того, зачастую заменяет собой последнее; оба они имеют одну и ту же цель, стремясь раскрыть преступление, найти преступника и собрать тот материал, который поступит затем в распоряжение суда, решающего дело по существу, при чем материалы дознания на суде обычно занимают то же место, что и материалы предварительного следствия. В виду этого, стирается принципиальное различие между этими двумя стадиями процесса, а различия внешние, в виде органов, ведущих расследование и большего или меньшего объема полномочий, этим органам принадлежащих, не исключает того, что дознание и предварительное следствие, как стадии расследования дела и подготовки его для рассмотрения на суде, построены в основном и главном на одинаковых началах.

Не трудно видеть, что при таком положении вещей „подозреваемый“, о котором говорит УПК, в стадии дознания, и „обвиняемый“, фигурирующий на предварительном следствии, по существу, ничем между собой не различаются; в обоих случаях идет речь о том лице, которое предполагается совершившим преступление и к которому, поэтому, может быть применена в будущем та или иная мера социальной защиты по приговору суда, а в настоящем

могут быть применены меры, стесняющие его свободу; каковы, меры пресечения и задержание; далее, как на дознании, так и на предварительном следствии лицо, которому—предположительно—приписывается совершение преступления, может давать определенные показания и тем самым явиться источником доказательств; наконец, лицо это имеет право защищаться и отстаивать свои интересы. Таким образом, лицо, которому приписывается совершение преступления, находится, в общем, в одинаковом положении, в обоих указанных стадиях процесса, почему во всех тех случаях, когда текст закона не дает определенного ответа на тот или иной вопрос, связанный с определением положения подозреваемого лица, вопрос этот должен быть разрешаем на основании постановлений, относящихся к предварительному следствию.

Согласно ст. 98-й УПК, деятельность органов дознания различается в зависимости от того, действуют - ли они по делам, по которым производство предварительного следствия является обязательным, или же по делам, где таковая обязательность отсутствует; однако, в дальнейших постановлениях главы VIII различие это проведено в весьма малой степени; в частности, не дано никаких указаний по вопросу о том, каковы различия в производстве допроса подозреваемого в делах той и другой категории и каковы те основные формы, в которые допрос этот должен выливаться. Что же касается порядка и формы этого допроса, то, в виду отсутствия каких-либо специальных указаний в УПК по этому вопросу, должно принять, что допрос этот, производимый органами дознания, свободен от каких-либо формальностей и не знает определенного, установленного порядка, либо, что должны быть применены те же правила, какие предписаны законом в отношении допроса обвиняемого на предварительном следствии. Стать на первую точку зрения значило бы сказать, что законодатель допускает производство допроса подозреваемого лица без соблюдения тех условий, которые должны служить гарантией правильности этого допроса и определенной ценности добытых таким путем данных. Такое положение было бы совершенно неправильно, так как показания, данные подозреваемым лицом, в числе других материалов дознаний, могут быть оглашаемы на суде, наравне с показаниями обвиняемого, данными на предварительном следствии (ст. 294); иначе говоря, показания подозреваемого являются судебным материалом и поэтому должны удовлетворять всем тем требованиям, какие могут быть предъявлены к последнему. В виду этого единственно правильным будет сказать, что допрос (опрос) подозреваемого на дознании должен производиться с соблюдением тех же основных правил, какие пред-

писаны законом в отношении допроса обвиняемого на предварительном следствии, и что, в частности, должны быть соблюдаемы требования ст.ст. 135—140 УПК.

Наряду с этим имеются и различия в положениях, относящихся к допросу подозреваемого с одной стороны и обвиняемого с другой. Согласно ст. 109, следователь во всяком случае обязан допросить обвиняемого, при чем установлен и срок такого допроса (ст. 134); что же касается органов дознания, то они такой обязанности допроса подозреваемого лица на себе не несут и закон (ст. 99) дает им лишь право такого допроса; равным образом, закон не устанавливает срока, в течение которого такой допрос должен иметь место. В виду этого органы дознания могут определить по своему усмотрению момент допроса подозреваемого лица и отнести этот допрос к концу дознания или даже вовсе не производить такового, при чем положение это в равной мере применимо как к тем случаям, когда подозреваемый находится на свободе, так и тогда, когда он заключен под стражу. Отсюда следует, что у подозреваемого на дознании отсутствует принадлежащее обвиняемому на предварительном следствии право быть допрошенным в кратчайший срок, а также право знать, в чем он подозревается. При этом, однако, надо иметь в виду, что органы дознания, не неся на себе обязанности допрашивать подозреваемого по своей инициативе, обязаны учинить такой допрос в случае требования о том со стороны подозреваемого лица, так как отказ в таком требовании, как уже было указано, означал бы противоречащий основам УПК отказ обвиняемому в его неотъемлемом праве давать объяснения в целях защиты своих интересов. Но и независимо от этого, не неся на себе формальной обязанности допрашивать подозреваемого, а равно производить допрос этот в кратчайший срок, органы дознания должны стремиться к тому, чтобы допрос этот был произведен по возможности раньше, так как своевременный допрос подозреваемого в очень многих случаях может содействовать лучшему разъяснению дела.

Сужение прав, принадлежащих подозреваемому на дознании, находит себе противовес в том, что продолжительность дознания и, следовательно, самое пребывание данного лица в роли подозреваемого, ограничены месячным сроком (ст. 105); срок этот еще более сокращается в тех случаях, когда дознанием добыты данные, по которым обязательно предварительное следствие, в каковых случаях органы дознания в силу ст. 106 обязаны передать материалы дознания следователю, немедленно по выполнении действий, указанных в ст. 99-й УПК, не выжидая окончания месячного срока.

Как было указано уже выше, подозреваемое лицо не имеет право присутствования при производстве отдельных

действий органов дознания, равно как—в отличие от обвиняемого,—не имеет права ознакомления с материалами дознания по окончании такового, в виду чего материалы эти направляются по принадлежности без предварительного предъявления их подозреваемому лицу.

Ставя подозреваемого в положение лица, в отношении которого могут быть приняты определенные меры воздействия, закон предоставляет ему вместе с тем, в качестве гарантии его интересов, право принесения жалоб на действия органов дознания (ст. 107 УПК). Так как статья эта говорит о жалобах в общей форме, не указывая тех лиц, которыми жалобы эти могут быть приносимы, то естественно признать, что лицами этими будут все те, чьи права и интересы окажутся нарушенными, почему к числу этих лиц относится, и даже стоит на первом месте, подозреваемый. Так как, далее ст. 106 не содержит в себе никаких ограничений, по вопросу о содержании и сроках таких жалоб, то отсюда следует, что подозреваемый в праве приносить жалобы на все действия органов дознания, признаваемые им неправильными, при чем он не ограничен какими-либо сроками. Равным образом, не установлен порядок принесения этих жалоб, почему они могут быть подаваемы как чрез соответствующие органы дознания, так и непосредственно следователю. Так как, далее, прокурору принадлежит общий надзор за производством дознания, то отсюда следует, что подозреваемый не лишен права подавать соответствующие заявления прокурору и в частности, обращаться к последнему с указанием на действия следователя, неправильно отклонившего принесенную подозреваемым жалобу на действия органов дознания. (Циркуляр НКЮ от 5 января 1925 г. № 6).

Гораздо более определенным является положение обвиняемого на предварительном следствии. В тех случаях, когда это последнее является продолжением дознания, подозреваемый, при переходе дела в стадию предварительного следствия, превращается в обвиняемого, каковое превращение происходит в тот момент, когда следователь объявляет данному лицу свое постановление о привлечении его к делу в качестве обвиняемого; что же касается момента составления этого постановления, то оно целиком определяется усмотрением следователя, основанным на обстоятельствах дела. При этом может создаться такое положение вещей, при котором следователь в течение известного времени не признает возможным вынести постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого, и тем не менее будет производить расследование в отношении этого лица. Такое положение возможно как в тех случаях, когда к следователю переходит дело с материалами дознания, так и тогда,

когда дознание не производилось, и дело начато самим следователем. В этот промежуточный период лицо, в отношении которого ведется дело, не является еще обвиняемым, и остается подозреваемым. Лицо это еще не привлечено к делу в качестве обвиняемого и—следовательно—формально не поставлено в то положение, которое присуще последнему; но в то же время лицо это является центром всего дела и объектом определенных мер воздействий (каковы в частности меры пресечения, принимаемые следователем на основании ст. 145 УПК). В виду этого, правильным будет признать, что подозреваемый обладает теми же правами, что и обвиняемый, и, в частности, имеет право представления доказательств в порядке ст. 112 УПК, а также право принесения жалоб на действия следователя. Положение это в полной мере должно быть отнесено и к допросу подозреваемого лица. Такой допрос представляется весьма полезным для дела, так как дает в целом ряде случаев ценные указания, разъясняющие дело, в виду чего следователь зачастую окажется вынужденным допросить подозреваемое лицо, ранее чем решен будет вопрос о привлечении его в качестве обвиняемого. Подозреваемый формально не может быть допрошен в качестве обвиняемого, так как еще нет постановления о привлечении его в качестве такового; равным образом, допрос подозреваемого в качестве свидетеля представляется неправильным потому, что на свидетеле лежит обязанность давать правдивые показания, под страхом уголовной ответственности; возложить же такую обязанность на подозреваемого—значит обязать его давать показания против самого себя, что противоречит основным началам современного уголовного процесса. Так как третье положение невозможно, то в виду большого сходства между положением подозреваемого с одной стороны и обвиняемого с другой, должно признать, что при допросе подозреваемого должны быть применяемы те же правила, что и при допросе обвиняемого. В частности, отсюда следует, что при допросе подозреваемого следователь не в праве предупреждать его об ответственности за отказ от дачи показания и за ложное показание и не в праве отбирать подписку, указанную в ст. 164 УПК.

Если таким образом, „подозреваемый" фигурирует на предварительном следствии, то это имеет место далеко не всегда и, кроме того, носит временный, переходный характер, так как, следователь должен либо прекратить дело в отношении данного лица, либо привлечь его в качестве обвиняемого. Этот момент — привлечение обвиняемого—обставлено рядом условий, представляющих собой гарантию интересов последнего. Так, прежде всего, следователь обязан вынести мотивированное постановление, в котором должен указать личность привлекаемого, основные черты приписываемого

ему преступления, а также и те данные, которые дают основание предполагать факт совершения этого преступления этим лицом (ст. 129 УПК). Именно эта последняя часть постановления следователя играет особо важную роль, так как она дает возможность проверить правильность и основательность действий следователя.

Следующей гарантией интересов обвиняемого является обязанность следователя объявить обвиняемому в течение указанного в ст. 128-й срока—постановление о привлечении, при чем такое объявление имеет двоякую цель; оно служит тому, чтобы привлеченный не оставался в неведении относительно своего положения в деле, а также стремится поставить обвиняемого в известность относительно сущности и характера предъявленного ему обвинения. В виду этого предъявление обвинения, предписываемое ст. 128-й, не может ограничиваться тем, что следователь доводит до сведения данного лица факт привлечения его в качестве обвиняемого, но должно состоять в прочтении или в предъявлении в подлиннике постановления о привлечении. Такая форма предъявления обвинения тем более важна, что она дает возможность обвиняемому ознакомиться с формулировкой предъявленного обвинения и с основаниями привлечения и—в случае на то желания—обжаловать соответствующие действия следователя. При этом на практике возникает иногда вопрос: вправе ли обвиняемый снять копию с предъявленного ему постановления следователя или же право его на ознакомление ограничивается только прочтением этого постановления. Первое решение вопроса будет более правильным потому, что закон стремится к тому, чтобы обвиняемый в действительности ознакомился с постановлением следователя о привлечении его и использовал сообщенные ему сведения в целях своей защиты; поэтому, если для лучшего усвоения предъявленного ему постановления и для дальнейшего его обжалования, обвиняемый нуждается в получении копии этого постановления, то отказ в такой копии будет ни на чем неоснованным стеснением прав обвиняемого. К этому можно добавить, что раз постановление следователя обвиняемому объявлено, оно выходит из круга тех материалов предварительного следствия, какие скрыты от обвиняемого до окончания следствия, почему отказ в праве списать постановление не может быть оправдан даже общими соображениями о тайне предварительного следствия.

С момента привлечения к делу в качестве обвиняемого, данное лицо становится уже формально стороной в процессе, поскольку стадия предварительного следствия, где господствует розыскное начало, признает вообще за обвиняемым права стороны. Если за подозреваемым определен-

ные права должны быть признаваемы, как было указано выше, только по аналогии, то в отношении обвиняемого права эти категорически и определенно выражены в законе, составляя ту гарантию, которая предоставляется обвиняемому, являющемуся не только объектом исследования и источником доказательств, но и личностью, имеющей свои определенные интересы защищающейся стороны.

Интересы эти прежде всего требуют, чтобы привлечение в качестве обвиняемого, влекущее за собой ряд тяжелых для привлекаемого последствий, было обосновано доказательствами, имеющимися в деле, и не было результатом непроверенных предположений следственных органов, почему и созданы законом указанные выше требования, изложенные в ст. 128 УПК. Далее интересы обвиняемого требуют предоставления ему возможности защищаться, для чего необходимы: ознакомление с собранным по делу материалом, право предоставления доказательств и право дачи объяснений. Что касается первого, то, как уже было указано, одно из проявлений розыскного начала на предварительном следствии заключается именно в негласности производства и в сохранении в тайне от обвиняемого тех данных, какие собраны по делу; в виду этого право обвиняемого на ознакомление с делом представляется весьма ограниченным и находит свое осуществление только в двух случаях: именно при начале следствия, путем ознакомления с постановлением следователя о привлечении в качестве обвиняемого, а затем лишь по окончании предварительного следствия, когда обвиняемый, в случае его на то желания, получает возможность ознакомиться со всем собранным по делу материалом (ст. 207).

Гораздо более широкими являются права на представление доказательств. Вопрос о том, должно ли иметь место предварительное следствие вообще,—разрешается прямым указанием закона, точно перечисляющим те случаи, когда производство предварительного следствия является обязательным (ст. 108 в редакции 27 июля 1925 г.), во всех же остальных случаях, в означенной статье не указанных, вопрос о производстве предварительного следствия разрешается по усмотрению суда или прокуратуры; что же касается обвиняемого, то у него отсутствует право требовать производства предварительного следствия, почему участие его в разрешении данного вопроса совершенно исключено. Более того, даже в тех случаях когда производство предварительного следствия является обязательным или признается необходимым, — объем и направление следствия определяются исключительно усмотрением следователя и наблюдающей за его действиями прокуратуры, каковые органы при этом, однако, связаны требованиями ст.ст. 111

и 112 УПК, предписывающими соблюдение беспристрастия и равного внимания к обстоятельствам, говорящим как в пользу обвинения, так и против него. В частности, при определении объема предварительного следствия; следователю предоставлено право придать тем или иным актам дознания силу актов предварительного следствия и—в соответствии с этим—ограничиться производством лишь отдельных следственных действий, или даже вовсе не производить таковых; при этом однако, следователь во всяком случае обязан произвести следующие действия: предъявить обвинение обвиняемому, допросить его и составить обвинительное заключение (ст. 109).

Если таким образом, по общему правилу, направление и объем предварительного следствия определяется усмотрением следственных органов, то тем не менее обстоятельство это не лишает обвиняемого возможности до известной степени определять направление и пределы предварительного следствия, путем внесения в дело тех доказательств, какие он считает необходимыми для своей защиты. Согласно ст. 112 УПК, требование обвиняемого о включении тех или иных доказательств в собираемый по делу материал, является обязательным для следователя, если только те обстоятельства, о расследовании которых обвиняемый ходатайствует, имеют значение для дела. В виду этого, обвиняемый вправе требовать выяснения определенных вопросов и тем самым дополнять материал, собранный по делу, равно как имеет право направлять следствие в ту сторону, которая соответствует его законным интересам, и которая служит целям его защиты.

Говоря о правах обвиняемого на представление доказательств, должно отметить особо оговоренное в УПК право обвиняемого просить назначить эксперта по его указанию над производством экспертизы на предварительном следствии. По общему правилу, выбор экспертов предоставляется усмотрению следователя; однако, наряду с этим, ст. 169-я дает обвиняемому право требовать, чтобы кроме экспертов назначенных следователем, в производстве экспертизы принимал участие и эксперт, им, обвиняемым указанный. Вызов такого эксперта и допущение его, на равных с остальными экспертами основаниях к производству экспертизы, является для следователя по смыслу ст. 169-й обязательным, за исключением случаев точно и исчерпывающе указанных в этой статье, именно, когда следователь признает, что вызов данного лица невозможен или грозит затянуть следствие. Смысл ст. 169-й заключается в том, что экспертиза, произведенная на предварительном следствии, зачастую по причинам чисто технического свойства, не может быть повторена на следствии судебном (например, в виду разложения трупа, уни-

чтожения вещественного доказательства самым актом исследования его и т. п.); в таких случаях экспертиза приобретает исключительное значение, вследствии чего обвиняемому предоставляется право ввести в дело эксперта, им самим избранного и являющегося лишней гарантией того, что интересы обвиняемого при производстве экспертизы будут ограждены в полной мере.

Подобно праву на представление доказательств, обвиняемому на протяжении всего предварительного следствия принадлежит также право давать объяснения по делу. Но здесь закон не находит возможным ожидать инициативы со стороны обвиняемого, и обязывает следственные органы принимать меры к тому, чтобы право обвиняемого на дачу объяснений было действительно им использовано и при том наиболее целесообразным образом.

Исходя из этого, закон считает допрос обвиняемого тем следственным действием, которое следователь должен произвести во всяком случае даже тогда, когда, по мнению следователя, производство других следственных действий является излишним в виду наличия в деле актов дознания (ст. 109). Равным образом, закон придает большое значение моменту допроса и обязывает следователя произвести допрос в течение 24 часов с момента явки или привода обвиняемого; производство допроса после этого срока возможно лишь при наличии исключительных обстоятельств; положение это, прямо в законе не выраженное, вытекает из общего смысла ст. 134-й, обязывающей следователя отметить в протоколе те причины, какие помешали ему произвести допрос в указанный срок. К этому должно прибавить, что следователь, по мысли ст. 134-й, не в праве откладывать допрос к концу указанного 24-х часового срока; срок этот является предельным, почему следователь обязан стремиться к допросу обвиняемого немедленно по его явке или приводу. При этом допрос обвиняемого может иметь место лишь после того, как данному лицу объявлено постановление следователя о привлечении его к делу в качестве обвиняемого, так как только после этого момента допрашиваемому становится известным предъявленное ему обвинение и основания его привлечения, без чего дача обвиняемым показаний в свою защиту представляется фактически невозможной или во всяком случае чрезвычайно затрудненной. Именно поэтому, закон обязывает следователя перед допросом разъяснить обвиняемому сущность предъявленного обвинения, что возможно лишь в том случае, когда данному лицу уже известно, что обвинение это ему предъявлено, иначе говоря, когда ему уже объявлено постановление следователя о привлечении.

Самый допрос должен производиться таким образом, чтобы обвиняемый не подвергался какому бы то ни было давлению и оставался совершенно свободным при даче показаний, и чтобы в то же время он имел возможность сказать все то, что он считает нужным и полезным для дела. Первый момент—свобода обвиняемого от давления на него—оговорен в ст. 136-й, запрещающей следователю применять угрозы, насилия и другие подобные меры для получения не только сознания, но и показания вообще. Смысл и назначение ст. 136-й заключается в том, чтобы воспретить какое бы то ни было давление на обвиняемого при допросе его, так как наличие этого давления, во-первых, лишает обвиняемого принадлежащего ему права на молчание или, по меньшей мере, ограничивает возможность использования этого права; кроме того, показания, данные под давлением, каков бы ни был характер такового, теряют в своей ценности. Давая показания под давлением, обвиняемый зачастую показывает не то, что имело место в действительности, но то, что кажется ему наиболее соответствующим желаниям допрашивающего. Судебная практика дала бесчисленное множество доказательств того, что показания и в частности сознания, данные обвиняемым под тем или иным давлением, сплошь и рядом не соответствовали действительности и влекли за собой судебные ошибки; поэтому, одной из основных гарантий не только интересов и прав обвиняемого, как стороны в процессе, но и интересов правосудия вообще является устранение какого бы то ни было воздействия и давления на обвиняемого при допросе его. В виду этого „другие подобные меры“ ст. 139-й должно понимать в самом широком смысле и относить к ним всякие меры воздействия, побуждающие обвиняемого к принесению сознания или к даче показания вообще, в том числе и всякого рода обещания, каковы, например, обещание изменить меру пресечения, указание на возможность снисходительного отношения со стороны суда в случае принесения сознания и т. п.

Охраняя обвиняемого от давления на него со стороны лица, производящего допрос, закон в то же время регулирует технику допроса таким образом, чтобы обвиняемый имел возможность сказать все то, что он считает необходимым. Дача показаний возможна в двух видах: в форме связного рассказа и, кроме того, в форме ответов на предлагаемые вопросы. Последняя форма допроса имеет ряд своих преимуществ, так как дает возможность допрашивающему выяснить и углубить те обстоятельства, которые он находит существенными для дела; но в то же время допрос путем вопросов имеет и отрицательные стороны, так как самый вопрос—его содержание и форма—до известной степени

могут повлиять на содержание ответа; кроме того, допрос в форме одних лишь вопросов и ответов на них не дал бы возможности обвиняемому изложить те обстоятельства, которые он считает нужным для дела, и которые следователем почему либо оставлены. В виду этого, чтобы дать возможность обвиняемому свободно изложить все то, что он считает необходимым, ст. 138 требует, чтобы допрос обвиняемого начался связным рассказом последнего, и только по окончании рассказа или в случае отказа от такового допрос принимает характер вопросов и ответов на них. Учитывая всю важность точной записи показаний, от чего зачастую зависит тот или иной смысл всего показания или отдельной части его, закон требует, чтобы показания обвиняемого записывались в первом лице, т. е. так, как они давались обвиняемым, но не в пересказе лица, ведущего протокол, и при том записывались по возможности дословно (ст. 138). Так как, далее, для лучшего уяснения смысла показания иногда представляется весьма важным установить, что было сказано обвиняемым по его собственной инициативе и что явилось ответом на вопрос, а также, какова была форма и содержание этого последнего,—то УПК в той же ст. 138 требует, чтобы в протоколе отмечались по возможности заданные обвиняемому вопросы и данные им на них ответы.

В стадии предварительного следствия, как и в другие моменты процесса, обвиняемый имеет право на принесение жалоб во всех тех случаях, когда он считает свои интересы нарушенными. Действующий УПК не знает каких-либо ограничений в отношении пределов обжалования, почему жалобы могут быть приносимы обвиняемым на все без изъятия действия следователя, какие он признает неправильными; жалобы эти приносятся прокурору непосредственно или же через следователя, который обязан направить жалобу не позже как через 24 часа с момента ее поступления (ст. 217), при чем принесение жалоб не приостанавливает приведение в исполнение обжалуемого действия следователя. Прокурор обязан рассмотреть жалобу не позднее как через трое суток с момента получения таковой от следователя или от жалобщика. Постановление Прокурора не является окончательным и может быть обжаловано обвиняемым в суд (ст. 220), при чем в законе не установлен ни срок обжалования ни срок рассмотрения жалобы судом. Жалобы на действия следователя, по общему правилу, могут быть приносимы обвиняемым лишь в течение семи суток, считая с того дня, как обвиняемому сделалось известным обжалуемое постановление (ст. 215). Представляют собой исключение и не ограничены каким-либо сроком лишь жалобы на избрание меры пресечения, на медленность действий следователя и на незаконные его действия.

Начатие предварительного следствия имеет место в тот момент, когда следователь, рассмотрев материалы или сведения о совершившемся преступлении, делает постановление о произьодстве предварительного следствия (ст. 110 УПК). Для вынесения такого постановления необходимы условия двух видов: фактические и юридические. К первым относятся наличие данных, на основании которых можно с достаточной степенью вероятности полагать, что совершено преступление; при этом для начатия предварительного следствия не требуется, чтобы в материалах дела было указание на определенное лицо в качестве совершителя преступления; в силу ст. 110 УПК, начатие предварительного следствия является для следователя обязательным, если только он усмотрит совершение какого-либо преступления, хотя бы указания на личность преступника совершенно отсутствовали. Кроме того, для начатия предварительного следствия требуются еще и условия юридические, именно необходимо, чтобы в данных действиях был состав преступления и чтобы отсутствовали те обстоятельства, которые делают невозможным назначение мер социальной защиты, и, следовательно, исключают самую возможность производства по делу. Условия эти перечислены в ст. 4 УПК, почему при наличии хотя бы одного из этих условий начатие предварительного следствия является невозможным. Наконец, согласно закону 9 февраля 1925 г. начатие предварительного следствия может не иметь места даже при наличии достаточных фактических и юридических оснований, если следователь признает, что производство по делу является нецелесообразным в силу условий, указанных в ст. 4а УПК.

При наличии достаточных данных и при отсутствии условий, указанных в ст. 4 и 4а УПК, следователь начинает предварительное следствие, при чем обязан закончить его не позже как в течение двух месяцев (ст. 116). Срок этот, однако, не является предельным, так как согласно той же ст. 116 следователь может продлить его, при чем обязан лишь сообщить прокурору о причинах, мешающих окончанию следствия. Каков тот срок, дальше которого следствие ни в каком случае продолжаться не может,— в законе не указано, почему фактически продолжительность предварительного следствия является неограниченной. Тем не менее ст. 116 обязывает следователя всемерно стремиться к тому, чтобы по возможности закончить следствие в течение двух месяцев, равно как обязывает прокурора, наблюдающего за производством следствия, следить за тем, чтобы продление указанного в законе 2-х месячного срока имело место при наличии действительно серьезных к тому оснований.

Предварительное следствие должно иметь своим результатом направление дела либо на прекращение, либо для предания обвиняемого суду. Первое имеет место в тех случаях, когда следователь усмотрит, что в деле нет достаточных данных для того, чтобы обнаружить преступника, или же что данные, собранные против обвиняемого, не дают основания с достаточной степенью вероятности полагать, что именно обвиняемый совершил приписываемое ему преступление. Кроме того, направление дела на прекращение имеет место и в тех случаях, когда следователь во время производства предварительного следствия обнаружит наличие одного из условий, указанных в ст. 4 УПК; наконец, следователь вправе направить дело на прекращение в тех случаях, когда из собранного по делу материала им будет усмотрено, что, несмотря на наличие фактических и юридических оснований для предания обвиняемого суду, самое уголовное преследование является нецелесообразным по обстоятельствам, указанным в ст. 4а УПК. Самое прекращение дела производится в порядке, установленном в ст. ст. 203, 203а, 228 и 235 УПК, при чем возобновление дела, прекращенного в виду необнаружения виновного или по недостаточности доказательств против данного лица, может иметь место не иначе, как по определению того суда, которым дело было прекращено, почему ни следователь ни прокурор не в праве своим постановлением возобновить дело, но должны войти с соответствующим представлением в суд. Вторым условием для возобновления дела является наличие новых доказательств, ранее в деле не фигурировавших; условие это не указано в ст. 204, но оно вытекает из общего смысла этой статьи, предусматривающей возобновление производства по делу, которое было прекращено именно потому, что собранные ранее доказательства были признаны недостаточными.

В тех же случаях, когда следователем собран материал, дающий основание с достаточной степенью вероятности считать, что данный обвиняемый совершил приписываемое ему преступление, и что основные вопросы, перечисленные в ст. 206, установлены в достаточной мере,— следователь объявляет обвиняемому о том, что следствие закончено и — в случае его о том просьбы — предъявляет все производство по делу для ознакомления (ст. 207). При этом надо иметь в виду, что было бы неправильным со стороны следователя предъявлять данному обвиняемому только ту часть производства, которая к нему непосредственно относится, воспрещать ему ознакомление с остальным материалом; обвиняемый в целом ряде случаев может признать необходимым, в целях своей защиты, ознакомиться и с тем материалом, который—на первый взгляд—прямого

отношения к нему не имеет, почему закон, в лице ст. 207 УПК, обязывает следователя предъявлять обвиняемому все производство по делу и, следовательно, не дает права следователю ограничивать объем того материала, с которым будет знакомиться обвиняемый.

Другой вопрос, возникающий в связи с применением ст. 207, заключается в том, должен ли следователь разъяснять обвиняемому его права на ознакомление с материалами дела. Закон не упоминает о такой обязанности следователя, откуда должно заключить, что обязанности этой не существует. Но в то же время надо признать, что в огромном числе случаев, обвиняемый не знает о предоставленном ему ст. 207-й праве, и — при отсутствии соответствующего разъяснения со стороны следователя—оставляет это свое право неиспользованным, что, в свою очередь, влечет за собой фактическую невозможность для обвиняемого дополнить следственный материал. Так как самое предъявление производства по делу введено законодателем именно для того, чтобы обвиняемый мог ознакомиться (и при том впервые) с собранным против него материалом и затем мог предпринять действия в свою защиту—то следователь поступит вполне в соответствии с духом и общим смыслом ст. 207-й, если, одновременно с объявлением обвиняемому об окончании следствия, разъяснит ему его право на ознакомление с производством по делу.

В тех случаях, когда обвиняемый, в ответ на объявление следователя об окончании предварительного следствия, укажет на обстоятельства, которые имеют значение для дела и которые ранее не были расследованы—следователь обязан выполнить требование обвиняемого о соответствующем дополнении следствия, после чего (или непосредственно после объявления об окончании следствия, если обвиняемый не пожелал дополнить его) следователь переходит к последнему своему действию — к составлению обвинительного заключения (ст. 209, 210), а затем на основании ст. 211 УПК передает дело для предания обвиняемого суду.

— Помимо прекращения дела или направления его для предания обвиняемого суду, может иметь место приостановление, именно в тех случаях, когда какое-либо обстоятельство делает невозможным производство следствия; каковы эти обстоятельства в законе не указано, но основными являются: душевная болезнь обвиняемого, дающая основание ожидать выздоровления (ст. 201), и нерозыск обвиняемого. Приостановление дела, согласно ст. 205, производится судом, который и возобновляет производство после того, как устранены те обстоятельства, которые вызвали приостановление дела.

В заключение необходимо остановиться на особом производстве в стадии предварительного следствия, имеющем целью определение психического состояния обвиняемого. Производство это имеет место во всех тех случаях, когда возникают сомнения по вопросу о психической нормальности обвиняемого в момент совершения преступления или же в момент производства следствия. Как только будет усмотрено наличие признаков, указывающих на то, что обвиняемый находится в невменяемом состоянии, т. е. в таком состоянии, которое, согласно ст. 17, исключает применение наказания (мер социальной защиты судебно-исправительного характера)—следователь обязан собрать сведения, необходимые для суждения о психическом состоянии обвиняемого. Такие признаки могут быть усмотрены следователем по его собственной инициативе (например, по поведению обвиняемого, по обстановке совершения преступления и т. д.), равно, как и по указаниям со стороны (например, по сообщениям близких обвиняемого, администрации места заключения, где обвиняемый содержится и т. п.). Во всех этих случаях следователь обязан собрать те сведения, какие необходимы для того, чтобы судить о психическом состоянии обвиняемого, каковые сведения добываются следователем путем освидетельствования обвиняемого через врача-эксперта, а также путем допроса обвиняемого и других лиц, его знающих, в частности, его близких (ст. 196). Должно отметить, что хотя ст. 196 говорит об „опросе“ обвиняемого и других лиц, но означенные действия следователя представляют собой не что иное как допрос, который поэтому, должен производиться с соблюдением условий, указанных в главах XI и XIII УПК. Если собранный по делу материал, в том числе и заключение эксперта, дадут основание считать обвиняемого подпадающим под действие ст. 17-й УК, то следователь составляет заключение о прекращении дела в тех случаях, когда установлено, что обвиняемый находился в указанном состоянии во время совершения преступления; если же обвиняемый впал в это состояние уже после совершения преступления, то заключение о прекращении дела имеет место только в том случае, когда обвиняемый признан будет неизлечимым; в противном случае, следователь составляет заключение о приостановлении дела впредь до выздоровления обвиняемого (ст. 197). Если же собранные сведения окажутся недостаточными для суждения о психическом состоянии обвиняемого, или же если следователь не согласится с заключением врача-эксперта, то следователем назначается повторная экспертиза, после чего дело передается в суд для разрешения вопроса о дальнейшем его направлении (ст. 198). При освидетельствовании обвиняе-

мого, может возникнуть необходимость помещения его в специальное лечебное заведение, каковы, в частности, психиатрические лечебницы; право помещения обвиняемого в такие учреждения не предоставлено единоличному усмотрению следователя, но может иметь место не иначе как по определению суда, пред которым следователь должен возбудить соответствующее ходатайство.

Дело по поступлении от следователя с его заключением подлежит рассмотрению распорядительного заседания того суда, которому подсудно данное дело, при чем суд либо довольствуется материалами, полученными от следователя, либо - признав, что материалы эти недостаточны — выносит определение о помещении обвиняемого для наблюдения в лечебное заведение (ст. 199); на основании материалов, представленных следователем, а также лечебным заведением, если обвиняемый был подвергнут в таковом специальному наблюдению, — суд выносит определение либо о прекращении дела, или о приостановлении его (ст. 200 и 201) или же, наконец, о направлении дела для дальнейшего производства следствия, если обвиняемый признан будет находящимся в настоящее время и находившимся во время совершения приписываемого ему преступления в нормальном состоянии.

Глава XVI УПК предусматривает порядок разрешения вопроса о психическом состоянии обвиняемого в стадии предварительного следствия; что же касается исследования этого же вопроса в стадии дознания, то УПК не содержит в себе каких-либо указаний в данной области. Исходя из ст. 101, согласно которой органы дознания могут производить всякие действия, не указанные в этой статье, с разрешения следователя или прокурора, должно признать, что в случае наличия в деле указаний на такое психическое состояние обвиняемого, которое подпадает под действие ст. 17 УК, органы дознания должны, с разрешения следователя или прокурора, действовать применительно к правилам, изложенным в главе XVI УПК. Что же касается, наконец, вопроса о психическом состоянии обвиняемого в стадии рассмотрения дела судом по существу, то вопрос этот исследуется судом наряду со всеми другими на судебном следствии, после чего суд выносит решение в соответствии со ст.ст. 321 и 322 УПК.

Последняя стадия, замыкающая собой предварительное производство по делу, это предание суду, которое имеет своей целью подвергнуть контролю материал, собранный по делу, и решить, достаточен ли этот материал, для того, чтобы с достаточной вероятностью предполагать, что данный обвиняемый совершил приписываемое ему преступление. Для предания обвиняемого суду не требуется та достоверность, какая необходима для вынесения обвинитель-

ного приговора; но в то же время для предания суду необходимо, чтобы предположение о совершении обвиняемым преступления было в достаточной мере обосновано; иначе говоря, чтобы можно было ожидать вынесения по делу обвинительного приговора. Вместе с тем—предание суду должно проверить и те юридические основания, какие необходимы для того, чтобы поставить обвиняемого пред судом, и, в частности, проверить имеется ли состав преступления в действиях данного лица, правильна ли квалификация деяния, ему приписываемого, нет ли в деле условий, исключающих возможность самого уголовного производства (например, отсутствие жалобы потерпевшего в тех случаях, когда таковая требуется; давность и т. д.). Таким образом, предание суду служит одновременно двум целям: с одной стороны, оно не дает возможности довести до судебного разбирательства те дела, рассмотрение которых является вообще невозможным, в виду наличия известных формальных моментов, или же является нецелесообразным в виду недостаточной обоснованности обвинения; с другой же стороны, предание суду является существенной гарантией интересов личности, освобождая от судебного разбирательства и всех соединенных с ним тяжелых последствий того обвиняемого, для осуждения которого отсутствуют достаточные фактические и юридические основания.

Исходя из указанных соображений, устанавливающих важность акта предания суду, как контролирующей стадии, действующий УПК требует, чтобы каждое дело, ранее чем сделаться предметом рассмотрения по существу в судебном заседании, прошло через стадию предания суду, которое, таким образом, является обязательным по всем без исключения делам. Так, по подсудным Народному суду делам, по которым производилось предварительное следствие, предание суду производится распорядительным заседанием Народного Суда (ст. 235). Равным образом, по всем делам, подсудным Губернскому и Верховному Суду (и Трибуналу), предание суду производится распорядительным заседанием соответствующего суда (ст. 390 и 448). Далее, по делам, по которым производилось дознание и где преступление влечет за собой меру социальной защиты не ниже одного года лишения свободы, предание суду производится следователем, к которому дело поступает от органов дознания (ст. 221—224). Наконец, по делам, поступившим в Народный Суд непосредственно, предание суду производится единоличным постановлением Народного Судьи (ст. 233), при чем порядок этот применяется как по тем делам, по которым материал поступил в Народный Суд от органов дознания в порядке 2-го пункта ст. 105 УПК, так и по тем делам, которые непосредственно поступили в Народный Суд и по ко-

торым дознание не производилось вовсе (например, по делу, начатому по заявлению потерпевшего). В последнем случае безразлично, влечет ли за собой преступление меру социальной защиты в виде лишения свободы не свыше одного года или же более тяжкую. Так как УПК не знает дел, по которым было бы обязательно производство дознания, то и по делам последней категории Народный Судья предает обвиняемого суду единоличным своим постановлением, если по делу не производилось дознание. Если же Народный Судья найдет нужным направить дело указанной категории для производства дознания или предварительного следствия, предание суду будет производиться соответственно следователем или же распорядительным заседанием Народного Суда.

Стадия предания суду, несмотря на все значение ее, как гарантии прав и интересов обвиняемого, не знает участия последнего и построена без каких-либо моментов состязательности. Рассмотрение материалов дела и разрешение вопроса о дальнейшем его направлении производится единолично Народным Судьей или следователем или же распорядительным заседанием суда, при чем во всех этих случаях обвиняемый отсутствует. Взамен личных объяснений, обвиняемый имеет лишь возможность представить свои объяснения и возражения в письменном виде; возможность эта предоставлена обвиняемому ст. 243-й, говорящей об обязанности распорядительного заседания одновременно с вопросом о предании суду рассмотреть поступившие к нему ходатайства сторон, при чем положение это должно быть распространено и на те случаи, когда органом предания суду является следователь и Народный Судья, так как по существу своему деятельность всех этих органов как коллективных, так и единоличных, в области предания суду является совершенно одинаковой.

Кроме того, защита обвиняемым своих прав в стадии предания суду, возможна путем обжалования соответствующего постановления или определения. Действующий УПК не знает каких-либо ограничений в области принесения частных жалоб (за исключением случаев, исчерпывающим образом перечисленных в ст. 347 УПК); в виду этого постановления и определения о предании суду могут быть обжалованы путем частной жалобы. Кроме того, помимо самостоятельного частного обжалования определений и постановлений о предании суду, акт предания суду может быть обжалован и в кассационном порядке—совместно с приговором, а также и в порядке надзора, который, представляя собой особый контроль со стороны высших органов, распространяется на действия всех без исключения органов предания суду.

После того, как вопрос о предании суду обвиняемого, разрешен в утвердительном смысле, дело передается в соответствующий суд для рассмотрения его по существу в в судебном заседании. При этом, между преданием суду и судебным заседанием лежит еще одна промежуточная стадия, приготовительных к суду действий, которая предназначена служить тому, чтобы слушание дела в судебном заседании оказалось возможным, как в техническом смысле, так и в смысле надлежащего осуществления сторонами предоставленных ими по закону прав в области подготовки к судебному состязанию. Приготовительные к суду действия состоят в назначении дела к слушанию и вызове всех надлежащих лиц в судебное заседание (ст. 250), а также в ряде действий, имеющих целью обеспечить интересы и права сторон. Так в силу ст. 245-й, подсудимому, не позже как за трое суток (каковой срок относится к делам, рассматриваемым как в народном, так и в остальных судах) (ст. 392) должна быть вручена копия обвинительного заключения или же копия постановления следователя о предании суду; в тех же случаях, когда отсутствует такое постановление—подсудимому в тот же срок должна быть вручена повестка Народного Суда с указанием в ней сущности обвинения. Указанное действие имеет особо важное значение, так как дает возможность подсудимому точно узнать сущность и характер предъявленного ему обвинения и те основания, на которых обвинение это зиждется. В виду этого соблюдение требований ст.ст. 245/392 имеет важное значение, и Верховный суд, не считая нарушение указанных статей основанием к отмене приговора во всех без исключения случаях, вместе с тем неоднократно указывал судам на безусловную обязательность для них соблюдения требований, указанных в ст.ст. 245 (392) УПК, подчеркивая, что несоблюдение этих требований является нарушением, которое не устраняется согласием подсудимых на слушание дела, так как „указанная статья УПК не предусматривает никаких сделок между судом и обвиняемым по вопросу о вручении копии обвинительного заключения“. (Определение Уголовно-Кассационной Коллегии от 24 марта 1924 года № 21545, а также определения от 2-го апреля 1924 года № 22369, от 29 марта 1924 г. № 21816, от 22 мая 1924 г. № 22300 и др.).

Одновременно с вручением копии обвинительного заключения (или документа, заменяющее обвинительное заключение)—подсудимому должны быть разъяснены его права, именно право иметь защитника, заявить те или иные ходатайства и истребовать новые доказательства, помимо имеющихся в деле (ст. 246), при чем соблюдение всех этих предписаний закона, имеющих целью облегчить подсуди-

мому его защиту на суде, имеет столь же существенное значение как и вручение копии обвинительного заключения, почему несоблюдение требований ст. 246-й по важности и по последствиям своим должно быть приравнено к нарушению требований, содержащихся в ст. 245-й УПК.

Помимо тех разъяснений, которые должны быть сделаны подсудимому при вручении ему копии обвинительного заключения или заменяющего его документа, УПК знает еще одну форму содействия подсудимому в осуществлении им его прав; именно ст. 256 дает Народному Судье право— по тем делам, где не производилось ни предварительное следствие, ни дознание,—вызвать подсудимого, разъяснить ему сущность предъявленного обвинения и опросить его относительно имеющихся у него ходатайств об истребовании доказательств.

Далее, к категории подготовительных к суду действий, имеющих целью обеспечить подсудимому возможность организовать свою защиту, относятся также допущение или назначение защитника (ст. 250), предоставление защитнику свидания с подсудимым, находящемся под стражей и предоставление подсудимому и его защитнику возможности ознакомиться с делом, и делать необходимые им выписки (ст. 252). Наконец, к разряду подготовительных к суду действий относится рассмотрение ходатайств, заявленных сторонами о вызове свидетелей и экспертов и об истребовании других доказательств. При рассмотрении указанных ходатайств суд обязан руководиться одним лишь соображением—имеют ли те обстоятельства, о выяснении которых стороны ходатайствуют, значение для дела, иначе говоря, подпадают ли они под действие ст. 113 УПК; при утвердительном ответе на означенный вопрос—удовлетворение ходатайства является для суда обязательным (ст.ст. 253 и 254), при чем, в случае отказа в ходатайстве, определение суда должно быть мотивированным. Означенное положение, содержащееся в ст.ст. 253 и 254-й, имеет применение как в Народном Суде, так и во всех остальных судах, с тем, однако, изъятием, что Губернский Суд (равно как и Верховный Суд, а также и военный Трибунал) в праве отказать в вызове тех свидетелей, которые были допрошены на предварительном следствии или на дознании и показания которых не вызывают сомнений в своей достоверности; в то же время, однако, вызов этих свидетелей является обязательным, если показания их страдают существенной неполнотой или находятся в противоречии с показаниями других свидетелей или же, наконец, представляются запутанными (ст. 391).

С того момента, как состоялось постановление или определение о предании суду, процесс вступает в те стадии,

где господствует уже начало состязательности, которое до того оставалось на заднем плане. В соответствии с этим, обвиняемый, превратившийся в подсудимого, получает уже все те права, которые предоставлены ему как равноправной стороне в процессе. Права эти получают свое полное осуществление во время судебного заседания, в стадии же подготовительных действий расширение прав подсудимого выражается в возможности ознакомления с делом (ст. 252), а также в праве иметь защитника. При этом ознакомление с делом должно понимать самым широким образом, именно в смысле предоставления подсудимому права обозревать все без исключения материалы, имеющиеся в деле, и, следовательно не только письменное производство, но и вещественные доказательства. В виду этого, предъявление вещественных доказательств подсудимому или его защитнику, если только такое предъявление является фактически возможным, обязательно для суда; что же касается защиты, то закон предоставляет подсудимому право избирать себе защитника по соглашению; в этих случаях подсудимый не ограничен ни в числе защитников ни в личности их, и суд обязан допустить к участию в деле столько защитников, сколько избрано подсудимым, и тех именно лиц, которые им избраны, если только лица эти удовлетворяют общим требованиям, указанным в ст. 53 УПК. Исключение представляет лишь случай, указанный в ст. 382. Если же защита по соглашению не имеет места, суд обязан сам по своей инициативе, не ожидая особого о том ходатайства или заявления подсудимого, принять меры к тому, чтобы был назначен защитник для участия в деле. При этом суд обязан назначить несколько защитников в том случае, если защита одного из подсудимых противоречит защите другого (ст. 251), так как при таких условиях назначение одного защитника будет означать, что один из подсудимых, а может быть и оба останутся фактически вовсе без защиты; в соответствии с этим Уг. Кас. Кол. Верховного Суда указала, „на совершенную недопустимость слушания дела в том случае, когда защитник вынужден обслуживать противоречивые интересы подсудимых“ (определение от 23 октября 1924 г. № 21087).

По окончании подготовительных действий наступает важнейшая часть процесса—судебное заседание, где подсудимый получает наиболее полную возможность осуществить свои права стороны, для чего подсудимый должен иметь возможность присутствовать в судебном заседании и непосредственно воспринимать все, происходящее на суде. Исходя из этого, УПК считает присутствие подсудимого в судебном заседании не только желательным, но и необходимым, почему объявляет явку подсудимого обязательной по всем делам, подсудным Губернскому Суду (а также Верховному Суду

и Трибуналу)—ст. 393; равно обязательна по общему правилу явка подсудимого и по делам, подсудным Народному Суду. Исключение представляют собой лишь дела меньшей важности, именно те, по которым подсудимому угрожает мера социальной защиты ниже лишения свободы (ст. 265), при чем и в этих случаях подсудимый обязан явиться в судебное заседание, если суд признает явку эту необходимой. Кроме того, слушание дела в отсутствии подсудимого возможно еще в тех случаях, когда подсудимый выразил прямое свое согласие на слушание дела в его отсутствии, а также, когда подсудимый уклонился от принятия повестки с вызовом в суд или уклонился от суда, и наконец, по делам, подсудным Губернскому и Верховному Суду и Трибуналу, если подсудимый находится за пределами РСФСР (ст. 265, 393). При этом надо иметь в виду, что так как указанные положения представляют собой исключения из общего правила, о невозможности слушания дела в отсутствии подсудимого, то положения эти должны быть толкуемы ограничительно. В виду этого, вывод о том, что подсудимый уклоняется от явки в суд, должен быть основан на определенных, не оставляющих сомнения данных, и не может быть заменен одним лишь предположением о таком уклонении; в частности, один факт нерозыска подсудимого или неврученая ему повестки не является достаточным основанием для применения 2-го пункта ст. 265 УПК, для какового применения необходимо установить с полной определенностью, что подсудимый принимает меры к тому, чтобы повестка была ему неврученa, и к тому, чтобы он остался нерозысканным. Равным образом для применении ст. 393-й, недостаточно признать, что место пребывания подсудимого неизвестно, но необходимо установить с полной определенностью, что он находится за пределами РСФСР. Что же касается, наконец, согласия подсудимого на слушание дела в его отсутствии, то согласие это должно быть выражено в категорической форме, не оставляющей места каким бы то ни было сомнениям. При этом необходимо отметить, что несмотря на наличие такого согласия—суд вправе потребовать явки подсудимого, если признает это необходимым для дела. Это право суда, прямо в законе не указанное, вытекает, однако, из общего смысла ст. 265-й: выслушивание личных объяснений подсудимого может оказаться столь же необходимым, по делам большей важности, как и по тем делам, где явка по общему правилу необязательна; в виду этого предоставленное суду право потребовать явки подсудимого по делам низшей тяжести тем более должно найти себе применение в отношении всех других более серьезных дел.

Если таким образом, право подсудимого на присутствование в судебном заседании осуществляется им всецело по

его усмотрению (за исключением тех случаев, когда суд признает явку эту обязательной), то с другой стороны ограничение в пользовании этим правом может иметь место только при особых обстоятельствах. Так, ст. 259-я допускает удаление подсудимого в случае нарушения им порядка заседания и неподчинения распоряжениям председателя. При этом, считая указанную меру исключительной, закон требует соблюдения целого ряда условий для применения ее. Прежде всего, однократное нарушение подсудимым порядка или однократное неподчинение распоряжениям председателя является недостаточным для удаления, и таковое возможно в том лишь случае, если сделанное в первый раз предупреждение окажется безрезультатным. Самое удаление может иметь место не по единоличному распоряжению председателя, но по определению суда, каковое определение должно быть мотивировано, так как только наличие мотивировки дает возможность кассационной инстанции проверить правильность действий суда и правильность удаления подсудимого. Далее, несмотря на удаление подсудимого и на лишение его возможности принимать участие в судебном заседании, ст. 259 обязывает суд немедленно объявить вынесенный приговор подсудимому. Каков порядок этого объявления,—в законе не указано, почему суд может как возвратить подсудимого в зал заседания к моменту провозглашения приговора, так и провозгласить приговор в отсутствии подсудимого, а затем объявить последнему его содержание. Во всяком случае приговор должен быть объявлен немедленно, так как срок обжалования в указанных случаях течет с момента провозглашения приговора.

Так как предусмотренное ст. 259-й УПК удаление подсудимого вызывается невозможностью ведения заседания в виду недопустимого поведения подсудимого, то по общему правилу, удаление это распространяется на все остальное время судебного заседания; обстоятельство это, однако, не лишает права суд возвратить подсудимого в зал заседания, если у суда будут основания полагать, что впредь подсудимый будет вести себя надлежащим образом. Так как, далее, удаление подсудимого есть мера исключительно вызванная поведением последнего то она не оказывает никакого влияния на положение защитника, который продолжает полностью осуществлять права предоставленные ему законом.

Другой случай удаления подсудимого предусмотрен примечанием к ст. 283 УПК и имеет место—согласно тексту закона—„в исключительных случаях, если того требуют интересы раскрытия истины“; каковы эти случаи—иначе говоря, при каких условиях допустимо такое удаление—закон не указывает; исходя же из общих соображений, дол-

жно признать, что указанная мера, являясь известным стеснением прав подсудимого, может быть применяема с особой осторожностью и лишь тогда, когда есть серьезное основание полагать, что допрос подсудимого в обычном порядке помешает правильному расследованию дела (например, если подсудимый не решается давать показания в присутствии другого подсудимого). При этом по возвращении подсудимого в зал заседания суд обязан сообщить подсудимому все то, что произошло в его отсутствии; обязанность эта прямо не выражена в законе, но вытекает из общего, неотъемлемо принадлежащего подсудимому права знать все, что имело место в судебном заседании.

Удаление подсудимого, предусмотренное примечанием к ст. 283-й, является чрезвычайной мерой, составляющей исключение из общего правила о праве подсудимого присутствовать в судебном заседании; в виду этого, примечание к ст. 283-й должно быть толкуемо ограничительно и удаление подсудимого должно быть признано допустимым исключительно на время допроса других подсудимых и не может применяться в другие моменты судебного следствия; в соответствии с этим Угол. Касс. Коллегия Верховного Суда указала на „недопустимость удаления подсудимого на время допроса свидетеля, ибо ст. 283 УПК дает суду это право лишь при допросе подсудимого (определение от 19 марта 1924 г. № 22150).

Принадлежащее подсудимому в других стадиях процесса право представления доказательств остается в его распоряжении в полной мере, как до начала судебного следствия, так и во все время последнего (ст. 272), при чем право это осуществляется подсудимым (лично или чрез защитника) путем заявления соответствующих ходатайств о вызове свидетелей и экспертов и об истребовании других доказательств. Ходатайства эти должны быть разрешаемы судом независимо от того, заявлены ли они впервые или заявлялись и ранее, а также независимо от того, были ли ходатайства уже ранее отклонены в распорядительном заседании; эти обстоятельства не имеют сами по себе никакого значения и суд обязан руководиться только соображениями, указанными в ст. 253 и 254, именно тем, имеют ли значение для дела (ст. 113 УПК) те обстоятельства, о выяснении которых стороны ходатайствуют; при утвердительном решении этого вопроса, истребование доказательств, указанных сторонами, является для суда обязательным. При этом суд вправе либо отложить дело слушанием, либо предоставить сторонам право (без перерыва слушания дела) доставить свидетелей и экспертов и предоставить другие доказательства своими средствами (ст. 273). Надо, однако, иметь в виду, что при применении указанной статьи суд

должен учитывать степень фактической возможности для сторон доставить доказательства своими силами, и если таковая возможность очевидно отсутствует (например, если подсудимый находится под стражей и лишен возможности чрез третьих лиц доставить доказательства), то суд обязан либо отложить дело слушанием, либо принять меры к получению просимых доказательств.

Присутствуя в судебном заседании, подсудимый впервые выступает в процессе в качестве равноправной стороны и принимает активное участие в рассмотрении дела. Всякое процессуальное действие, требующее заключения сторон, каковы, например, разрешение вопроса о слушании или об отложении дела, о последствиях неявки защитника, частного обвинителя, о ходатайствах, возбужденных кем-либо из сторон, о порядке судебного следствия и т. п.—не может быть произведено судом без выслушания мнения подсудимого (или его защитника), который в праве при этом вступать в спор с представителем другой стороны; равным образом, исследование доказательств, имеющихся в деле, находившееся в предшествующих стадиях процесса исключительно в руках органов дознания или предварительного следствия,—в стадии судебного рассмотрения дела производится уже совместно как судом, так и сторонами, в том числе и подсудимым, который лично и через защитника в праве допрашивать других подсудимых, свидетелей и экспертов (ст. 277), равно возбуждать различные ходатайства, относящиеся к рассмотрению доказательств, как, например, об осмотре вещественных доказательств (ст. 299), об оглашении показаний подсудимых (ст. 294) и свидетелей (ст. ст. 296, 297) и всяких других документов, если таковые подлежат оглашению, о направлении дела к доследованию (ст. 302) и т. д.

Наконец, определение объема судебного следствия до известной степени зависит от усмотрения подсудимого, как и остальных сторон. Вопрос о том, какие доказательства подлежат рассмотрению на суде, определяется прежде всего постановлением следователя о предании суду или же определением распорядительного заседания, утверждающего обвинительное заключение, так как при составлении постановления следователь устанавливает и список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание (ст. 224), а также круг остальных доказательств, подлежащих рассмотрению на суде; равным образом, те же вопросы разрешаются распорядительным заседанием суда при рассмотрении вопроса о предании суду (ст. ст. 241, 392). Далее, суд в праве во время судебного следствия по своей инициативе, не ожидая соответствующих заявлений сторон, дополнять список свидетелей и экспертов, равно как истребовать и другие

доказательства; право это, особо в законе не оговоренное, вытекает, однако, из общего объема прав, принадлежащих суду по УПК, и делающих суд активным участником процесса, а не только зрителем происходящего между сторонами; подтверждение этого положения можно усмотреть в том, что суду—в порядке ст. 302 (398)—предоставлена возможность отложить дело или направить его к доследованию для истребования новых доказательств; тем более, следовательно, суд имеет право истребовать эти доказательства, без перерыва слушания дела.

Наряду с инициативой суда в определении объема доказательств, подлежащих рассмотрению на судебном следствии, активную роль в данной области играют стороны, и в том числе подсудимый, путем возбуждения ходатайств об истребовании различных доказательств. Разрешение этих ходатайств производится судом в зависимости от того, относятся ли эти доказательства к делу (ст. 113), но будучи однажды допущенными в дело, доказательства эти должны быть рассмотрены судом. Таким образом, суд обязан во время судебного следствия рассмотреть все те доказательства, которые приняты к рассмотрению как при предании суду, так и позднее судом по его собственной инициативе и по ходатайствам сторон; отказ же от рассмотрения доказательств или части их может иметь место только в том случае, если это будет признано возможным судом. Отсюда, в свою очередь, следует, что без согласия какой - либо из сторон и в том числе и подсудимого, ни одно доказательство, допущенное в дело, не может быть оставлено без рассмотрения, при чем безразлично—по чьей инициативе доказательство это было истребовано. Единственное исключение из указанного права сторон влиять на определение объема судебного следствия представляет собой производство в Губернском Суде (а также в Трибунале и Верховном суде, действующем в качестве суда 1-й инстанции), где суд—в силу ст. 394—в праве прекратить допрос свидетеля или свидетелей в любой момент допроса таковых, если признает, что показаниями допрошенных свидетелей вдолне установлены те обстоятельства, для вызова которых свидетель вызывался. Так как ст. 394-я представляет собой исключение из общего порядка ведения судебного следствия, то она должна быть толкуема ограничительно и может быть применена только в отношении допроса свидетелей, но не экспертов, и тем более не в отношении выслушания объяснений, даваемых подсудимым.

Наряду с активным участием в определении порядка и хода расследования дела и в исследовании доказательств, подсудимый во время судебного следствия имеет самую широкую возможность использовать свое положение, как

источник доказательств, и давать объяснения по существу дела. Объяснения эти имеют место как в форме показаний во время допроса подсудимого, так и в форме различного рода заявлений и возражений. Допрос подсудимого имеет место в тот момент, какой для этого будет установлен судом (ст. 281), что же касается других объяснений как по существу всего дела, так и по отдельным обстоятельствам— то право давать такие объяснения предоставлено подсудимому во все время судебного следствия и поэтому момент для дачи таких объяснений определяется всецело желанием подсудимого; в виду этого, даже в тех случаях, когда суд—в порядке ст. 281—признает необходимым ранее допросить свидетелей, подсудимый не может быть лишен права давать объяснения и делать возражения по существу показаний, даваемых тем или иным свидетелем. Право давать объяснения по существу дела принадлежит подсудимому даже в момент произнесения последнего слова, объем и содержание которого целиком определяется усмотрением подсудимого; суд не вправе ограничивать подсудимого в данном направлении и может лишь возобновить судебное следствие, если признает что подсудимый в последнем слове „раскрывает новые обстоятельства, существенные для дела“ (ст. 309, примечание).

Наконец, в качестве участника рассмотрения дела, подсудимый лично—или через защитника—в праве подвергать оценке материал, собранный по делу, а также и все предъявленное обвинение как со стороны его фактической обоснованности, так и со стороны юридической его правильности. Оценка эта производится в прениях сторон, где защитник (или же подсудимый, если защитника не имеется), вправе касаться всех обстоятельств дела и представлять возражения против соображений, выдвинутых обвинителем или гражданским истцом; при этом прения сторон должны происходить в таком порядке, чтобы последняя речь была всегда произносима защитником или самим подсудимым.

Во время прений сторон—в силу ст. 305 „не в праве представлять новые доказательства, не бывшие предметом рассмотрения на судебном следствии“. Так как показания подсудимого, относящиеся к существу дела, представляют собой не что иное, как одно из доказательств, то отсюда следует, что подсудимый, произносящий за отсутствием защитника защитительную речь, не вправе давать новые—по содержанию своему—объяснения по существу дела; если же подсудимый считает объяснения эти необходимыми—он должен возбудить ходатайство о возобновлении судебного следствия. Самое право участия в прениях является неотъемлемым правом сторон, почему прения представляют собой непременную часть процесса. Исключением является

лишь производство в губернском суде (а также в Трибунале и в Верховном Суде, действующем в качестве суда первой инстанции), где суду предоставлено право постановить о недопущении прений, если дело будет признано достаточно выясненным на судебном следствии (ст. 397). При этом, в развитие положений, содержащихся в указанной статье, Пленум Верховного Суда РСФСР разъяснил, что „если суд, по заслушании прений сторон, признает дело достаточно выясненным, он в праве постановить о недопущении реплик сторон применительно к ст. 397 УПК, при условии ненарушения равноправия сторон в процессе" (циркуляр № 37, от 19 ноября 1924 г.).

Так как показания подсудимого являются одним из тех доказательств, которые имеют серьезное значение для дела, то закон уделяет особое внимание тому моменту судебного следствия, где показания эти наиболее полно могут быть изложены,—именно допросу подсудимого. Допрос этот производится либо в начале судебного следствия, либо в последующие моменты его. В тех случаях, когда подсудимый признает правильным предъявленное ему обвинение, председатель предоставляет ему тут же возможность дать объяснения по существу предъявленного обвинения (ст. 280), и таким образом, дача показаний подсудимым предшествует рассмотрению других доказательств; при этом в виду принесенного подсудимым сознания, суд вправе не производить дальнейшего следствия, но перейти непосредственно к прениям сторон. Согласно прежней редакции ст. 282-й УПК, если кто либо из сторон, в том числе и подсудимый лично или чрез защитника заявил ходатайство о производстве судебного следствия, ходатайство это должно было быть удовлетворено судом, несмотря на наличие сознания; в новой редакции (16 октября 24 г.) ст. 282-я освобождает суд от обязанности производить судебное следствие по требованию кого-либо из сторон, почему вопрос о необходимости дальнейшего производства следствия в случае принесения подсудимым сознания разрешается целиком по усмотрению суда.

Во всех остальных случаях, когда подсудимый не приносит сознания, момент допроса подсудимого определяется по усмотрению суда, который обязан опросить по этому вопросу мнение сторон (ст. 281). Самый допрос производится на общем основании, т. е. начинается предложением подсудимому рассказать все, что он считает нужным по делу, а затем принимает форму ответов на задаваемые вопросы. Допрос подсудимого производится как председателем, так и членами суда, а затем обвинителем, гражданским истцом, затем защитником и, наконец, другими подсудимыми. В случае противоречий показаний, данных подсудимым на судеб-

ном следствии, с показаниями ранее данными на предварительном следствии или на дознании, эти последние показания могут быть прочитаны; равно они могут быть прочитаны и в том случае, если подсудимый отказался на судебном следствии от дачи показаний или от ответа на тот или иной вопрос (ст. 294); что же касается тех случаев, когда подсудимый запамятовал то или иное обстоятельство, то прочтение показаний, ранее данных, прямо законом не предусмотрено, но должно быть признано допустимым по аналогии со ст. 296 УПК. Наконец, прочтение ранее данных подсудимым показаний может иметь место при слушании дела в отсутствии подсудимого в виду неявки или в виду его смерти (ст. 295).

Наделяя подсудимого самыми широкими правами на участие в судебном заседании, закон в то же время стремится рядом особых постановлений предоставить подсудимому возможно более полные гарантии того, что права эти будут использованы надлежащим образом. Так, при неявке защитника, таковой может быть заменен другим лицом только при согласии на то подсудимого, почему, в случае отсутствия такого согласия, дело должно быть отложено слушанием. Положение это, имеющее целью обеспечить подсудимому участие в деле надлежаще подготовленного защитника, должно быть полностью применено и в тех случаях, когда защитник по той или иной причине (например, по болезни) лишен возможности продолжать участвовать в деле, уже начатом слушанием. Далее, закон обязывает председателя разъяснить подсудимому его права и, в частности, право принимать активное участие в судебном следствии (ст. 277); равным образом, председатель обязан, путем специального опроса, удостовериться в том, что копия обвинительного заключения или постановления следователя о предании суду была своевременно вручена подсудимому (ст. 264), при чем, несмотря на то, что содержание указанного документа предполагается уже известным подсудимому, закон все же обязывает председателя разъяснить подсудимому, в понятных для последнего выражениях, сущность предъявленного обвинения (ст. 280).

Особо должно отметить право подсудимого требовать рассмотрения дела в случае неявки частного обвинителя. Согласно ст. 270 УПК неявка потерпевшего или представителя его интересов по делам, перечисленным в ст. 10 УПК, влечет за собой прекращение дела, при чем, однако, рассмотрение дела по существу является для суда обязательным, если о том просит подсудимый. Смысл этого постановления, содержащегося в ст. 270-й, заключается в том, что отказ частного обвинителя от обвинения путем неявки в судебное заседание может оказаться неудовлетворяющим

подсудимого, который ищет своей реабилитации, почему в целях этой последней должно иметь место рассмотрение дела по существу на общем основании. Равным образом, право требовать рассмотрения дела должно быть признано за подсудимым и в том случае, когда частный обвинитель, явившись в судебное заседание, заявит о своем отказе от поддержания обвинения и будет ходатайствовать о прекращении дела; такое прекращение возможно при согласии на то подсудимого, так как и в этом случае последний в праве добиваться своей реабилитации путем рассмотрения дела по существу.

В заключение обзора прав, принадлежащих подсудимому в стадии рассмотрения дела по существу судом 1-й инстанции, должно остановиться на праве подсудимого быть судимым не иначе как после состоявшегося в установленном порядке акта предания суду и при том лишь в отношении того обвинения, которое было первоначально предъявлено, иначе говоря, которое было установлено этим актом предания суду (ст. 311). Поэтому если на суде будет установлен факт совершения преступления кем-либо из лиц, не привлеченных к делу в качестве подсудимых, то дело об этих лицах не может быть соединено с первоначальным делом, но должно составить предмет отдельного рассмотрения (ст. 314, 315); в тех же случаях, когда такое отдельное рассмотрение является невозможным в виду тесной связи, существующей между указанными делами, первоначальное дело должно быть отложено слушанием и направлено для доследования, предания суду и рассмотрения в отношении как наличных подсудимых, так и лиц вновь привлеченных (ст. 316). Равным образом, указанное выше положение, содержащееся в ст. 311-й, означает, что подсуддимый не может быть осужден за то преступление, обвинение в котором не было утверждено актом предания суду; при этом, однако, закон знает два исключения, исчерпывающим образом перечисленные в ст. 312 и 313 УПК. Первая из указанных статей имеет в виду тот случай, когда суд обнаружит во время судебного заседания, что данным подсудимым совершено еще и другое преступление, кроме того, которое составляет предмет рассматриваемого дела (например, наряду с совершением подлога, также—получение взятки). В этих случаях, по первоначальной редакции ст. 312-й, суд обязан был выделить дело по новому обвинению для расследования, предания суду и рассмотрения в общем порядке; согласно же ст. 312-й, в редакции 16 октября 1924 года, суд в праве тут же рассмотреть дело о новом преступлении и обязан выделить дело по новому обвинению для расследования, предания суду и рассмотрения на общем основании лишь в тех случаях, когда при-

знает необходимым произвести по делу дознание или предварительное следствие; та же обязанность выделения дела имеется и в том случае, когда новое обвинение угрожает более тяжкой мерой социальной защиты, хотя бы производство дознания или предварительного следствия не требовалось. Если выделение дела по указанным основаниям является необходимым и новое обвинение находится в тесной связи с обвинением первоначальным, то дело должно быть приостановлено слушанием и направлено для расследования, предания суду и рассмотрения, на общем основании с самого начала.

В отличие от ст. 312, имеющей в виду те случаи, когда к первоначальному обвинению присоединяется обвинение в совершении еще и другого преступления, ст. 313-я предусматривает такое положение, при котором данное преступление, составляющее предмет рассмотрения данного дела, не осложняясь какими-либо другими преступлениями того же подсудимого, в то же время предстает в ином виде, в виду чего требуется новая формулировка обвинения, иначе говоря—требуется изменение ранее принятой квалификации деяния (например, при обвинении в краже обнаружено будет, что в действительности имел место грабеж с насилием). В этих случаях, если новое обвинение влечет за собой более тяжкую меру социальной защиты, суд должен отложить дело слушанием и направить его для расследования, предания суду и рассмотрения в общем порядке. Такое направление дела к доследованию обязательно для суда, если о том будет ходатайствовать какая-либо из сторон; поэтому суд, усмотрев необходимость изменения квалификации в сторону более тяжкого обвинения, обязан объявить о том сторонам и опросить их, желают ли они продолжать слушание дела или же ходатайствуют об его отложении и направлении его к доследованию. При наличии такого ходатайства отложение дела обязательно для суда; однако, и в тех случаях, когда стороны изъявляют согласие на дальнейшее слушание дела, за судом должно быть признано право дело слушанием отложить и направить его к доследованию. При этом обязанность суда объявить сторонам об изменении квалификации в сторону более тяжкого обвинения имеет место во все время судебного заседания и даже во время совещания, имеющего целью вынесение приговора. Поэтому, если суд, удалившись в совещательную комнату для вынесения приговора, усмотрит необходимость в предъявлении подсудимому более тяжкого обвинения, он обязан возвратиться в зал судебного заседания и объявить сторонам о новой формулировке обвинения, после чего обязан опросить стороны по вопросу о их согласии или несогласии на дальнейшее слушание дела.

Во всех остальных случаях, когда новая квалификация обвинения не влечет за собой более тяжкой меры социальной защиты, суд продолжает слушание дела и выносит приговор по новой формулировке обвинения; такое положение возможно как в тех случаях, когда новое обвинение влечет за собой менее тяжкую меру социальной защиты, так и тогда, когда новая формулировка обвинения придает последнему иное фактическое содержание, но влечет за собой применение такой статьи УК, которая грозит мерой социальной защиты, не превышающей той, какая указана в первоначальном обвинении.

Изменение первоначальной формулировки обвинения чаще всего имеет место там, где во время судебного следствия обнаружены были новые обстоятельства, изменяющие фактическую обстановку того преступления, которое является предметом обвинения (например, обнаружены мотивы ревности при убийстве; установлено, что кража совершена не одним лицом, а несколькими и т. д.); возможны, однако, и такие случаи, когда даже при совершенно неизменившейся фактической обстановке суд признает необходимым изменить формулировку обвинения—именно—если суд признает, что квалификация обвинения, утвержденная при предании суду, является неправильной. Так как самый факт обнаружения неправильности первоначальной квалификации является новым обстоятельством, то и по букве ст. 313 и по общему смыслу ее суд обязан применить эту статью и отложить дело слушанием при ходатайстве о том кого-либо из сторон, в частности подсудимого. Право последнего на отложение дела во всех указанных случаях является существенной гарантией того, что ему дана будет возможность подготовиться к защите по новому более тяжкому обвинению, почему соблюдение требований ст. 313 является для суда безусловно обязательным (см. определение Уг. Кас. Кол. Верховного Суда от 4 января 24 г. № 21393, от 23 октября 24 г. № 211168 и др.).

Как уже было указано выше, одним из существенных прав, принадлежащих обвиняемому, является право принесения жалоб на все те действия судебных органов, которые он считает почему-либо неправильными и затрагивающими его интересы; жалобы эти — в зависимости от того, какое именно действие суда обжалуется,—разделяются на кассационные и частные. Первые имеют своим предметом вынесенный судом приговор, вторые же охватывают собой все определения суда (и постановления Народного Судьи), относящиеся к отдельным вопросам, возникающим в деле (ст. 349).

Действующий УПК признает принципиально допустимым частное обжалование всех определений суда (Народ-

ного и Губернского) и постановлений Народного Судьи и указывает лишь в ст. 347-й изъятия из этого правила, не допуская обжалования определений о наложении взыскания в порядке ст. 261 на лиц, неподчиняющихся распоряжениям председателя, а также определений суда по вопросу о принятии меры пресечения, при неявке подсудимого (ст. 267) и при вынесении приговора (ст. 341). Частные жалобы на определения Народного Суда и постановления Народного Судьи приносятся в Уголовно-Кассационное Отделение Губернского Суда; равным образом, туда же приносятся частные жалобы на определения Губернского Суда. Определения же Верховного Суда, действующего в качестве суда первой инстанции, обжалованию не подлежат. При этом жалоба должна быть подана в тот суд, действия которого обжалуются; в виде исключения закон допускает непосредственное принесение жалоб в Уголовно-Кассационное Отделение Губсуда.

Срок на принесение частной жалобы установлен в ст. 346-й в 14 суток, считая с того дня, как обжалуемое постановление или определение было вынесено. Срок этот, установленный в отношении дел, находящихся в производстве Народного Суда, должен быть применяем и в отношении дел, подсудных Губернскому Суду, так как поскольку особый срок для частных жалоб (в противоположность кассационным) для Губернского Суда не установлен, должны быть применяемы, в силу ст. 380 УПК— общие положения, установленные для Народных Судов.

Срок на принесение частных жалоб исчисляется со дня вынесения обжалуемого постановления или определения, в соответствии с правилами, установленными в ст.ст. 82—86 УПК; если жалоба подана с пропуском срока, то она возвращается жалобщику; если же жалоба подана в срок, то она в течение трех дней должна быть препровождена по принадлежности. Если срок на принесение жалобы оказался пропущенным, то жалобщик может просить о восстановлении срока; ходатайство это рассматривается тем же судом, на чьи действия приносится жалоба, при чем суд, признав причины пропуска срока уважительными, должен восстановить таковой, точнее говоря, предоставить определенный срок жалобщику для принесения жалобы. Определения суда по вопросу о восстановлении срока (как удовлетворяющие означенное ходатайство, так и отклоняющие таковое) могут быть обжалованы сторонами в порядке частной жалобы на общем основании (ст. 345).

Принесение частной жалобы не приостанавливает приведения в исполнение обжалуемого определения, но от Народного Судьи или от суда, на чьи действия жалоба при-

носится, зависит приостановить исполнение соответствующего определения (ст. 346 ч. 2).

Рассмотрение частной жалобы на определения Народного Суда и на постановления Народного Судьи происходит в судебном заседании Уголовно-Кассационного отделения Губернского Суда; стороны к рассмотрению жалобы не вызываются, но если они явятся к моменту слушания дела, то они должны быть допущены судом к даче объяснений, и в этом случае каждая из сторон может использовать все права, предоставляемые ей началом состязательности, которое в данной стадии процесса проведено полностью как и при рассмотрении дела по существу судом первой инстанции (ст. 431, 432). Исключение представляет собой порядок рассмотрения частных жалоб на определения Губернского Суда, каковые жалобы рассматриваются Кассационным Отделением Губернского Суда в распорядительном Заседании без участия сторон (ст. 405).

Кассационная жалоба, в отличие от частной, имеет своим предметом не отдельные определения или постановления, вынесенные по тому или иному вопросу, но исключительно приговор, вынесенный судом после рассмотрения дела по существу. Обжалование приговора возможно в двух видах: апелляционном и кассационном. Первое заключается в ходатайстве о вторичном рассмотрении дела по существу; в соответствии с этим апелляционная инстанция рассматривает вновь все дело, оценивает доказательства, как ранее имевшиеся, так и вновь представленные, после чего либо оставляет в силе приговор суда первой инстанции, либо изменяет этот приговор, или же, наконец, отменяет его и выносит новый приговор, заменяющий первый. В противоположность этому, рассмотрение дела в кассационном порядке заключается в том, что высший суд не входит в рассмотрение дела по существу и не производит новой оценки доказательств, но лишь проверяет, насколько были правильны с внешней формальной стороны действия суда первой инстанции, были ли соблюдены им все требования закона или же допущены были нарушения и какие именно. При этом кассационный суд не выносит нового приговора, но либо оставляет в силе обжалованный приговор, либо отменяет его и передает дело снова в суд первой инстанции для нового рассмотрения и вынесения нового приговора.

Из указанных двух видов обжалования, действующий УПК, как и предшествовавшее ему советское уголовно-процессуальное законодательство, отвергает апелляцию и знает лишь кассационное обжалование, каковое положение вновь нашло свое принципиальное подтверждение в основах Уголовного Судопроизводства СССР и Союзных Республик, где в ст. 25-й подчеркнуто, что „апелляция не допу-

скается“ и что „приговоры проверяются высшими судебными инстанциями лишь в кассационно-ревизионном порядке или в порядке высшего судебного надзора“.

Предметом кассационной жалобы является судебный приговор со всеми его составными частями, указанными в ст. 320 УПК, при чем приговор может быть обжалован как полностью, так и в части. При этом должно иметь в виду, что некоторые части приговора являются тем основанием, на котором зиждется весь приговор; таковы вопросы о наличии деяния, приписываемого подсудимому, о наличии состава преступления в этом деянии и о совершении этого деяния данным лицом (пункты 1—3 ст. 320); в виду этого обжалование приговора в этой его части означает обжалование всего приговора; принесение же жалобы по вопросам, указанным в пунктах 4—8 ст. 320, будет означать частичное обжалование; таковы, например, жалоба, принесенная по вопросу о назначении мер социальной защиты, по вопросу о размерах и видах таковой, о гражданском иске и т. д.

При этом необходимо иметь в виду, что к приговору, вынесенному в порядке ст. ст. 319 и сл. УПК, должны быть приравнены приговоры, постановленные в порядке ст. 465-й, при назначении меры социальной защиты по совокупности (ст. 30 УК).

По общему правилу, выраженному в ст. 349-й, приговор может быть обжалован „исключительно лишь по поводу формального нарушения прав и интересов данной стороны“... при чем жалобы „не могут касаться существа дела“. Положение это вытекает из общего характера деятельности кассационного суда, который, как было указано, не входит в рассмотрение существа дела и ограничивается проверкой правильности действий суда со стороны соблюдения требований закона. Но, вместе с тем, кассационный суд, в некоторых случаях и в определенном объеме, в праве касаться существа дела, именно по вопросу о недостаточности и неправильности предварительного и судебного следствия, (п. I ст. 413 и ст. 114), а также по вопросу о явной несправедливости, именно по вопросу о резком несоответствии содеянному той меры социальной защиты, которая назначена в данном случае судом (п. 4 ст. 413 и ст. 417). Поэтому стороны, принося кассационные жалобы, в праве, вопреки букве ст. 349-й, касаться и существа дела, однако, только по вопросам о неправильности и недостаточности следствия и по вопросу о размерах назначенной меры социальной защиты в пределах, указанных в ст. 414 и 417 УПК.

Согласно той же ст. 349-й, каждая из сторон в праве приносить жалобы лишь по поводу тех нарушений, которые затрагивают ее интересы, почему невозможно принесение подсудимым жалобы, где в качестве оснований к от-

мене приговора указаны были бы нарушения прав какой-либо из других сторон. В виде изъятия из указанного правила, закон предоставляет, однако, прокурору, право приносить протесты по поводу нарушения интересов и других сторон, почему протест прокурора может быть направлен не только против интересов подсудимого, но и в защиту таковых.

Кассационные жалобы и протесты могут быть приносимы на приговоры всех судов, за исключением приговоров Трибуналов, действующих в боевой обстановке (ст. 407), а также приговоров Верховного Суда, действующего в качестве суда первой инстанции; эти последние могут быть обжалованы Прокуратурой Республики в Пленум Верховного Суда, но исключительно по вопросу о неправильном применении закона в части назначения меры социальной защиты (ст. 448). Кроме того, в тех случаях, когда Губернским Судом, действующим в местности, объявленной на военном положении, вынесен приговор, присуждающий к высшей мере социальной защиты (к расстрелу), кассационная жалоба может быть не пропущена Губернским Исполнительным Комитетом (Губернским Революционным Комитетом) по представлению Губернского Суда (ст. 406).

Во всех тех случаях, когда по закону может иметь место кассационное обжалование приговора, стороны, кроме первоначальной жалобы или протеста, имеют право приносить жалобы и протесты дополнительные, вплоть до того момента, когда прокурором в судебном заседании будет дано заключение по делу. Равным образом в течение этого же времени, стороны в праве подавать письменные объяснения на принесенные по делу жалобы и протесты (ст. 410 примечание).

В отличие от частной жалобы, принесение кассационной жалобы приостанавливает исполнение приговора (ст. 346), при чем если приговор обжалован только в части, то в остальной части приговор считается вступившим в законную силу и приводится в исполнение; так, например, если принесена кассационная жалоба с указанием на неправильное применение меры социальной защиты, то приговор в части удовлетворения гражданского иска будет приведен в исполнение и т. д. Срок для принесения кассационной жалобы установлен: для приговоров Народного Суда—14 суток со дня вынесения приговора, а для приговоров Суда Губернского и Трибуналов—72 часа с момента вручения копии приговора, которая должна быть вручена в течение 24 часов с момента вынесения приговора.

Жалоба приносится: на приговоры Народного Суда—в кассационное отделение Губернского Суда, а на приговоры Губернского Суда и Трибунала—в Верховный Суд. При

этом жалоба должна быть подана в тот суд, который вынес обжалуемый приговор; в виде исключения закон допускает подачу жалобы на приговоры Народного Суда непосредственно в Губернский Суд (ст. 344). В случае пропуска срока на подачу жалобы, восстановление такового производится по тем же правилам, которые находят свое применение в отношении частных жалоб.

Производство в кассационной инстанции, куда дело переходит вместе с кассационной жалобой, построено, как и в суде первой инстанции, на началах состязательности, почему стороны и, в частности, подсудимый, имеют право присутствовать в судебном заседании и давать объяснения, вступая в спор с другой стороной. К рассмотрению кассационной жалобы в Губернском Суде должны быть вызваны стороны; лишь в случае нерозыска или неявки стороны, получившей повестку—дело слушается в отсутствии данной стороны (ст. 410). Что же касается Уголовно-Кассационной Коллегии Верховного Суда, то стороны в судебное заседание не вызываются, но если они явятся, то должны быть допущены к даче объяснений (ст. 435). Слушание дела в кассационной инстанции начинается докладом дела, после чего стороны дают свои объяснения, при чем первое слово получает сторона, принесшая жалобу. Если приговор обжалован как обвинителем, так и подсудимым (или его защитником), то первое слово предоставляется обвинителю. Во всяком случае, каков бы ни был порядок речей сторон, право последней речи, согласно общему принципу, выраженному в ст. 307 УПК, принадлежит всегда подсудимому или его защитнику. После прений сторон выслушивается заключение прокурора, являющегося в кассационной инстанции не стороной обвинения, но органом, наблюдающим за правильным применением закона, после чего предоставляется последнее слово подсудимому или его защитнику. Таков порядок производства в Кассационном Отделении Губернского Суда (ст. 410); что же касается Угол. Кас. Коллегии Верховного Суда, то заключение прокурора предшествует объяснениям сторон, а не следует за ними (ст. 435).

Кассационная инстанция либо оставляет в силе обжалованный приговор, либо отменяет его и передает дело для нового рассмотрения в другом составе судей. Кроме того, кассационная инстанция имеет право прекратить дело, если установлено будет, что подсудимый осужден за деяние, не содержащее в себе состава преступления, или же если дело не было прекращено судом первой инстанции вопреки требованиям ст. 4-й УПК (ст. 218).

Наряду с этим, кассационная инстанция в праве отменить или изменить приговор и по иным основаниям, отно-

сящимся не к области нарушения закона, но к вопросу о степени соответствия между обстоятельствами дела с одной стороны и назначенной судом мерой социальной защиты с другой. В этих случаях, когда по выражению ст. 417 УПК, приговор является „явно несправедливым", суд второй инстанции выходит за пределы деятельности кассационного суда и, сближаясь в этой части с судом апелляционным, имеет право смягчить назначенную меру социальной защиты. Право изменить приговор в сторону его смягчения первоначально было предоставлено только Уголовно-Кассационной Коллегии Верховного Суда (ст. 437); что же касается Кассационного отделения Губернского Суда, то оно имело право в случае признания приговора явно-несправедливым, отменить таковой и передать дело для нового рассмотрения по существу; согласно же ст. 419а, введенной законом 16 октября 1924 г., Губернский Суд, действуя в качестве кассационной инстанции, в праве, при наличии явной несправедливости приговора, сам смягчить меру социальной защиты, не передавая дело в Народный Суд. Такое же право предоставлено Губернскому Суду в том случае, если им признано будет, что судом первой инстанции было допущено неправильное применение закона. При этом, однако, Губернский Суд не в праве назначить более тяжкую меру социальной защиты, нежели та, какая была назначена приговором Народного Суда; поэтому, во всех тех случаях, когда кассационное отделение Губернского Суда признает, что вследствие неправильного применения закона или вследствие допущенной явной несправедливости, назначенная подсудимому мера социальной защиты требует усиления, то дело должно быть передано в Народный Суд для нового рассмотрения по существу.

По общему правилу, кассационная инстанция рассматривает дело лишь в части, касающейся тех подсудимых, в отношении которых обвинительный приговор был обжалован или опротестован; в виде исключения, однако, кассационный суд отменяет приговор и в части, касающейся тех подсудимых, в отношении которых обвинительный приговор вступил в законную силу. Это имеет место лишь при наличии нарушений, особо указанных в законе; сюда относятся: неправильный состав суда (ст. 415, ч. 2, п. I), присутствие в совещательной комнате посторонних лиц (ст. 317), осуждение за деяния, не содержащие в себе состава преступления, и непрекращение дела, подлежавшего прекращению (ст. 418).

При рассмотрении дела, кассационный суд не в праве ограничиться теми указаниями, какие содержатся в кассационной жалобе или протесте, но независимо от этого обязан, в силу требований ст. 412-й, осмотреть все производ-

ство по делу; это рассмотрение дела носит название ревизионного и имеет целью установить, не были ли допущены судом какие-либо нарушения, в жалобе (протесте) неуказанные, при чем, в случае обнаружения таких нарушений и признания их существенными, приговор подлежит отмене. Таким образом, кассационная инстанция может отменить приговор: по основаниям, указанным в кассационной жалобе или протесте, по основаниям, усмотренным в ревизионном порядке, и, наконец, по тем и другим одновременно; иначе говоря кассационный суд признав жалобу или протест неосновательными, в то же время в праве отменить приговор в виду нарушений, найденных при ревизионном рассмотрении дела. При этом такая отмена может иметь место только в отношении тех подсудимых, в отношении которых приговор был обжалован или опротестован; что же касается подсудимых, в отношении которых обвинительный приговор вступил в законную силу, то отмена приговора возможна только в вышеуказанных случаях, перечисленных в ст. 422 УПК.

Отмена приговора в кассационном порядке влечет за собой, по общему правилу, передачу дела для нового рассмотрения в другом составе судей. Эти последние не стеснены ранее состоявшимся приговором и в праве вынести совершенно иной приговор; в частности, новый приговор может оказаться более тяжким, нежели первоначальный. Так как кассационное обжалование введено для того, чтобы каждая из сторон могла отстаивать свои интересы и охранять их от допущенного в суде первой инстанции нарушения, то обжалование это, введенное в интересах данной стороны, в частности подсудимого, не должно приводить к результатам, идущим в ущерб интересам жалобщика. В виду этого, УПК в ст. 424 предписывает, чтобы при вторичном рассмотрении дела не была назначена более тяжкая мера социальной защиты, нежели та, какая была избрана судом при первом рассмотрении дела, при этом такая льгота дается подсудимому лишь в том случае, когда первый приговор был отменен по мотивам, указанным в жалобе осужденного (см. определения УКК Верховного Суда от 24/I—24 г. № 269, от 29/V—24 г. № 24389 и др.). Отсюда следует, что в случае отмены приговора по мотивам, указанным в жалобе обвинителя (или гражданского истца), а также по основаниям усмотренным кассационной инстанцией в порядке ревизионном (ст. 412), суд, вторично рассматривающий дело, не связан в части меры социальной защиты первым приговором. Такое толкование ст. 424 вытекает из буквального смысла ее и не может быть поколеблено тем, что в ст. 412 имеется ссылка на ст. 424, каковая ссылка должна быть понимаема в том смысле, что если приговор отменен как в ревизион-

ном порядке, так и по мотивам, указанным в жалобе осужденного, то первоначально назначенная мера социальной защиты не может быть усилена при вторичном рассмотрении дела.

Так как, согласно точному смыслу ст. 424-й УПК, вынесение более тяжкого приговора является невозможным, если первый приговор был отменем по мотивам, указанным в жалобе осужденного, то положение это должно быть распространено как на те случаи, когда приговор отменен исключительно по соображениям, приведенным в жалобе осужденного, так и тогда, когда соображения эти лишь отчасти легли в основание отмены приговора. Поэтому, ст. 424 должна найти свое применение и в тех случаях, когда на ряду с мотивами, указанными в кассационной жалобе, приговор был отменен и по мотивам, указанным в жалобе обвинителя (в частности, в протесте прокурора) или же по мотивам, усмотренным в ревизионном порядке. Наконец, в тех случаях, когда прокурор, в порядке ст. 349-й, выносит протест в интересах подсудимого, протест этот, как имеющий целью защиту осужденного, должен быть приравнен к жалобе последнего, почему ст. 424 должна быть применяема и в тех случаях, когда приговор отменен по протесту прокурора, принесенному в интересах осужденного.

В заключение должно отметить, что вопрос о возможности усиления меры социальной защиты, в случаях отмены в кассационном порядке приговора, получает свое категорическое разрешение в Основах Судопроизводства СССР и Союзных Республик в том смысле, что такое усиление допустимо в том лишь случае, когда первоначальный приговор был опротестован прокуратурой (ст. 26).

Кроме кассационного и связанного с ним ревизионного рассмотрения приговора, последний может подлежать проверке также и в порядке надзора, каковой порядок, однако, как уже указано было во II-й главе, является исключительным и осуществляется не в зависимости от желания на то сторон, но исключительно по основанному на обстоятельствах дела усмотрению соответствующих высших судебных органов. Порядок надзора, с одной стороны, и ревизионная проверка приговора – с другой, имеют между собою общее то, что оба они осуществляются в силу веления закона судебными органами по их собственной инициативе; в то же время между этими двумя порядками проверки приговора высшим судом имеется и органическое различие. Именно, ревизионная проверка приговора тесно и неразрывно связана с рассмотрением дела в кассационном порядке и не может иметь места без последнего; порядок же надзора является совершенно самостоятельным и осуществляется

независимо от того, было ли дело перенесено в кассационную инстанцию. Таким образом, ревизионный порядок, хотя и осуществляется судом по его собственной инициативе, но возможен только в том случае, если какой-либо из сторон принесена жалоба (протест) на приговор; порядок же надзора ни в какой мере не зависит от действий сторон и имеет место исключительно по усмотрению соответствующего судебного органа.

Органами, уполномоченными на пересмотр в порядке надзора судебного приговора, являются: в отношении необжалованных приговоров Народного Суда—кассационное отделение Губернского Суда; в отношении же приговора Народного суда, по которым состоялось определение кассационного отделения Губернского Суда — Пленум Губернского Суда, а в случае разногласия между Пленумом Губернского Суда и прокурором — Уголовно-Кассационная Коллегия Верховного Суда. Наконец, органом пересмотра вступивших в законную силу приговоров Губернского Суда и Трибуналов—является Уголовно-Кассационная Коллегия Верховного Суда (ст. 429), которая, вместе с тем, может осуществлять право органа надзора в отношении приговора любого суда, в том числе и приговоров Народного Суда (ст. 427—429, 440). Наконец, приговор Судебной Коллегии Верховного Суда, действующего в качестве суда первой инстанции, может быть предметом пересмотра в порядке надзора в Пленуме Верховного Суда (ст. 448).

УПК в ст. 442-й устанавливает особый порядок в отношении приговоров Губернского Суда и Трибунала, присуждающих к высшей мере социальной защиты (расстрелу). При вынесении такого приговора суд обязан, хотя бы кассационная жалоба или протест не были принесены,—телеграфно уведомить Верховный Суд и ожидать в течение 72 часов (с момента получения Верховным Судом извещения) распоряжений Верховного Суда по вопросу об истребовании дела в порядке надзора.

Рассматривая права подсудимого и его положение в различных стадиях процесса, должно остановиться на т. н. особых производствах, где обычный порядок процесса представляет собой некоторые изъятия, в связи с чем изменяется и объем прав, предоставленных подсудимому. К этим особым производствам УПК относит: производство дел в дежурных камерах, судебные приказы и, наконец, производство по заочным приговорам.

Рассмотрение дела в дежурных камерах имеет целью разрешение ряда дел, подсудных Народному Суду, и применяется в тех случаях, когда, по мнению органов, производящих задержание обвиняемого, дело не требует особого расследования или же когда задержанный обвиняемый при-

носит сознание в предъявленном ему обвинении. Таким образом, направление дела или в дежурную камеру или же в общем порядке зависит от усмотрения органов дознания, при чем в последнем случае направление дела непосредственно в суд определяется, согласно ст. 361, наличием сознания или же ясностью дела, но не тяжестью грозящей меры социальной защиты, вследствие чего порядок направления дела следователю, в порядке 3-го пункта ст. 105 УПК, для предания суду, не имеет места в отношении дел, подлежащих рассмотрению дежурных камер. Но в то же время все те дела, по которым обязательно производство предварительного следствия (ст. 108), не могут рассматриваться в дежурных камерах. Равным образом, не имеет места извещение органами дознания судьи или следователя (ст. 104), взамен чего органы дознания немедленно препровождают задержанного в дежурную камеру. Рассмотрение дела в дежурной камере происходит немедленно по приводе обвиняемого, и определяется общими правилами, установленными для производства в Народном Суде, с некоторыми, однако, изъятиями. К числу таковых относится прежде всего необязательное назначение защитника (примечание к ст. 361), а также рассмотрение дела в первом же заседании; если же суд признает, что дело требует расследования, то оно должно быть передано по нормальной подсудности участковому Народному Суду (ст. 363). Такая же передача дела обязательна в тех случаях, когда подсудимый укажет на имеющие значение по делу доказательства, которые не могут быть рассмотрены в данном заседании (ст. 364). Во всех тех случаях, когда Народный Суд признает необходимым отложение дела и передачу его по нормальной подсудности, он должен по собственной инициативе рассмотреть вопрос о мере пресечения. Постановленный в дежурной камере приговор может быть обжалован на общем основании (ст. 365).

Другой, известный УПК, упрощенный порядом производства дел выражается в форме судебных приказов, постановляемых Народным Судьей единолично по делам о преступлениих, перечисленных в ст. 366 УПК. Рассмотрение указанных дел в порядке судебного приказа имеет место только в том случае, если судья по материалам дела признает таковое совершенно выясненным („в случае явной бесспорности нарушения“); в остальных же случаях рассмотрение дела производится Народным Судом на общем основании; кроме того, рассмотрение дел указанной категории в порядке судебного приказа является невозможным, если к подсудимому был предъявлен гражданский иск.

Судебный приказ постановляется Народным Судьей в судебном публичном заседании, и хотя стороны не вызы-

ваются, но если они явятся, то должны быть допущены к даче объяснений в случае их о том просьбы (ст. 367). Судебный приказ, после его вынесения, должен быть сообщен в копии осужденному, при чем этот последний имеет право обжаловать судебный приказ. По УПК, в редакции 1922 и 1923 года, такое обжалование имело место в форме ходатайства о рассмотрении дела в общем порядке, при чем удовлетворение этого ходатайства было обязательным, после чего подсудимый имел право принести на общем основании кассационную жалобу (ст. 370—372). Согласно же закону 16 октября 1924 года права подсудимого в данной области значительно сужены; отныне осужденный судебным приказом лишен права требовать пересмотра дела в общем порядке, и имеет лишь возможность обжаловать судебный приказ в кассационном порядке в Губернский Суд в течение 14 суток со дня вручения ему копии приказа. При этом, в изъятие из общего правила о приостановлении обжалуемого приговора (ст. 346),—судебный приказ приводится в исполнение немедленно после его постановления (ст. 369), и судье, постановившему приказ, предоставлено лишь право по своему усмотрению приостановить обжалованный судебный приказ; при этом судья в праве, если найдет нужным, истребовать от осужденного внесения в виде обеспечения определенной суммы, именно, при присуждении к штрафу внесения суммы, равной последнему, а при присуждении к принудительным работам—суммы, определяемой по усмотрению судьи (ст. 371).

Наконец, к особым производствам относится производство по делам, где был вынесен заочный приговор. Заочное рассмотрение дела имеет место в тех случаях, когда приговор вынесен в отсутствие подсудимого, при этом, однако, приговор не считается заочным в следующих случаях: когда подсудимый был удален из зала судебного заседания в порядке ст. 259 УПК; когда подсудимый по делам, где явка его является обязательной, уклонился от принятия повестки или скрывается от суда или же выразил свое согласие на слушание дела в его отсутствии (ст. 265); если подсудимый явился в суд после открытия судебного заседания, но до вынесения приговора, и был допущен к даче объяснений, и если подсудимый оставил зал судебного заседания до провозглашения приговора (ст. 351). В остальных случаях заочный приговор не позже как через трое суток после его вынесения сообщается в копии подсудимому, который в праве в течение 7 суток с момента получения означенной копии подать отзыв и просить о новом рассмотрении дела, при чем должен указать на те причины, которые вызвали неявку его в заседание. Если Народный Судья не признает эти причины уважи-

тельными, то он оставляет без удовлетворения просьбу о вторичном рассмотрении дела, о чем уведомляет подсудимого. Это постановление Народного Судьи не подлежит отдельному обжалованию и может быть обжаловано лишь вместе с приговором; для принесения кассационной жалобы подсудимому предоставляется срок в 7 суток с того дня, когда подсудимый извещен о том, что его просьба о вторичном рассмотрении дела отклонена (ст. 354, 355). В тех же случаях, когда причины неявки подсудимого признаны уважительными, дело назначается вновь к слушанию, при чем рассмотрение дела происходит на общих основаниях и, следовательно, со вторичным рассмотрением всех имеющихся в деле доказательств, в виде нового допроса свидетелей и т. д. После рассмотрения дел суд выносит новый приговор, который может быть обжалован в общем порядке путем подачи кассационной жалобы (ст. 356, 357). Если же подсудимый не явится и ко вторичному разбору дела, то суд ограничивается тем, что выносит определение об оставлении в силе первого приговора; в этом случае подсудимый имеет право в течение 14 суток со дня вынесения этого определения обжаловать первоначальный приговор в кассационном порядке (ст. 358). Наконец, подсудимому предоставлено право не приносить отзыва (просьбы о вторичном рассмотрении дела) на заочный приговор и ограничиться лишь принесением кассационной жалобы на этот последний; в этом случае срок кассационного обжалования установлен в 14 суток со дня вручения подсудимому копии заочного приговора (ст. 359).

Особое производство по заочным приговорам имеет место исключительно в Народном Суде и при том, согласно точному смыслу ст. 265 и п. 1-го ст. 351 лишь по тем делам, где явка подсудимого в суд не обязательна, т.-е. по делам, не влекущим за собой лишения свободы. Что же касается Губернского Суда и Трибуналов, то здесь особое производство по заочным приговорам является невозможным, так как по делам, подсудным судам данной категории, явка подсудимого всегда обязательна; уклонение же или отказ от явки (ст. 265) исключает возможность применения указанных особых правил заочного производства. Взамен этого последнего УПК предусматривает особый случай, когда Губернским Судом или Трибуналом был вынесен приговор в отсутствии подсудимого, находившегося за пределами СССР; в случае возвращения подсудимого, ему обязательно должен быть восстановлен кассационный срок; если же приговор вынесен Трибуналом, где кассационное обжалование не допускается (именно в случаях, указанных в ст. 407, в отношении Трибуналов, действующих в боевой обстановке), то дело подлежит обязательному пересмотру в порядке надзора (ст. 393).

Лицо, однажды уже осужденное или оправданное приговором, вошедшим в законную силу, не может быть вновь судимо за то же самое преступление, так как самый факт наличия приговора, вступившего в законную силу, говорит о том, что в отношении данного деяния государство, в лице суда, сделало все то, что было нужно и возможно, почему новое рассмотрение дела явилось бы излишним обременением и усложнением работы судебных органов. С другой стороны гражданин, однажды оправданный или осужденный, в праве считать, что впредь над ним не будет висеть угроза уголовной ответственности за то деяние, в совершении которого он оправдан или за совершение которого он был подвергнут определенной мере социальной защиты. Исходя из этих соображений, вытекающих как из интересов личности, так и из интересов правопорядка, закон объявляет, что лица, в отношении которых приговор вступил в законную силу, не могут быть вновь привлечены к судебной ответственности (ст. 3 УПК).

Правило это, однако, не может быть признано безусловным и недопускающим решительно никаких изъятий, так как приговор суда по тем или иным причинам, в свое время необнаруженным, может иногда оказаться неправильным. В виду этого, закон делает исключения из общего положения о незыблемости судебного приговора и допускает пересмотр дела, каковой пересмотр, согласно точному смыслу ст. 3 УПК, возможен в двух случаях: в порядке надзора, указанном в ст. 428 и 441 УПК, а также в порядке возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам.

Вновь открывшимися обстоятельствами являются такие факты, которые устанавливают, что ранее вынесенный и вступивший в законную силу приговор является неправильным по существу своему. Закон, в лице ст. 373, указывает, в качестве таких обстоятельств: 1) подложность тех доказательств, на которых основан был приговор (например, лжесвидетельство тех лиц, на чьих показаниях приговор был основан, подложность документа имевшего решающее значение в деле и т. п.), и 2) преступные злоупотребления судей, постановивших приговор. Так как, однако, дать исчерпывающий перечень всех тех обстоятельств, которые могут повлечь за собой признание приговора неправильным не представляется возможным, то закон, в дополнение к указанным двум обстоятельствам, точно определенным, присоединяет еще общее указание на всякого рода обстоятельства, которые сами по себе или вместе с обстоятельствами, ранее установленными в деле, доказывают неправильность первого приговора.

Возобновление дела может иметь место как в отношении оправдательного, так и в отношении обвинительного приговора, иначе говоря, как в ущерб интересам подсудимого, так и в защиту его. При этом, однако, закон дает ряд льгот подсудимому. Так, ходатайствовать о пересмотре оправдательного приговора может только прокуратура и никто более, почему, в частности, гражданский истец, а равно частный обвинитель этого права не имеют; вопрос же о пересмотре приговора обвинительного может быть поднят не только самим осужденным, и его родственниками, защитником, но и прокурором, а также всеми профессиональными и общественными организациями, в которых осужденный состоит или ранее состоял. При этом закон, стремясь к предоставлению самой широкой возможности к реабилитации неправильно осужденного, допускает пересмотр обвинительного приговора и в тех даже случаях, когда осужденный умер (ст. 376). Равным образом, льгота в отношении подсудимого установлена и в отношении сроков, в течение которых может иметь место возобновление дела по вновь открывшимся обстоятельствам. Обвинительный приговор может быть подвергнут пересмотру в любое время, при чем это относится, однако, не только к тем случаям, когда подсудимый осужден за более тяжкое деяние, нежели то, которое он в действительности совершил, но и в обратных случаях; что же касается приговоров оправдательных, то они могут быть пересмотрены лишь в течение одного года с того дня, как стали известны новые обстоятельства; при этом такой пересмотр, вообще, невозможен, если со времени вступления приговора в законную силу прошло не менее чем пять лет. Под пересмотром должно понимать постановление Верховного Суда об отмене прежнего приговора и о передаче дела для нового рассмотрения; поэтому, если были открыты новые обстоятельства в отношении оправдательного приговора, и с момента их обнаружения до момента рассмотрения вопроса о пересмотре дела в Верховном Суде прошло более года, — возобновление дела является невозможным.

Самое возобновление дела происходит путем подачи заявления Прокурору, который обязан произвести расследование лично или через органы дознания или предварительного следствия; такое расследование Прокурор может произвести и по собственной инициативе, если найдет нужным поднять вопрос о возобновлении дела. Затем тот же прокурор рассматривает собранный материал и, если признает его дающим основание к поднятию вопроса о возобновлении дела, направляет таковой в Верховный Суд со своим заключением (ст. 377, 446). Таким образом, вопрос о передаче дела в Верховный Суд для рассмотрения вопроса

о возобновлении дела разрешается исключительно Прокурором, почему самостоятельное обращение заинтересованных лиц и учреждений в Верховный Суд является недопустимым. Однако, отказ Прокурора в возбуждении вопроса о возобновлении дела может быть обжалован в порядке надзора.

Органом, решающим вопрос о возобновлении дела, в отношении дел разрешенных, как Народным Судом, так и Судом Губернским и Трибуналом, является Уголовно-Кассационная Коллегия Верховного Суда (ст. 378, 447). В случае отмены приговора, дело передается для нового рассмотрения, при чем исполнение приговора приостанавливается. Новое рассмотрение происходит в обычном порядке, и вновь постановленный приговор может быть обжалован на общем основании (ст. 379).

Как общее правило, приговор приводится в исполнение лишь после вступления его в законную силу; исключение представляют собой приговоры оправдательные или освобождающие от мер социальной защиты, каковые приговоры приводятся в исполнение немедленно.

Так как, однако, приведение обвинительного приговора в исполнение, немедленно по вступлении его в законную силу, может оказаться по тем или иным причинам крайне тягостным для осужденного, то охраняя интересы последнего, УПК допускает отсрочку; отсрочка эта имеет место при тяжкой болезни осужденного или беременности осужденной, препятствующих приведению приговора в исполнение, а также во всех тех случаях, когда немедленное исполнение приговора может иметь особо тяжкие последствия для осужденного или для его семьи; закон не дает полного перечня этих обстоятельств и предоставляет решение вопроса усмотрению суда; в качестве отдельных случаев закон указывает: тяжкую болезнь или смерть единственного работоспособного члена семьи, пожар и иные стихийные бедствия и т. д. (ст. 456). В частности, сюда должны быть отнесены те случаи, когда немедленное исполнение приговора лишает возможности осужденного крестьянина закончить полевые работы и обеспечить семью пропитанием.

Тяжкая болезнь может быть основанием не только к отсрочке исполнения приговора, но и к отказу от дальнейшего его исполнения; именно, согласно ст. 458, тяжкая неизлечимая болезнь, а равно болезнь душевная могут явиться основанием к условному досрочному освобождению и ранее отбытия половины срока назначенного судом лишения свободы или принудительных работ.

Равным образом, душевная болезнь может повлечь за собой приостановку исполнения приговора, присуждающего

к лишению свободы, при чем в этих случаях время, проведенное осужденным в лечебном заведении, первоначально в срок не засчитывалось (ст. 472 УПК ред. 1922 г.), согласно же ст. 457 УПК редакции 1923 г., время, проведенное в лечебном заведении, засчитывается в срок лишения свободы, назначенный судебным приговором.

Отсрочка приведения приговора в исполнение может иметь место и в отношении штрафа, уплата которого может быть отсрочена, а равно рассрочена на срок до 6 месяцев в тех случаях, когда немедленная уплата штрафа является для осужденного непосильной (ст. 460).

Вопросы об отсрочке исполнения приговора, а равно об отсрочке и рассрочке штрафа, а также вопросы о замене штрафа принудительными работами, равно как и все сомнения и споры, какие могут возникнуть в связи с приведением приговора в исполнение, должны быть разрешаемы в судебном заседании. Это же относится и к вопросам об условном досрочном освобождении ранее половины срока в виду неизлечимой или душевной болезни, когда вопрос о предоставлении досрочного освобождения разрешается судом.

Судебное заседание по указанным вопросам, связанным с исполнением приговора, происходит на началах состязательности, почему осужденный подлежит вызову в суд, имеет право присутствовать в заседании и давать объяснения, а равно может иметь защитника. Закон умалчивает о праве осужденного приносить жалобы на определения суда, выносимые судом по данным вопросам, почему должно признать, что определения эти подлежат обжалованию на общем основании, как и все другие определения— именно в порядке частной жалобы (ст. 349). Что же касается определений суда об отказе в досрочном освобождении, то они, согласно точному смыслу ст. 463, обжалованию не подлежат. Положение это, однако, должно быть понимаемо лишь в том смысле, что определения эти не могут быть обжалуемы со стороны существа их, т. е. по вопросу о том, правильно ли в данном случае суд признал невозможным предоставление досрочного освобождения; что же касается вопросов формального характера, каковы, например, неправильный состав суда, отсутствие представителя распределительной комиссии, невыслушание заключения этого представителя, неправильное исчисление срока и т. п., то в этой части определение суда должно быть признано подлежащим обжалованию на общем основании в порядке частной жалобы.

Равным образом, в судебном заседании подлежат разрешению вопросы об отмене условного досрочного освобождения или условного осуждения (ст. 464). Вопросы эти могут быть разрешаемы судом, постановляющим приговор

по новому преступлению, и в этих случаях определение выносится совместно с приговором и подлежит обжалованию на общих основаниях. В тех же случаях, когда вопрос об отмене досрочного освобождения или условного осуждения рассматривается самостоятельно, в судебное заседание должен быть вызван досрочно-освобожденный или условно-осужденный, которые имеют право давать объяснения на общем основании. Вопрос об участии защитника ст. 464-й оставлен открытым, но исходя из того, что судебное заседание происходит на общих началах состязательности, вопрос о возможности участия защитника должен быть разрешаем в утвердительном смысле. Определение, вынесенное судом, может быть обжаловано в общем порядке путем принесения частной жалобы.

ГЛАВА IV.

Являясь активным участником современного процесса, обвиняемый, в целях защиты себя и в порядке осуществления предоставленных ему прав, может давать объяснения по делу, которые, как было уже указано выше, носят различный характер. Так, одни из них сводятся к оценке имеющихся в деле данных со стороны как фактической, так и юридической, и в этом случае ничем не отличаются от таких же объяснений, исходящих от других сторон в процессе, каковы в частности, обвинитель и гражданский истец. Далее объяснения, даваемые обвиняемым, могут содержать в себе ряд фактических сведений, относящихся к обстоятельствам дела; объяснения этой категории, носящие название показаний обвиняемого, представляют собой источник доказательств, и сближаются уже не с заявлениями сторон, но с другими источниками доказательств (показания свидетелей, вещественные доказательства и др.), и вместе с ними образуют тот материал, на основании которого судебные органы разрешают каждое данное дело. При этом должно иметь в виду, что показания обвиняемого носят характер источника доказательств в указанном выше смысле в том лишь случае, когда показания эти даны перед судебным органом (судом, органом дознания, предварительного следствия); если же объяснения обвиняемого, содержащие в себе сообщения фактического характера, становятся известными судебным органам иным путем, например, через показания свидетелей, то источником доказательств будут именно эти последние показания; что же касается тех объяснений и сообщений, какие сделаны обвиняемым при свидетеле, то они будут ни чем иным как уликой по делу, подобно тому как такой уликой может служить, например, удостоверенное свидетелем бегство обвиняемого, нахождение у него предметов, добытых преступлением и т. п.

То обстоятельство, что обвиняемый в современном процессе является не только источником доказательств, но и стороной, не дает никаких оснований особо выделять показания обвиняемого, почему ст. 58 УПК и ставит показания обвиняемого наряду со всеми другими доказательствами, известными современному уголовному процессу, каковы, в

частности, показания свидетелей, заключения экспертов, вещественные доказательства и письменные документы. Что же касается оценки доказательств, т.-е. вопроса о том, заслуживают ли они доверия и в какой именно степени, то оценка эта, согласно общему началу, выраженному в ст. 319 УПК, „производится судьями по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности". Отсюда следует, что каждое отдельное доказательство может быть отброшено судьей, как незаслуживающее доверия или же, напротив того, может быть положено в основание приговора; в частности, положение это полностью применимо и к показаниям обвиняемого, почему судья, руководясь своим убеждением, основанным на обстоятельствах дела, в праве в каждом отдельном случае не придать веры показаниям обвиняемого, равно как в праве поверить этим показаниям, отбросив все другие противоречащие ему доказательства.

Но если, таким образом, формально показания обвиняемого решительно ничем не отличаются от других доказательств, то фактически показания обвиняемого находятся в особых, к другим доказательствам неприменимых, условиях. Причина этого лежит в том, что обвиняемый является лицом, заинтересованным в исходе дела, почему к показаниям этого лица неизбежно создается особое отношение и им либо придается чрезмерно большое значение, либо имеет место обратное, и показания эти представляются не заслуживающими вовсе доверия. Между тем, такое отношение к показаниям обвиняемого далеко не всегда является правильным и в очень многих случаях не соответствует действительной ценности этих показаний.

По содержанию своему показания обвиняемого могут относиться либо к самому обвиняемому и к вопросу о его участии в данном деле, либо к другим лицам, при чем первая группа, в свою очередь, распадается на показания, даваемые обвиняемым в свою пользу, и даваемые в ущерб своим интересам. Деление это имеет существенное практическое значение в области оценки показаний обвиняемого, так как оценка эта находится в прямой зависимости от того, к какой из указанных категорий данное показание относится.

Показания обвиняемого, относящиеся к другим лицам, именно к вопросу об участии этих лиц в преступлении, составляющем предмет данного дела, могут быть двоякого рода: либо обвиняемый отрицает такое участие других лиц в данном преступлении, либо, напротив того, дает показания, этих лиц уличающие. При оценке этих показаний должно прежде всего исходить из того, отрицает ли обвиняемый свое участие в приписываемом ему преступлении

или же признает таковое. В первом случае, обе части показания обвиняемого находятся, по общему правилу, в тесной и неразрывной между собой связи, почему показание обвиняемого, относящееся к другим лицам, должно быть оцениваемо на тех же основаниях, что и другая часть показания, где обвиняемый отрицает свое участие в приписываемом ему преступлении. Что же касается того случая, когда обвиняемый, признавая совершение им преступления, отрицает участие других лиц, то было бы совершенно неправильно полагать, что если обвиняемый сознается в предъявленном ему обвинении, то нет оснований не доверять ему в той части его показаний, которая относится к участию других лиц. Прежде всего, как будет указано ниже, далеко не всякое сознание заслуживает доверия со стороны суда; кроме того, даже в тех случаях, когда сознание, принесенное обвиняемым, соответствует действительности, отсюда вовсе не следует, что правдива и остальная часть его показаний. Оценка показаний обвиняемого в этом случае, как и во всех остальных, требует сопоставления этого показания с другими доказательствами и со всеми обстоятельствами дела; кроме того, именно здесь приобретает особое значение вопрос о том, каковы те побуждения, которыми руководится обвиняемый, отрицая участие других лиц в данном преступлении. Побуждения эти носят самый различный характер и могут быть вызваны стремлением обвиняемого охранить как свои собственные интересы, так и интересы других лиц. Так, например, отрицание участия других лиц в том преступлении, в совершении которого сознался обвиняемый, иногда объясняется стремлением обвиняемого уменьшить свою ответственность и смягчить квалификацию предъявленного обвинения. Общеизвестно, что многие обвиняемые, в особенности привычные преступники, в достаточной мере знакомы с уголовным законодательством и в частности, хорошо осведомлены о том, что совершение преступления несколькими лицами зачастую влечет за собой более тяжкую меру социальной защиты. В таких случаях (каковы, например, по УК: совершение разбоя или кражи одним или двумя лицами) обвиняемый легко решится отрицать участие другого лица в данном преступлении хотя бы только для того, чтобы облегчить свою собственную участь.

Наряду с этим, отрицание участия других лиц в совершении данного преступления может иметь место в тех случаях, когда обвиняемый, принесший сознание, стремится спасти других, например, своих близких; равным образом, такое отрицание сплошь и рядом объясняется той солидарностью, которая существует в некоторых группах представителей преступного мира и запрещает выдачу своих соучастников.

Что же касается тех показаний, где обвиняемый приписывает другим лицам участие в данном преступлении (т. н. оговор), то и здесь оценка этих показаний в значительной степени зависит от того, отрицает ли обвиняемый свое участие в деле или же признает таковое. В первом случае при анализе оговора по его содержанию, главным образом в соответствии с другими доказательствами и со всеми обстоятельствами дела, необходимо иметь в виду ту связь, какая существует между данным оговором и отрицанием обвиняемым его участия в деле, так как именно здесь особенно резко выступает наружу та заинтересованность обвиняемого в исходе дела, которая легко может привести к даче заведомо ложных показаний. В виду этого, оговор требует исключительно осторожного к себе отношения и особо внимательной его проверки путем сопоставления с другими доказательствами, имеющимися в деле, при чем оговор должен считаться тем менее достоверным, чем более сильны улики против обвиняемого и чем очевиднее, что обвинение других оговариваемых лиц должно влечь за собой облегчение положения данного обвиняемого или же даже отпадение предъявленного ему обвинения.

В тех же случаях, когда обвиняемый, принося сознание, указывает на других лиц, как на участников преступления, отпадает основание видеть в оговоре средство, избранное обвиняемым для своего спасения, почему здесь оговор, по общему правилу, является гораздо менее сомнительным материалом, нежели тогда, когда он исходит от обвиняемого, отрицающего свое участие в данном преступлении. Тем не менее и в этих случаях было бы неправильно относиться без надлежащей осторожности к оговору на том только основании, что обвиняемый, который сознается и не щадит себя, будто бы не имеет оснований говорить неправду в отношении других лиц, на которых он указывает как на своих соучастников. Такое доверие, оказываемое оговору, исходящему от сознавшегося обвиняемого, будет опасным потому, что в целом ряде случаев, самое сознание требует критического к себе отношения и может оказаться не соответствующим действительности; при наличии такого недостоверного сознания, столь же недостоверным может оказаться и та часть показания, которая содержит в себе оговор в отношении других лиц. В частности, такой оговор особенно легко возможен там, где сознание, не соответствующее действительности, вызвано причинами патологического характера, иначе говоря, где сознание объясняется расстроенной психикой обвиняемого, приписывающего себе преступление, в котором он, в действительности, не принимал участия, или которое вовсе не имело места. Судебная практика различных стран и эпох знает множество недо-

стоверных сознаний, соединенных с такими же оговорами и возникших на почве больной психики; при чем особенно ярким примером может служить дело Делаланда и Жилля, имевшее место во Франции в 40-х годах 19-го века и заключающееся в следующем. У богатого землевладельца Деланда служила молодая девушка Зоя Мабиль, которая внезапно исчезла бесследно, оставив все свои вещи на ферме. Власти, в результате возникшего подозрения, арестовали Делаланда и жившего с ним его дядю Жилля, ранее отбывшего 10 лет тюрьмы. На восьмой день заключения Жилль психически заболел и был отправлен в лечебницу, а Деланд на допросе сознался в совершении преступления и показал следующее. Зоя Мабиль хотела оставить службу, но он, Делаланд, любил Зою и противился ее уходу. Однажды вечером, между ним и девушкой возникла ссора, в пылу которой он ударил Зою кулаком, после чего она упала без чувств. К этому моменту подоспел Жилль и они вместе закопали Зою еще живую во рву, наполненном грязью и водой. На основании этого сознания, были произведены розыски, но труп найден не был; между тем, Делаланд упорно оставался при своем сознании и оговоре Жилля и рассказывал все подробности преступления. Спустя некоторое время Зоя Мабиль оказалась невредимой и живущей в другой деревне, при чем по поводу своего исчезновения Зоя Мабиль рассказала, что Делаланд в вечер происшествия был обычно пьян и приставал к ней; она бросилась бежать через поле, он же погнался за ней и нанес ей удар кулаком, после чего она упала почти без сознания. Тогда Делаланд сказал: „погоди я принесу нож и покончу с тобой". Угроза эта заставила Зою сделать над собой усилие и она, напрягая все силы, поднялась и убежала в другую деревню, где и проживала, пока не узнала о предъявленном Делаланду обвинении. Заслуживает внимание то обстоятельство, что когда следователь, уже после допроса Зои Мабиль, спросил Делаланда, настаивает ли он на том, что он и Жилль убили Зою, обвиняемый ответил утвердительно, а на заявление следователя, что Зоя жива—ответил, что это невозможно. Только появление самой мнимой убитой, находившейся в соседней комнате, убедило Делаланда в неправильности его показаний. В данном случае Делаланд, находившийся под влиянием алкоголя и, повидимому, обладавший расстроенной психикой, из факта исчезновения Зои, лежавшей без чувств после нанесенного ей удара, сделал вывод, подсказанный больным воображением, о том, что он Зою убил; так как, далее, такое убийство и сокрытие трупа легче совершить вдвоем, то та же больная мысль нарисовала мнимому убийце несуществовавшую картину участия Жилля и, в конечном результате, перед следственными вла-

стями в качестве обвинительного материала предстало сознание, сопровождавшееся оговором, при чем неосновательность последнего находилась в прямой и непосредственной зависимости от недостоверности первого.

Но даже в тех случаях, когда принесенное обвиняемым сознание соответствует действительности, оговор, по общему правилу, требует осторожного к себе отношения потому, что побуждения, которыми руководится обвиняемый, давая показания относительно участия других лиц, зачастую не имеют ничего общего со стремлением раскрыть истину и сводятся к соображениям чисто личного характера; таковы: расчет на снисхождение со стороны суда, как на результат раскрытия всех, хотя бы и мнимых участников преступления; стремление облегчить свою участь путем перенесения части ответственности на других лиц; месть, побуждающая свести счеты с врагом при представившемся удобном случае и т. д. Мотивы, побуждающие к ложному оговору, носят самый различный характер и не могут быть уложены в какой-либо даже приблизительно исчерпывающий перечень; достаточно указать, что жизнь знает случаи оговора, вызванного побуждениями на первый взгляд совершенно невероятными; так, например, советской судебной практике известен случай, когда лицо, которому было предъявлено обвинение в должностном преступлении, указало как на соучастницу на свою жену; позже выяснилось, что оговор этот был ложным и вызван был ревностью мужа, опасавшегося, что жена, оставшись на свободе, увлечется кем-либо и оставит его.

Если неправильным является безусловное доверие к оговору, то с другой стороны столь же неправильно всегда отвергать оговор, как недостоверный материал. Несомненно, что в целом ряде случаев оговор является „мутным источником“, но в то же время зачастую он соответствует действительности и поэтому может лечь в основу судебного приговора. В значительном числе случаев сознавшийся подсудимый дает правдивые показания, уличающие его соучастников, просто потому, что он не видит оснований выгораживать этих последних, тем более, что сплошь и рядом принесение сознания в отношении самого себя представляется невозможным или по меньшей мере затруднительным, если при этом приходится говорить неправду в отношении соучастников; в таких случаях оговор, естественно, вытекает из всей обстановки совершения преступления, в связи с чем достоверность такого оговора возрастает в весьма значительной степени. Более того, даже те мотивы отрицательного свойства, которые иногда влекут за собой ложный оговор, каковы, например, месть, зачастую, как показала действительность, побуждают обвиняемого к даче

правдивых показаний относительно своих соучастников, в виду чего одно наличие указанного мотива, заставляя особенно осторожно относиться к оговору, само по себе еще не дает оснований безусловно отвергать достоверность последнего.

Таким образом, при оценке оговора, исходящего от сознавшегося обвиняемого, прежде всего должна быть выяснена достоверность самого сознания, так как признание последнего не соответствующим действительности в подавляющем большинстве случаев предрешает вопрос об оговоре, являющегося в этих случаях слишком сомнительным материалом для того, чтобы на нем мог быть основан судебный приговор. В тех же случаях, когда сознание не вызывает никаких сомнений, оценка оговора должна производиться прежде всего путем выяснения мотивов, побудивших обвиняемого к оговору, а затем—и это главное—степенью соответствия оговора обстоятельствам дела и другим доказательствам. Само собой разумеется, что судья не связан какими бы то ни было предписаниями закона в этом направлении, так как оценка судьей всех доказательств по его внутреннему убеждению дает ему право придать оговору высокую ценность и основать на нем свой приговор; но в то же время судья, при выработке этого своего убеждения, должен остерегаться доверять тому впечатлению, какое оказывает оговор, и помнить, что последний требует осторожного к себе отношения; поэтому наличие одного лишь оговора, не подкрепленного другими доказательствами, лишь в редких случаях исключает всякие сомнения в своей достоверности; по общему же правилу сомнения эти могут быть устранены лишь путем проверки оговора другими доказательствами, почему если за отсутствием этих доказательств такая проверка невозможна, то правильнее будет отбросить оговор, признав его недостаточным для обоснования на нем одном обвинительного приговора.

Переходя к тем показаниям обвиняемого, которые содержат в себе сообщения об отношении самого обвиняемого к данному делу, должно иметь в виду, что показания эти могут быть самого различного содержания. Так прежде всего, показания эти могут заключать в себе отрицание всех тех действий, которые приписываются данному обвиняемому, равно как показание может заключать в себе признание правильности предъявленного обвинения (сознание). При этом сознание может быть как полным, когда обвиняемый безоговорочно признает правильным предъявленное ему обвинение, так и частичным, что имеет место в тех случаях, когда обвиняемый, признавая факт совершения им преступления, отрицает ряд отдельных обстоятельств, имеющих значение для дела или даже меняющих квалифи-

кацию преступления (например, обвиняемый в убийстве с корыстной целью признает факт убийства, но отрицает корыстный мотив и утверждает, что преступление было совершено в ответ на оскорбление, полученное от потерпевшего).—Равным образом, показание, в котором обвиняемый отрицает предъявленное ему обвинение, может быть различным по содержанию своему; так отрицание это может касаться всех приписываемых данному обвиняемому действий, или же части их (например, обвиняемый в краже отрицает таковую, но признает, что находился возле того места, откуда было похищено данное имущество); равным образом, отрицание может заключать в себе признание ряда определенных действий, приписываемых обвиняемому наряду с утверждением, что в действиях этих нет состава преступления (например, обвиняемый в убийстве утверждает, что лишил потерпевшего жизни в состоянии обороны).

Выше было уже указано, что показания обвиняемого зачастую находятся в особом положении, в смысле исключительного к ним доверия или недоверия, и в этом отношении имеет огромное значение разделение этих показаний со стороны их содержания на две основные группы, именно на показания, где обвиняемый признает факт совершения им того или иного определенного преступления (сознание), и показания, где совершение преступления отрицается в том или ином виде.

Основная причина такого особого отношения к показаниям обвиняемого, и в частности, того недоверия, с каким обычно судья встречает те показания, в которых обвиняемый отрицает приписываемое ему преступления, лежит в той особой роли, какую обвиняемый играет в процессе. Будучи непосредственно заинтересован в исходе дела, обвиняемый, как общее правило, легко склонен давать неверные показания, чтобы таким путем опровергнуть предъявленное обвинение или хотя бы облегчить свою участь. Поэтому, вообще говоря, осторожное отношение судьи к показаниям, даваемым обвиняемым в свою пользу, является вполне естественным и не может само по себе вызывать какихлибо возражений. Но в то же время исключительное положение обвиняемого, как лица заинтересованного в исходе дела, зачастую приводит к тому, что каждое сообщение, сделанное обвиняемым в свою защиту, встречается с особой подозрительностью, которая влечет за собой отказ в доверии даже тем показаниям обвиняемого, которые сами по себе являются вполне вероятными и согласуются с обстоятельствами дела. Такое особое недоверие к обвиняемому не соответствует общим положениям закона, который видит в показаниях обвиняемого такое же доказательство, как и всякое иное, известное современному праву, и требует,

чтобы оценка этого показания производилась на общих, а не на каких-то особых основаниях.

Поэтому, для того, чтобы выполнить это требование закона, судья обязан отрешиться от заранее установленного недоверия к данному лицу только потому, что он является обвиняемым; вместо того, судья должен видеть в последнем заинтересованное лицо, чьи показания нуждаются в проверке. Соответственно этому, судья не должен смотреть на показания обвиняемого как на такие, которые являются лживыми, пока не доказано обратное, но как на сообщения, которые только не должны быть принимаемы без тщательной предварительной проверки. Разница между тем и иным отношением к показаниям обвиняемого представляется весьма значительной; именно, при предположении о лживости показаний обвиняемого, все сомнения будут истолкованы во вред последнему, в то время как при беспристрастно - осторожном отношении к показаниям, те сомнения, какие останутся у судьи после рассмотрения всех обстоятельств дела, должны — на общем основании — быть истолкованы в пользу обвиняемого. Равным образом, беспристрастно-осторожное отношение к обвиняемому дает возможность видеть в последнем только лицо, заинтересованное в исходе дела, в то время как подозрительность в отношении обвиняемого заставляет судью толковать во вред обвиняемому даже такие факты, которые либо ничего не говорят, либо говорят в защиту данного лица. Особенно важно это последнее обстоятельство в тех случаях, когда судье приходится наблюдать в показаниях обвиняемого противоречия и неясности. При беспристрастном отношении судья легко различит, когда эти неясности и противоречия являются доказательством того, что обвиняемый говорит неправду, и когда они объясняются обычными свойствами человеческой психики (например, несовершенством памяти) или даже тем исключительным положением, в котором находится обвиняемый. Так, например, заявление обвиняемого о невозможности вспомнить все подробности того или иного факта может быть легко объяснено несовершенством человеческой памяти; предубеждение же, если таковое имеется против обвиняемого, невольно заставит судью увидеть здесь нежелание обвиняемого сообщить факт, могущий свидетельствовать против него. Более того, беспристрастно-осторожный судья учтет, что обвиняемый еще легче нежели свидетель может допустить противоречия и неясности в своем показании именно потому, что он далеко не так спокоен при даче показания, как это может иметь место в отношении свидетеля; судья же, относящийся с особым недоверием к обвиняемому, в самом волнении последнего и в том влиянии, какое волнение это оказывает

на показание, увидит лишнее подтверждение того, что обвиняемый „виновен“, и пытается отрицать то, что в действительности имело место.

Равным образом, такого же беспристрастно-осторожного отношения к себе требуют и те случаи, когда со стороны обвиняемого имеет место молчание и даже заведомо ложные сообщения. Только при таком отношении можно—в соответствии со всеми обстоятельствами дела—установить, каковы причины такого поведения и является ли это последнее доказательством, говорящим против обвиняемого или же оно объясняется совершенно иначе. Так, молчание обвиняемого зачастую найдет себе объяснение в том, что обвиняемому нечего возразить против собранных по делу улик, но в то же время молчание это может иметь и другие причины; таковы, например, невозможность для обвиняемого представить объяснения, так как это должно повлечь за собой предъявление обвинения и другим лицам; полная подавленность психики обвиняемого, считающего, быть может и неправильно, свое положение безнадежным; нежелание сознаться в том преступлении, которого не было, и опасение ухудшить свое положение отрицанием и т. д. Беспристрастный судья сумеет объяснить молчание обвиняемого в связи со всеми обстоятельствами дела, в то время как предвзятое отношение к обвиняемому всегда и и неизбежно приведет к тому, что это поведение обвиняемого будет истолковано как доказательство правильности предъявленного ему обвинения. В полной мере это должно быть отнесено и к тем случаям, когда в показаниях обвиняемого установлены заведомо ложные сообщения. Как бы на первый взгляд ни казалось бесспорным, что такие факты говорят против обвиняемого, действительность, однако, показала, что даже ложь, содержащаяся в показаниях обвиняемого, далеко не всегда доказывает, что лжива и та часть показания, где обвиняемый отрицает факт совершения им преступления. Несомненно, что очень часто обвиняемый дает заведомо ложные показания относительно того или иного отдельного факта потому, что таким путем он пытается скрыть факт совершения им преступления; но наряду с этим к такой лжи иногда прибегает и тот, кому не в чем сознаваться и кто почему-либо считает, что опровергнуть предъявленное обвинение или отдельную улику возможно только путем лжи. Как ни странны такие рассуждения, ведущие к тому, что обвиняемый пытается доказать истину путем лжи,—жизнь знает много таких примеров, объясняемых большей частью тем, что обвиняемый, растерявшись, неправильно оценивает создавшееся положение вещей и прибегает к приемам, еще больше усложняющим дело. Судебная практика знает относительно много слу-

чаев такой лжи, которая была истолкована против обвиняемых, в результате чего последние были неправильно осуждены; в качестве особенно разительного примера, можно привести случай, имевший место в Англии в 18-м веке и в основных своих чертах заключающийся в следующем. Помещик одной из провинций, умирая, оставил свою малолетнюю дочь на попечение своего брата. Последний принял на воспитание племянницу и в общем обращался с ней хорошо; но однажды он наказывал ее за какой-то проступок, и она, как слышали соседи, кричала, прося дядю не убивать ее. Вскоре после того девочка исчезла, а дядя был предан суду по обвинению в убийстве девочки, каковое обвинение подкреплялось тем, что в случае смерти девочки ее опекун является ее единственным наследником. В виду отрицания обвиняемым факта совершения убийства, суд отпустил его на поруки, обязав к следующей сессии розыскать и представить племянницу. Не имея возможности отыскать ребенка и боясь, что это будет истолковано в отрицательном смысле, обвиняемый представил другую девочку в суд под видом своей племянницы. Однако, обман был обнаружен путем допроса девочки, и обвиняемый был осужден за убийство и казнен. Позже обнаружилось, что девочка бежала от дяди и скрылась в другой местности.

Приведенный случай, равно как и другие, если не столь яркие, то не менее показательные, устанавливают с достаточной убедительностью, что далеко не всегда ложь, в которой уличен обвиняемый, служит доказательством того, что лживы и те его показания, где он отрицает предъявленное ему обвинение, откуда следует, что правильный анализ такого поведения обвиняемого и избранных им приемов защиты требует прежде всего от судьи беспристрастно-спокойного отношения к обвиняемому, так как при предвзято-недоверчивом отношении к каждому слову и поступку обвиняемого, раскрыть истину и избегнуть судебной ошибки представляется психологически совершенно невозможным.

Если, таким образом, неправильным является то исключительное недоверие, с каким зачастую относятся к показаниям обвиняемого, отрицающего предъявленное ему обвинение, то столь же неправильно относиться с безоговорочным доверием к исходящему от обвиняемого сознанию. Объяснение этого чрезмерного доверия, оказываемого сознанию, лежит в том же, в чем коренится обратное отношение к показаниям несознающегося обвиняемого, именно в расчете на психику последнего. Так как обвиняемый обычно заинтересован в исходе в смысле опровержения предъявленного ему обвинения, то считается, что для него естественным будет давать неверные показания тогда, когда это служит ему на пользу; лгать же в ущерб самому себе значит дей-

ствовать противно здравому смыслу. Именно это положение, что „никто не станет лгать в ущерб самому себе", положение, принятое в старом процессе, приводило к тому, что сознанию придана была исключительно высокая ценность, и оно объявлено было лучшим доказательством — „царицей доказательств"; в соответствии с этим, сознание выдвигалось на первый план, при чем судья стремился во что бы то ни стало добиться сознания, а достигнув этого другими доказательствами не интересовался вовсе или—в лучшем случае—отводил им второстепенное место, исходя из того, что если обвиняемый принес сознание, значит обвинение было ему предъявлено правильно. В старом процессе действовала т. н. система законных доказательств, на основании которой судья обязан был вынести обвинительный приговор при наличии в деле тех или иных доказательств, заранее указанных в законе. В частности, таким доказательством, обязывавшим судью к вынесению обвинительного приговора, было сознание обвиняемого, если оно удовлетворяло определенным, указанным в законе условиям (было принесено в суде, было сделано свободно и т. д.); иначе говоря, при наличии этих условий судья обязан был верить сознанию обвиняемого и не вправе был отвергнуть его как недостоверный или сомнительный материал. Когда, под влиянием определенных исторических условий, старый процесс был перестроен и система законных доказательств отпала, судье предоставлено было право оценивать каждое доказательство по своему внутреннему убеждению и, в частности, отпала для судьи формальная обязанность верить сознанию обвиняемого. Тем не менее суд, и при действии системы свободной оценки доказательств, в значительной степени воспринял старое положение вещей и до настоящего времени все еще склонен придавать слишком большое значение сознанию, исходя из того же положения, что обвиняемому незачем сознаваться в том, чего он не совершал. Между тем действительность знает бесчисленное множество примеров, говорящих совершенно иное, и судебная хроника всех стран дала ряд доказательств того, что часто сознание, принесенное обвиняемым, не соответствует действительности потому, что обвиняемый заблуждается, приписывая себе совершение преступления или же обвиняет себя заведомо ложно.

Причины, приводящие обвиняемого к такому несоответствующему действительности сознанию, чрезвычайно разнообразны.

Прежде всего должны быть отмечены сознания, вызванные расстроенной психикой; такие сознания, представляющие собой неосновательные самообвинения, имеют место на почве различных психических заболеваний, как-то: мелан-

холия, паранойя, маниакальное состояние, слабоумие, эпилепсия, истерия и др. Судебная хроника знает многочисленные случаи таких неосновательных самообвинений, причем, как на один из наиболее ярких примеров, можно указать на известное дело Братуши, в немногих словах заключающееся в следующем. В 1900 году в одной австрийской деревне исчезла 12-летняя дочь местного жителя Франца Братуши, на которого, вследствие некоторых обстоятельств, пало подозрение в убийстве дочери. На допросе Братуша сознался в том, что убил дочь, и показал, что часть тела он сжег, а часть съел, при чем, по словам Братуши, в убийстве принимала участие и его жена. Последняя первоначально отрицала свое участие в преступлении, а затем после исповеди у священника—созналась. На суде обвиняемые повторили свое сознание и были приговорены: жена Братуши к трем годам лишения свободы, а Братуша к смертной казни, замененной в порядке помилования пожизненным лишением свободы. В августе 1903 года, когда осужденные отбывали наказание, обнаружилось, что дочь Братуши жива и что никакого преступления не было. По освобождении Братуша был подвергнут освидетельствованию и был признан находившимся в состоянии психического расстройства, вследствие которого и под влиянием обстановки, в которой возникло против него подозрение, вообразил себя совершившим убийство и дал картину преступления, созданную его больной фантазией. Что же касается жены Братуши, то оказалось, что она созналась исключительно под влиянием священника, который будучи убежден в правдивости показаний Братуши, оговорившего свою жену, отказал последней в отпущении грехов, пока она не сознается; в результате, чтобы получить отпущение грехов, жена Братуши созналась в преступлении, которого вовсе не существовало.

Несомненно, что сознания, приносимые лицами с расстроенной психикой, часто принимают такую форму, при которой нереальность и даже нелепость сознания тотчас же становятся очевидными; но столь же несомненно, что такие сознания могут быть облечены в форму, легко вводящую судебные органы в заблуждение; это имеет место там, где мнимый преступник дает подобную картину преступления, чаще всего созданную под влиянием слышанных разговоров и толков и пополненную фантазией. В этих случаях внешнее, хотя бы частичное, совпадение содержания сознания с основными чертами действительного или предполагаемого преступления легко может повести судебные органы по неверному пути, особенно, когда психические дефекты данного лица не выступают наружу с достаточной отчетливостью, почему и остаются незамеченными окружающими,

как это, например, имело место в деле Братуши. В виду этого, исследование психического состояния сознавшегося обвиняемого может оказаться чрезвычайно полезным во всех тех случаях, когда самое содержание сознания дает основание сомневаться в правильности его. При этом необходимо также обращать самое тщательное внимание на ту обстановку, в которой сознание было принесено, так как действительность показала, что психически-дефектные часто взводили на себя обвинения исключительно под влиянием внушения, именно под влиянием слышанных ими разговоров о совершившемся преступлении или же под влиянием сведений, полученных из прессы; так, например, когда в 1896 году в Мюнхене слушалось громкое дело Бертхольда, обвинявшегося в убийстве, то—в течение процесса, длившегося две недели, семь человек разновременно явились к властям и заявили, что преступление, приписываемое Бертхольду, совершенно ими, при чем нелепость этих заявлений была видна с первого же взгляда.

Если бы все неосновательные самообвинения имели место исключительно со стороны психически-больных, то опасность для судебных органов быть введенными в заблуждение такими сознаниями, хотя и существовала бы, но все же была бы невелика. Но дело в том, что кроме этих случаев, где данное лицо само убеждено в том, что показывает истину,—судебная практика знает и другую категорию сознаний, где обвиняемый знает, что сознаваясь он говорит не то, что имело место в действительности, иначе говоря, приносит сознание заведомо ложное. Обстоятельства, при которых имеют и могут иметь место такие сознания, чрезвычайно разнообразны: иногда обвиняемый заведомо ложно сознается в преступлении менее тяжком для того, чтобы направить следствие по неправильному пути и помешать раскрыть действительно совершенное данным лицом преступление более тяжкое; иногда для того, чтобы обеспечить себе на зиму приют и пищу в тюрьме; иногда для того, чтобы найти выход из положения, кажущегося безвыходным. Так, например, иностранной судебной практике известен случай, когда юноша, пробравшийся ночью к любимой девушке, был задержан и заподозрен в покушении на кражу; не желая поставить свою подругу в тяжелое положение, подозреваемый сознался в покушении на кражу, о которой даже не помышлял. Не менее ярок и другой случай, имевший место в одной прусской деревне. Молодая девушка сошлась с работником, которому впоследствии заявила, что она беременна; она просила „покрыть грех“ браком, на что работник согласился. Спустя некоторое время жена заявила своему мужу, что накануне ночью она родила ребенка, которого закопала живым; это объясне-

ние она дала и на дознании. Но медицинским осмотром было установлено, что мнимая преступница даже не была беременна, после чего выяснилось, что она взвела на себя обвинение в убийстве ребенка, боясь что муж рассердится на нее, узнав, что он вступил в брак под влиянием сообщения о мнимой беременности. Наконец, к этой же категории должны быть отнесены и те случаи, когда ложное сознание приносится с целью принять на себя ответственность за преступление, совершенное другим лицом, и освободить последнее от угрожающей ему участи; в частности, один такой случай имел место в 1925 г. в практике Харьковского Губернского Суда, где гр-не Н. и С., принесшие сознание в даче взятки, были оправданы судом, так как выяснилось, что лица эти ложно приписали себе преступление с целью избавить от ответственности своих отцов-стариков, бывших действительными взяткодателями.

Среди различных причин, приводящих к ложному сознанию, особенного внимания заслуживают те, которые коренятся в физически или психически тяжелом положении обвиняемого, из которого последний ищет выхода в сознании, хотя бы заведомо ложном. Говоря о физически-тяжелом положении обвиняемого, должно иметь в виду не только случаи физического насилия или угрозы насилием, когда вымогание сознания составляет преступление со стороны допрашивающего лица, но и те случаи, когда обвиняемый поставлен в такое физически-тяжелое положение, которое, не являясь результатом наказуемого насилия или угрозы, тем не менее принуждает обвиняемого к сознанию. Известный пример ложного сознания, принесенного в указанных условиях, дала французская практика в деле Дуаз (Гарден), 1861 г. После того, как был найден убитым крестьянин Мартин Дуаз, подозрение в совершении преступления пало на его замужнюю дочь—Розалию Гарден. Последняя упорно отрицала свое участие в совершении преступления и, будучи арестована и помещена в тесную и темную камеру, настойчиво просила перевести ее в лучшее помещение, так как она находилась в последней стадии беременности и боялась за своего будущего ребенка. На все просьбы арестованной получался ответ, что просьба эта будет удовлетворена только в том случае, когда она сознается в убийстве. После двух месяцев заключения, обвиняемая принесла сознание, после чего была переведена в лучшую камеру. Родившийся вскоре ребенок умер, и Розалия Гарден взяла обратно свое сознание, объясняя его опасениями за ребенка. Эти объяснения не встретили доверия у суда, и Гарден была приговорена к пожизненному лишению свободы. Спустя два года, во время отбывания осужденной на-

казания, найдены были действительные преступники, после чего Гарден была освобождена.

Гораздо чаще, нежели физическое принуждение, имеет место принуждение психическое, которое не переходит в область наказуемого деяния, и даже иногда остается незаметным для лиц, ведущих расследование или рассматривающих дело, но которое тем не менее оказывает весьма сильное влияние на обвиняемого и приводит его иногда к ложному сознанию. Сюда относится: угроза подвергнуть аресту в случае запирательства; обещание освободить из-под стражи в случае сознания, уговаривание сознаться с указанием на возможность смягчения наказания, как на результат сознания и т. п. Иногда психическое давление, приводящее обвиняемого к ложному сознанию, имеется в тех случаях, когда обвиняемый, обессиленный допросом, и видя или считая, что улики сложились неблагоприятно для него, приносит ложное сознание, лишь бы прекратить допрос и тем самым вырваться из угнетающей его атмосферы, уйти в себя и отдохнуть, что бы ни ожидало его в дальнейшем. Иногда, наконец, давление на обвиняемого, с целью привести его к сознанию, исходит даже не от лиц, производящих допрос, а от посторонних, каковы друзья или родственники обвиняемого. Судебная хроника знает множество случаев, когда под влиянием указанных обстоятельств приносились заведомо ложные сознания, которые нередко влекли за собой роковые судебные ошибки. Так, в Австрии, в 1890 году, девушка, заподозренная в совершении аборта, созналась в преступлении, которого, как выяснилось впоследствии, она не совершала, при чем сознание принесено было под давлением настойчивого допроса, произведенного полицией. В Саксонии, в 80-х годах прошлого столетия, было возбуждено дело по обвинению в присвоении против официанта, которому его наниматель, владелец ресторана, поручил сдать на почту денежный пакет. На дознании и затем на предварительном следствии обвиняемый сознался, что, не сдав пакета на почту, вскрыл его, деньги спрятал, а письмо и конверт сжег. На суде подсудимый взял свое сознание обратно, но был осужден и приговорен к шести месяцам тюремного заключения. Во время отбывания осужденным наказания владелец ресторана случайно нашел денежный пакет в нетронутом виде в кармане одного из своих сюртуков. При вторичном рассмотрении дела оказалось, что владелец предполагал отправить пакет и, забыв, что он пакета не отдал для отправки, возбудил обвинение против официанта; последний же сознался потому, что допрашивавший его жандарм угрожал ему арестом в случае его запирательства. Сюда же должно быть отнесено и известное в австрийской судебной хронике дело Гаведы,

обвинявшегося в убийстве своей падчерицы Катерины Зрока. Девушка исчезла в 1881 году, и лишь чрез три года—на основании показаний ребенка—начато было дело против Гаведы, который сознался в совершении преступления и был приговорен к смертной казни, замененной, в порядке помилования, лишением свободы на двадцать лет. Во время отбывания осужденным наказания, Катерина Зрока вернулась в свою родную деревню. Оказалось, что она бежала из дому, что никакого преступления не было, и что Гаведа сознался потому, что допрашивавший его жандарм уверил его, что он не подвергнется наказанию в виду того, что со времени совершения преступления прошло три года. Наконец, особенно разительный пример ложного сознания содержит в себе известное дело Бурнсов, обвинявшихся в убийстве своего зятя Кольвина, каковое дело относится к 1819 году. Против обвиняемых собран был ряд улик, после чего они сознались и указали как обстоятельства, сопровождавшие совершение преступления, так и место, куда спрятан был труп. После приговора, которым они были приговорены к смертной казни, Кольвин был найден невредимым, при чем оказалось, что он скрылся из опасения, что братья Бурнс его убьют; последние же сознались под влиянием уговоров их друзей, которые указывали им на силу собранных улик и на то, что, будучи изобличены, обвиняемые могут спастись от смертной казни только путем чистосердечного сознания.

Сказанного вполне достаточно для того, чтобы признать, что старый процесс, считавший сознание обвиняемого наилучшим доказательством, исходил из совершенно неправильного положения и что, в действительности, сознание представляет собой не что иное, как рядовое доказательство, ничем от других доказательств не отличающееся, и подобно этим последним, могущее соответствовать действительности, равно как способное ввести суд в заблуждение. Иначе говоря, сознание является тем доказательственным материалом, который—наряду со всяким иным (например, с показаниями свидетелей)—подлежит критической оценке со стороны суда, почему факт принесения сознания не освобождает суд от обязанности тщательно проверить это сознание со стороны его содержания и соответствия обстоятельствам дела, равно как не лишает суд права произвести проверку и других имеющихся в деле доказательств.

Такая проверка сознания представляется крайне необходимой в целом ряде случаев, еще и потому, что сознание это иногда является результатом, так сказать, юридического заблуждения со стороны обвиняемого. Это имеет место тогда, когда обвиняемый, не считая себя совершившим то преступление, в котором его обвиняют, или же вовсе отрицая

наличие преступления в его действиях, в то же время признает, что определенные действия были им совершены, каковое признание, вследствие неправильной или неточной его формулировки, легко может быть принято за сознание, относящееся полностью к предъявленному обвинению; так, судебной практике известны едва ли не повседневные примеры „сознания“, где обвиняемый на вопрос о том, например, признает ли он себя виновным в убийстве потерпевшего, отвечает утвердительно, хотя в действительности, обвиняемый признавал лишь факт лишения им жизни потерпевшего, но отрицал преступность своих действий (например, утверждал, что имело место необходимая оборона), или же отрицал умысел в своих действиях, признавая наличие лишь неосторожности и т. д. Особенно внимательного к себе отношения требуют такие „сознания“ в тех случаях, когда идет речь о различных юридических тонкостях совершенно недоступных рядовому обвиняемому, как, например, в случае обвинения в убийстве, в то время как в действительности имело место нанесение телесных повреждений, повлекшее за собой смерть, или же когда вместо убийства, обвинение в котором предъявлено данному лицу, со стороны последнего было допущено лишь оставление в опасности, повлекшее за собой смерть и т. п.

Исходя из указанных соображений и видя в сознании лишь рядовое доказательство, действующий УПК требует, чтобы доказательство это (как и все другие) подвергалось каждый раз тщательной проверке со стороны судьи и оценивалось им на общем основании, по его убеждению, вытекающему из обстоятельств дела (ст. 58, 319 УПК). В соответствии с этим, ст. 282 дает лишь право суду, но не обязывает его, в случае принесения обвиняемым сознания отказаться от дальнейшего судебного следствия, откуда следует, что суд должен прежде всего тщательно рассмотреть и оценить сознание, после чего вправе признать его недостаточным и нуждающимся в проверке путем сопоставления с другими имеющимися в деле доказательствами.

Таким образом, как вообще, так и применительно к действующему УПК, для правильной оценки сознания необходимо прежде всего отрешиться от слепого и безусловного к нему доверия, а затем необходимо тщательно проверять каждый раз сознание. Конечно, положение старого процесса, гласившее что сознание всегда приносится обвиняемым в его собственных интересах, правильно, но только при этом не нужно забывать, что в целом ряде случаев обвиняемый считает, что его интересам соответствует именно ложное сознание. Такое понимание обвиняемым своих интересов вызывается иногда тонким расчетом, а чаще всего — неумением разобраться в создавшемся положении вещей,

подавленной психикой и целым рядом других причин. Именно поэтому необходимо анализировать сознание путем исследования всех причин, которые привели к нему. Выше было уже указано, что такое исследование иногда может привести к выводу о больной психике обвиняемого, но и в тех случаях, когда речь идет о психически здоровых, необходимо исследовать, каковы были те мотивы, которые побудили обвиняемого принести сознание, при чем исследование это должно выяснить, действительно ли обвиняемый свободно принес сознание или же последнее было дано в таких условиях, когда имелось давление на психику обвиняемого, при чем только в тех случаях, когда сознание принесено свободно, не только в формальном смысле этого слова, но и фактически, сознание это приобретает определенную ценность.

Наряду с этим исследованием сознания со стороны его мотивов, должно иметь место и исследование соотношения, имеющегося между сознанием и всеми обстоятельствами данного дела. В тех случаях, когда в деле имеются, кроме сознания, и другие доказательства, на обязанности судьи лежит сопоставить сознание с этими другими доказательствами и проверить, подтверждают ли сознание данные, извлеченные из других доказательств, а также обратно— соответствуют ли эти данные содержанию принесенного сознания, при чем только при наличии взаимного подкрепления и согласованности данных, извлеченных из сознания и из других доказательств, судья может сказать, что сознание соответствует действительности и может быть положено в основание обвинительного приговора. В тех же случаях, когда сознание противоречит другим доказательствам, имеющимся в деле, судье необходимо особенно осторожно подходить к сознанию и к определению его ценности. Само собой разумеется, было бы неправильным предписывать судье всегда отбрасывать сознание, когда оно противоречит другим доказательствам, имеющимся в деле, но еще более неправильным было бы рекомендовать судье всегда доверять сознанию, несмотря на то, что оно не находит себе подтверждения в обстоятельствах дела и—даже более того—опровергается другими доказательствами. Именно здесь судья должен особенно твердо помнить, что сознание есть только одно из доказательств, которое, как и всякое другое доказательство, может оказаться не имеющим никакой ценности в том или ином отдельном случае, почему именно здесь особенно важно для судьи знать, что нельзя слепо доверять сознанию только потому, что это есть показание, исходящее от подсудимого и говорящее против него же. Сознание, противоречащее другим доказательствам, должно вызывать особенно осторожное к себе отношение.

Такая же особая осторожность в оценке сознания необходима со стороны судьи и в том случае, когда сознание является единственным доказательством по делу. И здесь необходимо исследование мотивов сознания и той обстановки, в которой оно было принесено, и здесь судья не должен ограничиваться сознанием и по возможности искать других доказательств, а также тщательно исследовать, насколько сознание является правдоподобным и соответствующим всем обстоятельствам дела. Само собой разумеется, что и здесь было бы неправильно предписывать судье отвергать сознание во всех тех случаях, когда оно является единственным доказательством по делу: судья, конечно, может придти к твердому убеждению о совершении подсудимым данного преступления на основании одного сознания, но для того, чтобы такое убеждение было обоснованным, необходимо, чтобы оно не вытекало из слепого и безусловного доверия к сознанию, как к какому-то особо ценному доказательству, а было результатом тщательной проверки этого сознания и сопоставления его со всей обстановкой данного преступления.

Если сознание, не подкрепленное другими доказательствами, вообще требует особо осторожного к себе отношения, то, в частности, положение это еще в большей степени относится к тем случаям, когда сознание, принесенное обвиняемым, является тем единственным материалом, на основании которого устанавливается самый факт наличия преступления. Для признания данного лица, совершившим приписываемое ему преступление, необходимо прежде всего установить с достоверностью, что преступление это вообще имело место. Обычно, факт совершения преступления устанавливается независимо от показаний обвиняемого другими доказательствами, каковы, например, показания свидетелей, вещественные доказательства (обнаруженная рана на потерпевшем; труп потерпевшего, подложный документ и т. п.); но наряду с этим судебной практике известны многочисленные случаи, когда самый факт совершения преступления обосновывался главным образом или даже исключительно сознанием обвиняемого, привлеченного к делу на основании улик, давших только основание предполагать наличие преступления, но не давших уверенности в том, что это преступление действительно имело место. Именно в таких случаях, когда сознание одновременно является доказательством самого существования преступления и участия в нем обвиняемого, требуется исключительно осторожное отношение к сознанию. Несомненно, что даже при таком положении вещей судья в праве оказать полное доверие сознанию и осудить данного обвиняемого как совершителя этого преступления; но при этом судья должен помнить, что такое доверие возможно оказать сознанию лишь в исключительных

случаях, когда устранены какие-бы то ни было сомнения в достоверности сознания, исходящего от обвиняемого. История уголовного суда различных стран и эпох давала наиболее яркие случаи судебных ошибок именно в тех случаях, когда факт совершения преступления не был установлен с достаточной достоверностью, и наличие преступления признавалось исключительно или главным образом на основании сознания обвиняемого; таковы, в частности, примеры, приведенные выше, в деле Делаланда и Жилля, в деле Братуши, Гаведы, Кольвинов и др. В виду этого, судья обязан искать других, помимо сознания, доказательств факта совершения преступления и в случае отсутствия таких доказательств, чаще всего должен будет признать сознание недостаточным для вынесения обвинительного приговора.

Примером такого правильного критического отношения к сознанию может служить приговор Народного Суда г. Харькова по делу по обвинению гр. К. в краже. Обвиняемый был задержан вечером на улице с железной кроватью, при чем на допросе объяснил, что кровать эту он похитил, отказавшись указать место совершения преступления. Заявление о краже кровати ни от кого не поступало и Народный Суд, принимая во внимание, что не представляется возможным установить факт преступления, признал обвинение недоказанным и вынес гр. К. оправдательный приговор.

Установив, что сознание есть такое же доказательство, как и всякое иное, и что оно оставляет место для сомнений, а иногда и приводит судью к неправильному приговору, необходимо сделать следующий шаг и признать, что задачей как судьи, так и лица, производящего расследование, вовсе не является получение сознания во что бы то ни стало и что, кроме сознания, необходимо отыскивать и другие доказательства. Это положение в свою очередь приводит к необходимости признать, что, при наличии в деле одного лишь сознания, судья и следователь не в праве успокоиться на этом и обязаны отыскивать другие доказательства, которые подтвердили бы это сознание, так как только в этом случае сознание получает определенную ценность и может лечь в основание обвинительного приговора; иначе, дело, несмотря на наличие сознания, не получит надлежащего всестороннего освещения, что в конечном результате может привести к неправильному приговору.

Наконец, отказ от слепого доверия к сознанию приводит еще к одному выводу практического характера и обязывает признать, что центр тяжести судебного следствия лежит вовсе не в допросе подсудимого, а в рассмотрении других доказательств. Конечно, если подсудимый признает правильность предъявленного ему обвинения и дает объяснения, вполне совпадающие с обстоятельствами дела,

дальнейшее судебное следствие может оказаться излишним (ст. 282 УПК), почему, в целях возможной экономии силы и времени, рассмотрение имеющихся в деле доказательств всегда должно начинаться предложением подсудимому заявить, признает ли он правильным предъявленное ему обвинение. Но если подсудимый, в ответ на указанный вопрос, не приносит сознания, картина сразу меняется, и задача суда заключается не в том, чтобы в первую очередь добиться сознания, а в том, чтобы рассмотреть другие имеющиеся в деле доказательства, так как тот или иной порядок судебного следствия дает совершенно различные результаты. Если суд до рассмотрения других доказательств устремит всю свою энергию на допрос подсудимого, то допрос этот неизбежно примет затяжную форму и столь же неизбежно выльется в улавливание подсудимого на противоречиях, неясностях и других недостатках его показания. Если при этом подсудимый в результате допроса все же не принесет сознания, то против него будет говорить то, что суд зачастую сочтет косвенным сознанием, именно, иногда действительное, иногда только кажущееся нежелание ответить на тот или иной вопрос, противоречия в показаниях, неясности, самая манера давать показания и т. п. Если же подсудимый, первоначально не сознавшийся, принесет сознание в результате допроса, то в этом случае на лицо будут именно те условия, при которых, как показала действительность, сознание теряет значительную часть своей ценности, так как в этих случаях часто может иметь место то психическое давление, иногда даже незаметное допрашивающему судье, которое лишает подсудимого возможности правильно оценивать создавшееся положение вещей и силу улик, и которое приводит зачастую к сознанию, продиктованному сознанием безнадежности своего положения, стремлением закончить допрос и, наконец, расчетом на возможность смягчения своей участи, как на результат сознания. Несомненно, что сознание, принесенное в указанных условиях, может оказаться и часто оказывается соответствующим действительности, но столь же возможно, что сознание это поведет судью по неправильному пути. Между тем, при наличии сознания, хотя бы добытого в указанных условиях, судья неизбежно потеряет в значительной, если не в полной мере интерес к остальным имеющимся в деле доказательствам и либо вовсе откажется от их рассмотрения, либо будет оценивать их только с точки зрения их соответствия уже имеющемуся сознанию; при обратном же порядке вещей, рассмотрение тех же доказательств могло бы привести судью к прямо противоположным выводам. Поэтому правильнее будет такая система, при которой центр тяжести переносится на рассмотрение всех других доказательств,

при чем с этого и начинается судебное следствие в случае непринесения подсудимым сознания; при таком порядке подсудимый дает объяснения по мере рассмотрения судом отдельных доказательств, при чем объяснения эти зачастую сразу вскрывают ценность показаний подсудимого и степень основательности его утверждений; равным образом, допрос подсудимого, отнесенный к концу судебного следствия, дает возможность сразу установить соответствие или несоответствие показаний подсудимого с уже рассмотренными доказательствами, почему как запирательство подсудимого, так и сознание его выступают перед судом в правильном и ясном освещении.

Само собой понятно, что было бы неправильным выставить как непреложное правило, что допрос подсудимого всегда должен быть отнесен к концу судебного следствия; это было бы неизбежно, так как в целом ряде случаев особенности дела таковы, что суд вынужден начинать рассмотрение доказательств допросом несознавшегося подсудимого, поэтому законодатель должен представить решение этого вопроса суду, рассматривающему данное дело, но при этом суд должен помнить отрицательные стороны проводимого в первую очередь допроса подсудимого и должен, при наличии на то возможности, начинать с рассмотрения других имеющихся в деле доказательств.

Действующий УПК в указанном вопросе стоит на правильной позиции, предоставляя суду—по заслушании мнения сторон—решить в каждом отдельном случае, в какой момент судебного следствия будет произведен допрос подсудимого. Соответствующее положение, содержащееся в ст. 281 УПК, выгодно отличает последний от ряда западноевропейских уголовно-процессуальных кодексов, предписывающих начинать судебное следствие допросом подсудимого, и вместе с тем представляет собой значительный шаг вперед сравнительно с практикой, существовавшей до введения в действие УПК, каковая практика выдвигала на первый план допрос подсудимого, этим допросом начинала судебное следствие и иногда даже этим и ограничивалась. Действующий УПК предоставил суду право определять в каждом отдельном случае момент допроса подсудимого и тем самым дал возможность практике сделаться более гибкой в данном вопросе и проводить судебное следствие более правильным путем. Ст. 281-я УПК не остается мертвой буквой, и в целом ряде случаев суды не считают для себя обязательным начинать рассмотрение доказательств допросом несознавшегося подсудимого; такой сдвиг с прежней позиции можно считать только положительным явлением, и чем чаще суды – в тех случаях, когда по обстоятельствам дела это представляется возможным,—будут отодвигать мо-

мент допроса несознавшегося подсудимого к концу судебного следствия, тем чаще будет достигнута правильная постановка самого следствия и правильная оценка имеющихся в деле доказательств. Эта практика будет содействовать усилению вполне целесообразного стремления отыскивать в каждом деле доказательства помимо и сверх сознания, а также сведет последнее к тому, чем оно и является по сущности своей, именно к доказательству, стоящему в ряду других доказательств, и, как и эти последние, имеющему как положительные, так и отрицательные свойства и, следовательно, имеющему различную в каждом отдельном случае доказательную ценность.

ЛИТЕРАТУРА.

1. *Андреев.* О вызове свидетелей и экспертов и истребовании доказательств по ходатайству обвиняемых. ЕСЮ, 1924 г., № 39—40.
2. *Л. Ахматов.* Отстранение от должности органами дознания. ВСЮ, 1925 г. № 6.
3. *Н. Басов.* Об изменении предмета обвинения. РС, 1925 г. № 19—20.
4. *Г. Волков.* Прекращение дел о „психически-невменяемых". ВСЮ, 1925 г. № 13.
5. *А. Б. Вроблевский.* Постатейный Комментарий к УПК РСФСР. М. 1923 г.
6. *В. Громов.* Целесообразность как социально-правовой принцип советского законодательства. ЕСЮ, 1925 г. № 15.
7. *В. Громов.* Коллективное поручительство за обвиняемого. ЕСЮ, 1925 г. № 21.
8. *М. Гродзинский.* Допрос обвиняемого в новом УПК. ПЖ, 1922 г. № 3.
9. *М. Гродзинский.* О целесообразности в обвинении. ВСЮ, 1925 г. № 6.
10. *М. Гродзинский.* Сознание обвиняемого. ВСЮ, 1925 г. № 4 и № 5.
11. *С. Дворкин.* Обязанности следователя в отношении гражданского иска в уголовном процессе. ВСЮ, 1923 г. № 8.
12. *А. Жижиленко.* Судебное заседание. Комментарий к ст. ст. 257—310 УПК. М. 1924 г.
13. *Б. Загорье.* Ст. 4а УПК Пролетарский Суд 1925 г. № 3.
14. *Н. Зильберштейн.* Основы уголовного судопроизводства СССР и Союзных Республик, ВСЮ, 1925 г. № 5
15. *А. Иодковский.* Порядок надзора в процессе. ЕСЮ, 1923 г. № 37.
16. *А. Иодковский.* Прекращение уголовных дел по мотивам целесообразности. ЕСЮ, 1925 г. № 10.
17. *К. П.* Привлечение в качестве обвиняемого на предварительном следствии. ЕСЮ, 1925 г. № 2.
18. *М. П. Коваленков.* Основы советского уголовного судопроизводства. Ленинград, 1925 г.
19. *А. Колосов.* Предание суду по действующему русскому праву. ПЖ, 1923 г. № 2.

20. *Б. Куликов.* Допрос подсудимых в нашей практике.— Вестник Советской Юстиции на Украине, 1922 г. № 2.

21. *И. О. Кенис.* Сознание подсудимого как судебное доказательство. ВСЮ, 1924 г. № 19.

22. *И. О. Кенис.* Прекращение следственного производства в отношении части обвиняемых. ВСЮ, 1925 г. № 3.

23. *М. Липманн.* Психология допроса обвиняемого в уголовном процессе. ПЖ, 1924 г. № 3—4 и № 5—6.

24. *П. И. Люблинский и Н. Н. Полянский.* Уголовно-Процессуальный Кодекс РСФСР (Комментарий). М. 1924 г.

25. *П. И. Люблинский.* Предварительное следствие. (Комментарий к главе IX УПК). М. 1924 г.

26. *П. И. Люблинский.* О доказательствах в уголовном суде. (Комментарий к главе IV УПК) М. 1924 г.

27. *П. И. Люблинский.* Меры пресечения (Комментарий к главе XII УПК). М. 1924 г.

28. *П. И. Люблинский.* Гарантии прав подозреваемого при производстве дознания. ВСЮ, 1924 г. № 15.

29. *П. И. Люблинский.* Границы кассационного обжалования и кассационного рассмотрения по УПК (ПЖ, 1924 г. № 7—8, № 9).

30. *П. И. Люблинский.* Упрощенные порядки процесса по УПК. ПЖ, 1924 г. № 10.

31. *Г. Милькевич.* Прекращение дел по мотивам целесообразности. ЕСЮ, 1925 г. № 10.

32. *Б. В. Овсянников.* Отстранение обвиняемого от занимаемой должности и юридические последствия этого отстранения. ВСЮ, 1925 г. № 15—16.

33. *А. Плюшков.* Заметки кстати и некстати. ЕСЮ, 1925 г. № 21.

34. *Н. Петухов.* Лишение свободы, как мера пресечения к уклонению от суда. ЕСЮ, 1923 г. № 29.

35. *Н. Н. Полянский.* Надзор за судебными установлениями. ПЖ, 1924 г. № 3—4.

36. *Н. Н. Полянский.* Юридическая природа кассации по УПК и практика применения I ч. ст. 437 УПК. ПЖ, 1924 г. № 1.

37. *Н. Н. Полянский.* Принципиальные вопросы в кассационной практике Верховного Суда РСФСР.—ПЖ, 1925 г. № 2—3.

38. *Н. Н. Полянский.* УПК. Сравнительный очерк старой и новой редакции.—М. 1925 г.

39. *Н. Попов.* Субъекты соединенного процесса.—ВСЮ, 1925 г. № 15—16.

40. *И. Парфенов.* Права следователя при исследовании преступлений путем судебно-медицинской экспертизы.—ВСЮ, 1925 г. № 10—11.
41. *Д. Б. Рубинштейн.* Уголовный Суд РСФСР.—М. 1925 г.
42. *М. Ривкин.* Положение подозреваемого в процессе предварительного следствия.—РС, 1924 г. № 10.
43. *М. Ривкин.* Права обвиняемого на предварительном следствии —РС, 1925 г. № 3—4.
44. *В. Скерст.* К вопросу о правах обвиняемых в уголовном процессе.—Вестник Советской Юстиции на Украине, 1922 г. № 5—7.
45. *Н. Сутулов.* Сознание обвиняемого как одно из доказательств виновности.—Административный Вестник, 1925 г. № 2.
46. *А. С. Тагер.* Кассационное обжалование судебных приговоров.—М. 1924 г.
47. *Ю. Тривус.* Нарушение ст. 313 УПК как кассационный повод.—ПЖ, 1924 г. № 10.
48. *В. Ундревич.* О предварительном следствии.—ЕСЮ, 1924 г. № 9.
49. *В. Ундревич.* Кассационное изменение приговора.—ЕСЮ, 1925 г. № 13.
50. *С. Ходжащ.* Прекращение по нецелесообразности дел, возбужденных в порядке частной жалобы.—ЕСЮ, 1925 г. № 24.
51. *М. Чельцов.* Охрана законных прав или незыблемость судебных ошибок.—ВСЮ, 1925 г. № 10—11.
52. *Г. Шнейкерт.* Тайна преступника и пути к ее раскрытию. Перевод с немецкого под редакцией П. Люблинского.—ПЖ, 1925 г.
53. *А. Д. Щербак.* Что должна дать обвиняемому ст. 131 УПК.—ВСЮ, 1924 г. № 7.
54. *А. Эстрин.* Новый порядок наблюдения за дознанием.—ЕСЮ, 1925 г. № 1.
55. *Е. Яковлев.* К вопросу о гарантиях права подозреваемого при производстве дознания.—ВСЮ, 1925 г. № 15.

Условные сокращения.

ЕСЮ—Еженедельник Советской Юстиции.
ВСЮ—Вестник Советской Юстиции.
РС—Рабочий Суд.
ПЖ—Право и Жизнь.

Цена 1 р. 50 к.